

ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

8(2) 2022

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС 77-67557 от 31 октября 2016 г.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 8. № 2. 2022

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 8. № 2. 2022

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – *председатель редакционной коллегии*

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагић С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиологии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва), Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – *Chairman*

IRINA ANTANASIEVIC, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Mediology, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Faculty of Music, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения Факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения, историко-филологический факультет педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Faculty of Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKEY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Historical and Philological Faculty, Pedagogical Institute; Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Даренский В. Ю. Миф как холотропное мышление 5	Darensky V. Ju. Myth as holotropic thinking 5
Аполлонов И. А., Тарба И. Д. Смысловые основания ценностей культуры в зеркале майевтики Сократа (на примере диалога «Лакхет») 18	Apollonov I. A., Tarba I. D. Semantic foundations of cultural values in the mirror of Socrates' mayeutics (on the example of the dialogue "Lakhet") 18
Нифонтова О. И. Семантика греха (к истории и онтологическому статусу понятия) 28	Nifontova O. I. Semantics of sin (on the history and ontological status of the concept) 28
Гончаренко И. В., Коровина О. В., Месяц К. В., Сергеева И. Н., Апатенко Д. В. Цензура в интеллектуальной культуре России (ситуации XIX – начала XX веков) 43	Goncharenko I. V., Korovina O. V., Mesyats K. V., Sergeeva I. N., Apatenko D. V. Censorship in the intellectual culture of Russia (situations of the 19th – early 20th centuries) 43
Титов А. Ю. Динамический парадокс системы К.С. Станиславского: закон органического творчества 65	Titov A. Yu. The dynamic paradox of the Stanislavsky System: the law of organic creativity 65
Нанкевич А. А. Цветовые системы как способ репрезентации категорий цвета 77	Nankevich A. A. Color systems as representatives of color categories 77
Чеснокова Л. В. Утрата информационной приватности в социальных сетях и проблема коллапса контекста 94	Chesnokova L. V. Loss of information privacy in social networks and the problem of context collapse 94
Ясников Н. Н., Гужавина Т. А. Связь социального капитала с коллективными действиями в молодежной среде. Кейс Вологодской области 106	Yasnikov N. N., Guzhavina T. A. Bonds of social capital with collective action in the youth environment. Case study of the Vologda region 106
АРХИВ	ARCHIVE
Соколова Е. Е. Дискуссии о методологических основаниях обучения и воспитания в послевоенной советской школе 124	Sokolova E. E. Discussions on the methodological foundations of education and upbringing in the post-war soviet school 124

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ	MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS
Харченко В. К. Страх как критик: уроки сегодняшнего дня 138	Kharchenko V. K. Nikolay Strakhov as a critic: today's lessons 138
Маслова А. В. Перспективы естественного интеллекта человека в свете тенденций трансгуманизма 149	Maslova A. V. Perspectives on human natural intelligence in light of trends in transhumanism 149
Стоянов А. С., Кондратьева М. В. Влияние винтажных персонажей на привлекательность рекламы 160	Stoyanov A. S., Kondratieva M. V. The influence of vintage characters on advertising attractiveness 160
Григорьев С. Л. Политика культурно- коммуникационного комбайна (рецензия на книгу Н. Б. Кирилловой «Медиаполитика государства в условиях социокультурной модернизации: учебное пособие для вузов». М.: Юрайт, 2022. 109 с.) 176	Grigoryev S. L. The policy of the cultural and communication combine (review of the book by N.B. Kirillova 'Media policy of the state in the conditions of socio- cultural modernization: a textbook for universities'. Moscow: Yurayt, 2022. 109 p.) 176
Ахмед М. М. А. Специфика медиарепрезентации социокультурных изменений в условиях цифровизации социума 182	Ahmed M. M. A. The specifics of media representation of socio-cultural changes in the conditions of digitalization of society 182
Суворова Е. В. Бизнес-тренинг как философско- антропологический феномен 188	Suvorova E. V. Business training as a philosophical and anthropological phenomenon 188

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК 008

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-1

Даренский В. Ю. | Миф как холотропное мышление

Луганский государственный педагогический университет, ул. Оборонная, д. 2, г. Луганск, 91011, ЛНР; darenskiy1972@rambler.ru

Аннотация. В статье предлагается концепция мифа как первичного (базового) способа мышления, которое определяется как «холотропное». Автор отталкивается от теорий мифа, для которых он является всего лишь иллюзией, показывая их неадекватность. В частности, рассматривается когнитивная теория мифа И.М. Дьяконова. Показано, что «научное» (натуралистическое) объяснение мифа на самом деле не объясняет ничего, т. е. не понимает само существо мифа – оно остается для него слепым пятном. Объясняются здесь лишь внешние, чисто «технические» механизмы мифа как формы высказывания. Но эти натуралистические (материалистические) псевдообъяснения сущности мифа имеют своего рода отрицательную ценность. Она состоит в том, что, касаясь лишь внешне-словесной оболочки мифа, они апофатически указывают и на его внутреннюю суть.

Ключевые слова: миф; И.М. Дьяконов; истина мифа; эвристичность

Для цитирования: Даренский В. Ю. Миф как холотропное мышление // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 5-17. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-1

V. Ju. Darensky | Myth as holotropic thinking

Luhansk State Pedagogical University, 2 Oboronnaya St., Luhansk 91011,
Luhansk People's Republic; darenskiy1972@rambler.ru

Abstract. The article proposes the concept of myth as a primary (basic) way of thinking that is defined as “holotropic”. The author starts from the theories of myth, for which it is merely an illusion, showing their inadequacy. In particular, I. M. Dyakonov's cognitive theory of myth is examined. It is shown that the "scientific" (naturalistic) explanation of myth does not actually explain anything, i.e. it does not understand the very essence of myth – it remains a blind spot for it. Only the external, purely "technical" mechanisms of myth as a form of utterance are explained here. But these naturalistic (materialistic) pseudo-explanations of myth's essence have a kind of negative value. It consists in the fact that, while touching only the external verbal shell of myth, they also apophatically point to its inner essence.

Keywords: myth; Igor M. Diakonov; the truth of myth; heuristics

For citation: Darensky V. Yu. (2022), "Myth as holotropic thinking", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 5-17, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-1

Мифология первобытных и древних народов традиционно является жертвой современной «научной» мифологии. В попытках объяснить древние мифы наука в свою очередь создает собственные мифы о мифе. В качестве характерного примера такой современной мифологизации мифов можно привести тезис из книги Е.Я. Режабека «Мифомышление (когнитивный анализ)» (2003): «Мифическая реальность начинается там, где индивид не контролирует собственные действия, а приписывает реальности свои субъективные ощущения, даже не подозревая об этом» (Режабек, 2003: 217). Если данный тезис принимать всерьез, то и древний человек, создавший классические мифы, и современный человек, создающий мифы неклассические (культурные, политические, научные и др.) – это психически неадекватные люди, страдающие аутизмом, шизофренией и имбецильностью, не способные себя контролировать и отличать реальность от фантазии. В таком случае совершенно непонятно, как мог такой человек выживать в тяжелейших условиях первобытности и древности; а относительно человека современного возникает еще и вопрос, на каком основании он считает себя рациональным? Современных мифотворцев, говорящих о мифе от имени науки, всегда выручает то, что они трактуют миф как некую несовершенную стадию познания. Но и это на самом деле ничего не объясняет, поскольку миф о мифе как об «иллюзии» исключает его познавательную ценность. Эти два парадокса, неустранимые из господствующих ныне представлений о мифе, которые выдают себя за научный подход, лежат прямо на поверхности, но именно поэтому их упорно стараются «не замечать». Поэтому их нужно наконец-то заметить и рассмотреть по существу. Целью данной статьи является концептуализация мифа как первичного

(базового) типа человеческого познания. Поскольку научная литература на эту тему необъятна, то мы будем отталкиваться от некоторых интересных, но уже почти забытых концепций отечественных авторов, в частности, И.М. Дьяконова.

Наследие известного русского востоковеда, специалиста по древнесемитским культурам И.М. Дьяконова (1915–1999) многообразно. Особое место в нем занимает его книга «Архаические мифы Востока и Запада» (1990). Как отметил А.А. Бесков, «хотя ее первое издание вышло еще в 1990 году, широкого распространения взгляды И.М. Дьяконова на миф не получили» (Бесков, 2015: 118). И это естественно, поскольку в тот момент все внимание философов и культурологов было поглощено публикацией гениальной «Диалектики мифа» А.Ф. Лосева в 1991 году, а также концепциями мифа Я.Э. Голосовкера (его «Логика мифа» была опубликована в 1987 г.) и модных западных авторов, начиная с К. Леви-Стросса (его книга в СССР вышла в 1985 г.) и М. Элиаде (исследование «Космос и история» было опубликовано в 1987 г.). Вместе с тем, концепция И.М. Дьяконова имеет свою специфическую ценность, поскольку ее автор исходил из своего радикально секуляризированного советского мировоззрения, для которого миф изначально полагался как нечто *a priori* чуждое, ложное и отжившее, что давало позицию радикального «ostraneniya» (В. Шкловский) по отношению к мифологии, имевшей место в истории. Тот факт, что его собственное советское, «научное» и «рациональное», мировоззрение также глубоко мифологично, а во многих отношениях является и возвращением в самую глубокую архаику, И.М. Дьяконовым, естественно, не осознавался, поскольку в рамках этого мировоззрения такое осознание невозможно. Здесь ценным оказывалось

другое: исходя из якобы внемифологической позиции, И.М. Дьяконов пытался *ab ovo* определить, что же такое миф вообще? А поскольку в его мировоззрении мерилom всякого сознания было познание, то и миф он пытался понять в качестве некой несовершенной формы познания мира. Такой подход можно определить как «когнитивную», или «сциентистскую», теорию мифа.

Подход этот в России уже давно не воспринимается всерьез, поскольку после «Диалектики мифа» стало аксиомой понимать миф как тотальную реальность и универсальный способ понимания чего бы то ни было. Такое парадигмальное понимание мифа хорошо определил А.В. Ставицкий: «Вне мифа человеку находиться нельзя, как нельзя находиться в космосе без скафандра, ибо быть вне мифа, значит быть вне культуры, вне строящегося на своей мифологии социума, быть вне смыслового поля значений» (Ставицкий, 2021: 107). Показательной для универсалистского понимания мифа является, например, и статья Т.А. Апинян «Тоска по мифу или миф как событие современности» (Апинян, 2004). Стоит ли сейчас вспоминать наивные сциентистские подходы, когда верят, что можно мыслить о мифе, находясь вне мифа? Стоит, поскольку они «от противного» доказывают несостоятельность тех якобы научных объяснений природы мифа, которые трактуют его как иллюзию.

Поскольку для И.М. Дьяконова «реальностью» является только материальный мир, то существование таких феноменов, как миф, не совпадающих с материальной реальностью, требует объяснения. Его подход можно назвать гносеологизмом, так как миф здесь рассматривается в первую очередь как способ познания и объяснения мира, при этом гносеологизм этот имеет наивно-натуралистический характер. По его определению, миф – это «способ массового и устойчивого выражения мироощущения и миропонимания человека, еще не создавшего себе аппарата абстрактных обобщающих понятий и соответственной

техники логических умозаключений» (Дьяконов, 1990: 9). Человек еще не мог описать что-либо с помощью общих понятий, но мог передать другому лишь какой-то конкретный чувственный образ, вызывающий у других схожие психологические реакции: «Миф в любом случае предназначен для обобщения феноменов, в целом одинаково воздействующих на сознание человека; задача обобщения – вызвать одинаковые эмоциональные и практические реакции» (Дьяконов, 1990: 39). При отсутствии абстрагирования способом обобщения являлись тропы (в первую очередь, метафора и метонимия): «Всякое высказывание, содержащее в себе материал для абстрактных понятий, будет на уровне архаического общества и архаического языка неизбежно выражено только в форме тропа» (Дьяконов, 1990: 28). Цель И.М. Дьяконова – «социально-психологическое истолкование мифотворческого процесса» (Дьяконов, 1990: 51). Однако, отмечает он, «в изучаемом нами материале ядро мифа – мифологема – не дано непосредственно: перед нами руда, из которой металл в чистом виде надо еще выплавить. И это, конечно, справедливо: но нас здесь будет интересовать именно “металл” – социально-психологический материал мифологем» (Дьяконов, 1990: 12). При этом «само понятие “миф” принадлежит позднему времени, а древний человек не делал различия между действительным и иллюзорным познанием. Миф при этом не произвольная сумма тропов: мифотворчество имеет свои объективные мотивы» (Дьяконов, 1990: 13). А именно, «древний человек вынужден был в языке передавать общее через отдельное и не имел средств для выражения общих непредметных понятий... не было средств выразить эту интуицию “общего” иначе как с помощью языкового знака для необщего феномена – с помощью тропа: метонимии, метафоры, омофонии и тому подобного» (Дьяконов, 1990: 24). Например, в шумерском языке III тысячелетия до н. э. слово «судьба» обозначалось иероглифом птицы (Дьяконов, 1990: 24).

Как пишет И.М. Дьяконов, «событийно развернутое высказывание неизбежно должно будет принять форму мифа, высказывания, в котором общая мысль передается через частное, но такое частное, которое является выражением общего, т. е. через тропы определенного семантического поля либо, чаще, его части – семиотического ряда» (Дьяконов, 1990: 28). Миф «есть связная, “сюжетная” интерпретация феноменов мира в условиях отсутствия общих понятий и при необходимости обобщения через тропы» (Дьяконов, 1990: 72); миф – это «высказывание, содержащее в себе материал для мысленного и для эмоционального обобщения, в современных условиях подлежащих передаче, с одной стороны, в абстрактных понятиях, с другой – в художественных образах» (Дьяконов, 1990: 29); «миф – событийное высказывание об осмыслении внешнего и внутреннего мира, более эмоциональном, чем рассудочном. И это такое высказывание, которое делается в условиях, когда обобщение может быть передано только через троп. Мало того – миф еще и высказывание, хотя и основанное на практическом наблюдении за связью феноменов» (Дьяконов, 1990: 34). Миф изначально понимается как форма познания: «Миф как суждение предполагает попытку выявить некую суть действующего явления. Поэтому миф был поиском некоей правды. Он не может быть произвольным, отвлеченным от феноменов мира» (Дьяконов, 1990: 31).

Причина существования мифа в том, что «в архаическом языке отсутствуют (или крайне недостаточно присутствуют) слова для выражения абстрактных понятий... Поэтому архаическое мышление должно быть тропическим» (Дьяконов, 1990: 36); «на долю мифотворчества (а позже – искусства) остается передавать обобщения ассоциативно через отдельное. Но это “отдельное” не есть единичное, а есть образ с неограниченным числом возможных эмоциональных ассоциаций. Образ восполняет ограниченные возможности протоколльно-рацио-

нальных форм сообщения и вызывает соответствующий или близкий эмоциональный резонанс у другого лица. Речь идет не просто о собственной эмоции, а об индуцировании сходных эмоций у других. Здесь могут и должны образовываться тропы, т. е. приемы применения слова не в его обычном (“прямом”) значении, а в значении метонимическом, эмоционально выделяющем (с целью их обобщения) какие-то определенные признаки или эмоциональные ассоциации» (Дьяконов, 1990: 38). Тем самым, «механизм» образования мифа якобы носит характер своего рода языкового автоматизма применения «подходящих» слов. Этот автоматизм обеспечивает «возможность пользоваться отождествлением, эпитетом и сравнением в качестве обобщения – либо по принципу метафоры (так, что одно явление сопоставляется = отождествляется с другим, хотя с ним и не связанным, но обладающим общим с ним признаком, с целью обобщения именно этого признака, например “солнце – птица” вместо “солнце парит в пространстве и движется по небу”, “источник воды – глаз” вместо “круглый, блестящий”), либо по принципу метонимии, т. е. подмены одного понятия другим, связанным с ним в каком-то отношении, необязательно по линии причинно-следственной связи» (Дьяконов, 1990: 40). Поэтому «кажущаяся алогичность, произвольность мифологической фантазии, надо полагать, объясняется именно тем, что осмысление и обобщение явления мира происходят в мифе по семантическим эмоционально-ассоциативным рядам. Так, по семантическим рядам в египетском мифе Солнце, с одной стороны, золотая птица-сокол, парящая в небе, а с другой – глаз бога, охраняемый священной змеей (семантический ряд “глаз – источник – вода – змея”, скрещивающийся с рядом “солнце – свет – зрение – глаз – источник”); точно так же, по иному семантическому ряду, хлеб вырастает из мертвого тела бога» (Дьяконов, 1990: 44).

И.М. Дьяконов не уделил особого внимания анализу вторичной и третичной

мифологии, сосредоточив все свое внимание на архаической мифологии, которую можно назвать первичной. Как отметил А.А. Бесков, «в предложенную ученым категорию третичной мифологии вполне можно включить современные мифологии, описанные Р. Бартом и другими авторами» (Бесков, 2015: 119). Однако само существование «вторичной» и «третичной» мифологии в наше время, когда абстрактное мышление не только развито, но и подавляет собой все остальное, для теории И.М. Дьяконова должно выглядеть совершенно необъяснимым. И он действительно объяснения этому факту не дает, видимо, относя его в сферу так называемых «пережитков», что явно ошибочно, поскольку новый тип мифологии выполняет новые функции.

Однако эта несуразность на самом деле уже вторична и производна от главной ошибки всех, кто пытается объяснить миф в рамках своего «материалистического» мировоззрения, наивно отождествляя его с «научностью». Эта ошибка состоит в том, что современный человек переносит на человека архаического собственные модели мышления по принципу двоичности – в частности, то различие «абстрактного» и «конкретного», которое свойственно мышлению современного человека. Да, если исходить из *такого* различия, то тогда миф *выглядит* как метафора – обозначение чего-то (правда, непонятно чего) «абстрактного» посредством «конкретного» образа. Но на самом деле, архаический человек так не мыслит и никаких метафор не создает. Архаический человек мыслит прямо противоположным образом – для него мир уже изначально дан как конкретная целостность, в рамках которой он с помощью слова выделяет качественно различные свойства явлений. *Это не перенос имени с чего-то одного на что-то другое (метафора) и не именование по смежности (метонимия), а прямо противоположное действие – разделение первичного аморфного единства (хаоса) реальности путем выделения ее элементов, образующих порядок*

(космос). Метафоры возникают как раз тогда, когда мышление уже выходит из первичной мифологической стадии и утрачивает восприятие единства всего сущего как первичный опыт сознания. Только тогда и появляются метафоры, когда восприятие реальности уже стало изначально раздробленным, и поэтому для восстановления его целостности приходится теперь выражать «одно через другое». Но это уже современное сознание, которое в этом отношении прямо противоположно мифологическому мышлению. Тем самым, И.М. Дьяконов просто переносит на древнего человека стереотипы собственного сознания по принципу «двойничества».

Полвека назад луганский философ Д.А. Жданов ввел термин «протоформа мышления», обозначив им первичные формы мысли, еще не расщепленные на образы и логические понятия (см.: Жданов, 1969: 5). Собственно, такими «протоформами» были все те же слова, которые мы употребляем и сейчас, но употреблялись они архаическим человеком иначе, в ином смысловом модусе. С тех пор в словах до нашего времени дошла их многозначность, полисемантичность и невозможность дать большинству слов строгие логические определения. (Логическое определение изымает слово из живого языка и делает его искусственным теоретическим термином.) В нашем контексте можно сказать, что «протоформы» являются основой мифологического мышления.

Изначально имя дается некой качественной определенности бытия (элементу), которая может соотноситься с бесконечным количеством явлений, т. е. значение имени имеет конкретно-всеобщий характер. Поэтому, когда небо одновременно может называться в мифе коровой, женщиной и рекой (пример самого И.М. Дьяконова), то это не метафора, а обозначение различных смысловых сторон того, что мыслится под именем «неба» с помощью слов «корова», «женщина» и «река». Эти слова здесь вовсе не переносятся якобы ме-

тафорически из сферы материальных явлений, а уже изначально являются своего рода космологическими категориями. То есть для самого архаического человека слова «корова», «женщина» и «река» *изначально* обозначали вовсе не эти частные явления, а имели всеобщий качественный смысл, применимый вообще к любым явлениям, которые имеют эти качества, в том числе и к небу. Этот первичный тип познания очень точно зафиксирован в философии Платона – тот факт, что ключевые слова языка обозначают вовсе не единичные вещи и явления, а общие качественные определенности бытия, которые он назвал «идеями». «Идея» буквально означает «то, что видно», а вовсе не какую-то абстракцию или метафору. Разум видит именно идеи, а не вещи – последние видятся не разумом, а органами чувств, и это у Платона обозначается другим термином – «эйдос». И.М. Дьяконов использует слова «конкретный» и «абстрактный» в обыденном смысле, в то время как в философии их смысл – прямо противоположный: «конкретным» называется целое как всеобщее, а «абстрактным» – частное. Это философское словоупотребление, например, хорошо разъяснил Гегель в статье «Кто мыслит абстрактно?». И.М. Дьяконов мыслит здесь абстрактно, пытаясь постигнуть конкретное, а миф изначально мыслит конкретно.

Кстати говоря, И.М. Дьяконов явно интуитивно чувствует этот особый способ видения реальности в мифе, поскольку он отмечает, что «никто не смущался тем, каким образом небо может быть одновременно коровой, женщиной и рекой, ибо все ясно чувствовали, что на самом деле небо – нечто иное, чем корова, женщина или река» (Дьяконов, 1990: 45). Здесь И.М. Дьяконов лишь снисходительно отказывается считать архаических людей полными идиотами, но не объясняет, почему они мыслили именно так, а не иначе. На самом же деле это происходило вовсе не «в силу той же неразвитости абстрактных понятий; не существо-

вало и таких понятий, как “сравнение”, “метафора”, “толкование”» (Дьяконов, 1990: 45). Во-первых, такие понятия на самом деле уже существовали у архаического человека, и они есть в самых древних языках; но, во-вторых, они в данном случае были и не нужны просто потому, что в мифе вообще нет сравнений, метафор и толкований – здесь смысл дан прямо, буквально и наглядно.

Какой именно смысл? Здесь И.М. Дьяконов дает как раз весьма удачную формулировку: «Миф непосредственно раскрывает *principium volens* определенных актов в жизни космоса и социума» (Дьяконов, 1990: 189). *Principium volens* – это буквально означает «основание воления» космических сил (языческих «богов»), т. е. высшие законы, управляющие Мирозданием. Именно о них всегда повествует миф. Однако каким образом человек вообще может знать этот *principium volens*? Естественно, не с помощью якобы «переноса» на Мироздание образов своей повседневности. Такой «перенос» никакого объяснения не может дать в принципе и поэтому не имеет никакого смысла, даже чисто художественного и развлекательного. Кроме того, такое псевдообъяснение уже означает, что миф есть выдумка, не имеющая никакого отношения к реальности. *Но в таком случае миф вообще никогда бы не появился, поскольку архаическому человеку было явно не до праздных фантазий.* Тем самым, миф а priori должен быть адекватным способом понимания и соответствовать истине. Но какова она, «истина мифа» (К. Хюбнер)? Естественно, что она должна отличаться и от мелких истин повседневности, и от истин возникшей позже науки.

В основе мифа лежит мышление не с помощью «тропов», воссоединяющих уже расчлененную целостность мировосприятия, а наоборот, мышление в формах этой изначально целостности. Миф мыслит с помощью *холотропов* (от др.-греч. ὅλος – «целый» и τρόπος – «направление, способ»). Соответственно, это мышление можно назвать холотропным (используя

термин С. Грофа). Как работает такое холотропное мышление, уже сказано выше на примере конкретных слов. Стоит к этому добавить и два важнейших примера, касающихся обозначения реальности в целом. Например, у древних греков, она обозначалась словом «космос», которое происходит от глагола *cosmeo* – «украшаю», и обозначало противоположность беспорядочному «хаосу». «Космос» буквально значит «украшенный». Вот почему у нас в языке родственными друг другу оказываются такие не похожие друг на друга по смыслу слова, как «космос» и «косметика». От этого же корня образовано и имя Кузьма, по календарю Косьма, т. е. тоже «украшенный»¹. В латинском же языке мир – это *mundus* от лат. *Munire* – «снаряжать», далее от *moenia* – «городские стены, оплот; здание, строение», далее из *muŕis* – «стена; вал», ранее из праиндоевропейского **mei-* – «укреплять». *Mundus* буквально означает «крепкий» – это слово, однокоренное слову «амуниция» (лат. *ammunitio*). *Mundus* однокоренное современному слову «мундир» (Петрова, 2008: 360). Как видим, оба эти слова, обозначающие Мироздание, – мифологичны, и эта первичная мифология раскрывается в их этимологии. И оба они *принципиально не могли образоваться с помощью метафор – нет, этот смысл в них изначален так же, как и в однокоренных им словах.*

Просто эмпирическим фактом является то, что холотропное мышление познает целостные качественные характеристики Мироздания, более того, оно знает даже происхождение Мироздания (его творение Богом), и его будущий конец. Все это содержится во всех без исключения мифологиях. Это можно назвать «фантазией» в том смысле, что здесь работает воображение, однако это не означает, что эти образы якобы не соответствуют реальности и иллюзорны. Наоборот, универсальность этих

образов, которые варьируются лишь в деталях, свидетельствует о том, что за ними стоит одна и та же общепризнанная реальность. Отрицание этой реальности – это результат деградации сознания, а вовсе не его развития с помощью абстрактного мышления. Образы мифов, естественно, имеют другой онтологический статус, чем материальная реальность, воспринимаемая внешними органами чувств. Однако для архаического человека онтологический статус реальности, о которой повествует миф, намного выше реальности материального мира, хотя между ними и нет непроходимой границы – образы мифа часто воплощаются в материальных существах и явлениях. Они визуализируются во снах и в измененных состояниях сознания – и эти видения открывают окно в мир Вечности, более реальный, чем преходящий мир времени. Религиозное сознание как таковое всегда основано на холотропном мышлении, и иным вообще быть не может. Современный человек, как правило, совмещает в себе несколько типов мышления, и более поздние просто «надстраиваются» над архаическим типом, не уничтожая его, а лишь делая невидимым.

Как возможно холотропное познание универсальных законов мироздания? Внешние органы чувств на это не способны, поскольку они воспринимают только частные материальные явления. Индукция с абстракцией здесь не помогут, поскольку они лишь обрабатывают данные органов чувств и не могут добавить в них ничего более существенного. Современная наука также не добавляет к этому ничего более онтологически сложного – она лишь приобщает новые эмпирические данные, добытые с помощью сложных приборов. Эти новые эмпирические данные позволяют только установить более сложные законы материального мира, но абсолютно ничего нового для познания сущности Мироздания это не несет. Более того, даже

¹ <https://lexicography.online/etymology/uspensky/к/космос>

наоборот, современное сознание, создавшее себе фетиш «науки», именно из-за этого становится слепым и глухим для всех более содержательных уровней познания.

Холотропное познание сущности Мироздания основано на древнем принципе «подобное познается подобным». Органы чувств постигают только материальный мир, и даже самая развитая наука ничего не добавляет к этому типу познания. Но кроме телесных органов чувств у человека есть *душа* и *дух* (действие благодати Божией на душу). Познание сущности Мироздания недоступно ни органам чувств, ни основанной на них науке. Эта сущность постигается только душой и духом, но при условии их открытости опыту. У людей, закрытых для этого опыта в силу «научного» мировоззрения и других современных предрассудков, такого познания не происходит. С точки зрения гносеологии, это подобие или соответствие уровней познания уровням человеческого существа можно, по Н.О. Лосскому, назвать *универсалистическим эмпиризмом*. Его общий принцип Н.О. Лосский сформулировал так: «Эмпиризм освобождается от необходимости конструировать весь неисчерпаемо богатый мир из немногочисленных, бедных по содержанию элементов чувственного опыта. Если мир не-я переживается в опыте не только через его действия на субъект, а и сам по себе, в своей собственной внутренней сущности, то это значит, что опыт включает в себе также и нечувственные элементы и что связи между вещами (функциональные зависимости) даны в опыте. Противоречие между нечувственным и опытным знанием оказывается предрассудком: *сверхчувственное не есть сверхопытное*» (Лосский, 1991: 103). Но поскольку человек является целостным телесно-душевно-духовным существом, то телесные состояния, в том числе и восприятия органов чувств, не изолированы от состояний душевных и духовных, а служат возбудителями внимания человека к тем или иным явлениям духовного мира. Поэтому познание духовной реальности обычно связано с символикой природных

явлений, и на этой основе возникает мифология, пользующая натуралистическими образами.

Миф, пишет И.М. Дьяконов, «является предметом веры» (Дьяконов, 1990: 189), сразу имея в виду, что миф а priori является иллюзией и не имеет отношения к реальности. На самом деле термин «вера» И.М. Дьяконов употребляет наивно, еще не зная о том, что «вера» уже давно стала универсальной гносеологической категорией, поскольку доказано, что вера является основанием любого типа познания, в том числе и научного. В разных типах познания лишь различаются типы веры: так, если в науке вера является основой создания гипотез и рабочих моделей, то *особенностью религиозной веры является то, что здесь вера является практикой познания как такового и выполняет ту же роль, какую в науке выполняет эксперимент*. Поэтому и миф может быть предметом веры только до тех пор, пока его реальность перманентно подтверждается индивидуальным и коллективным опытом. В иллюзии никто верить не будет, они даже и возникнуть не могут как некий значимый факт. Иллюзии как нечто, вообще не соответствующее никакой реальности, возникают только вместе с абстрактным мышлением – поскольку только лишь абстрактное мышление может конструировать нечто, никак не связанное с реальностью. Архаический же человек мыслит о реальности не абстрактно, а в формах самой реальности, лишь обобщенных в ярких образах воображения, – и поэтому ничего «иллюзорного» создать не может.

И.М. Дьяконов пишет: «Мы видим сначала реально наблюдаемые деревья, а потом уже некую абстракцию, но не наоборот» (Дьяконов, 1990: 52). На деле абстракцию вообще видеть никак невозможно – хоть до, хоть после настоящих деревьев. Но отличие архаического человека с холотропным мышлением от современного человека с его абстрактным мышлением состоит не в этом. Оно состоит в том, что холотропное мышление не создает абстракций, поскольку в них не нуждается – оно в любом

дереве сразу видит целое Мироздания (а современные исследователи фиксируют факт такого видения архаическим человеком, например, как мифологему «Мирового древа»). Современный же человек, утративший такую способность, конструирует абстракцию «деревя вообще» и совершает над нею логические операции. Для него реальное дерево и понятие дерева оказываются разделены почти непроходимой пропастью и возникает проблема «соответствия» между ними. Исходя из этой ситуации, он пытается понять мышление архаического человека, и оно, естественно, оказывается для него непонятным. Так, например, И.М. Дьяконов истолковывает мифологему «Мирового Древа» в чисто натуралистическом ключе: «Направление гравитации – это главная ось отсчета, относительно которой оцениваются так или иначе все характеристики окружающего пространства» (Дьяконов, 1990: 52). Но гравитация здесь вообще ни при чем, поскольку символ «Мирового Древа» – это модель иерархии онтологических уровней Мироздания.

Современный человек сделал фетиш из своего абстрактного мышления, воображая, что оно является большим достижением. Однако это достижение только в техническом отношении, благодаря которому стало возможным развитие науки, по отношению же к самой сущности мышления это, наоборот, явная деградация. «Абстрактное мышление» заслоняет собой более фундаментальную способность познания идей целостным разумом, которое осуществляется в мифе. Современный человек мыслит мифологически ничуть не менее, чем его архаический предок, однако, в отличие от последнего, современный миф для его носителя обычно является бессознательным – это очевидная деградация мифологической мысли. Тем самым архаический человек имел меньше «технической» рефлексии по сравнению с современным (не создавал «абстракций»), но намного превосходил современного человека по *сущностной рефлексии – работе с самим содержанием сознания*.

Среди современных авторов, исследующих мифологическое мышление, плодотворной является концепция «аутентичного мифа» П.А. Плютто. Автор определяет «аутентичный миф» апофатически, поскольку в этом мифе тождественно все то, что различается в культуре – это принципиальная граница и основа культуры. Поэтому «не так уж и важно, существовал ли аутентичный миф “на самом деле” <...> важно другое: существование аутентичного мифа вне границ культуры, исключающее его адекватную явленность в культуре» (Плютто, 2009: 275). В этом «апофатическом» определении мифа удачно отражена его гносеологическая специфика как холодного мышления.

Стоит также обратить внимание на общий исторический контекст появления концепции И.М. Дьяконова. Во-первых, в 1980-х годах, когда писалась его книга, было вообще модным рассматривать метафору как базовый тип познания. В 1990 г. был издан сборник переводов «Теория метафоры» иностранных авторов, которые активно изучались в это время. Из московских философов гносеологию метафоры активно разрабатывала Н.С. Автономова. Согласно ее концепции, на самой ранней стадии развития сознания человек строит образ мира путем переноса своих первоначальных впечатлений и ощущений на неизвестные предметы. Понимание осуществляется здесь как перенос известного на неизвестное, т. е. как метафора. Стадия мифологического мышления предполагает метафорический перенос как основание понимания окружающего мира путем антропологического переноса собственных свойств человека на окружающий мир. «Когда же человеческая мысль сталкивается с препятствиями, постигая отличия собственных построений от того, что находится вне ее, т. е. от “действительности”, начинается этап преодоления антропоморфизма, который не закончился и поныне» (Автономова, 1991: 109). Метафорический перенос как форма аналогии, подчеркивает Н.С. Авто-

номова, выступает в качестве главного механизма понимания на всех его уровнях. «Восходящая», словообразовательная, метафора заключается в переносе с конкретного на абстрактное, с чувственного на духовное; «нисходящая», словоистолковательная, метафора – в переносе с духовного на чувственное, с нематериального на материальное. Будучи чувственной проекцией аналогии, метафора фиксирует границы дискурсивности и места «отрыва» от рассудочной рациональности, свидетельствует о необходимости воображения, фантазии и интуиции для любого понимания. Понимание как идеепорождающая и системопорождающая функция сознания, по мнению Н.С. Автономовой, поэтому всегда осуществляется и осуществляется лишь в определенной форме (Автономова, 1991: 111).

С другой стороны, в 1930-е годы похожий тип «внешнего» объяснения мифа разрабатывал И.Г. Франк-Каменецкий (1880–1937), отталкиваясь от философии Э. Кассирера. Он, в частности, писал: «Миф не есть специфическая область народного творчества, строящаяся параллельно с присущим обыденному сознанию восприятием реального мира и возникшая независимо от последнего. В начальной стадии миф исчерпывает все содержание опыта; лишь по мере того, как, с развитием мышления, первичные воззрения утрачивают актуальность для обыденного сознания, впервые устанавливается параллелизм мифологического и реалистического восприятия мира. Но те же воззрения, которые на данной стадии воспринимаются как мифологические, в противовес реальным данным непосредственного опыта, – те же воззрения в начальной стадии исчерпывали собой единственно доступный сознанию мир» (Франк-Каменецкий, 2004: 283). Тем самым, это тоже гносеологический подход к мифу.

По И.Г. Франк-Каменецкому, главный принцип «первобытного мышления» состоит в том, что «здесь единство предшествует раздельности. Всеобщее во всей его конкретности дано сознанию непосред-

ственно до выявления характерных признаков и абстрактных категорий, необходимых для различения явлений. Для современного мышления установление связи между явлениями возможно лишь постольку, поскольку сами явления в готовом виде заранее даны сознанию. Научно-логическое мышление принимает за отправной пункт совокупность единичных понятий, выявленных сознанием» (Франк-Каменецкий, 2004: 266). Как видим, этот автор, в отличие от И.М. Дьяконова, как раз правильно определяет тот факт, что в мифологическом мышлении «единство предшествует раздельности», а вовсе не образуется с помощью метафоры. При этом он также рассматривает «механизм» метафоризации, но иначе. Он пишет: «Поэтому в первобытном мышлении... случайное сходство в признаках, с нашей точки зрения, совершенно несущественных, как и любое соприкосновение во времени или в пространстве, может послужить поводом не только для сопоставления, но и для полного отождествления. Сказанным характеризуется комплексность первобытного мышления, допускающего тождество части и целого, единичного и общего, вещи и свойства... Пусть эти формы представляются абсурдными с точки зрения обычных приемов современного мышления, но без проникновения в их сущность проблема языка и мифа остается неразрешенной: в современной трактовке миф неизбежно представляется произвольной игрой фантазии» (Франк-Каменецкий, 2004: 269-270). Таким образом, миф мыслит не по модели соотнесения уже разделенных ранее элементов (с помощью метафоры и других тропов), а по модели разделения первичной целостности. Это разделение может быть совершенно произвольным и допускает полную свободу фантазии, без боязни впасть в ошибку просто потому, что смысловая связность любых образно-сюжетных элементов, которые образуются в результате такого дробления первичной целостности мифообраза мира, – задана изначально и никуда не денется.

И.Г. Франк-Каменецкий пишет: «Основная черта первобытного мышления, свойственная ему комплексность или, что то же, диффузность. Трудно подыскать вполне точное выражение для характеристики недифференцированного состояния первичных образов-восприятий, с которыми приходилось оперировать сознанию... Затруднение было бы поистине непреодолимо, если бы научно-логическое мышление было единственной формой восприятия мира, доступной сознанию современного человека. В действительности осознание научно-логических категорий, да и само мышление по ним, есть результат школьного образования, достигаемый на почве систематического отрешения от привычных “всем и каждому” представлений обыденного сознания» (Франк-Каменецкий, 2004: 281). В самом деле, полное исчезновение холотропного мышления привело бы к такому расщеплению сознания человека, которое означало бы распад личности или клиническую форму шизофрении. У современного человека эти патологии действительно приобрели эпидемический характер, что совершенно закономерно, если учитывать ту эволюцию форм мышления, о которой сказано выше. Но у большинства современных людей холотропное мышление все-таки должно сохраняться хотя бы на бессознательном уровне. Кроме того, сохраняются и формы культуры, которые специально культивируют архаическое холотропное мышление – это не только искусство, но и философия. Метафору, метонимию и другие тропы искусство использует с целью восстановления целостности мирообраза из уже давно расчлененных его элементов. В философии холотропное мышление обычно работает на уровне ключевых категорий, которые приобретают характер символов-философем с неисчерпаемым смыслом, т. е. фактически выполняют функцию мифа. Таковы категории бытия, человека, сознания, познания, свободы и т. д. Их определения всегда условны и основаны на «герменевтическом круге». Философские категории нельзя

определить «по объему и содержанию», логические схемы к ним неприменимы. В некоторых же философских доктринах холотропное мышление становится главной целью – как, например, у Гегеля. Гегель придал слову «диалектика», которое всегда обозначало искусство определения понятий, новый совершенно странный смысл – мышление о противоположностях. Это было сделано для того, чтобы вернуться к самому архаическому уровню мышления о бытии, где «всё превращается во всё». Ту же цель затем имело и введение понятия «всеединства» в русской философии.

И.Г. Франк-Каменецкий выделил еще один важнейший аспект архаического мышления: «Магическая сила слова еще рельефнее проглядывает в представлении, по которому произнесение имени божества непосредственно влечет за собой конкретное появление последнего... В связи с этим в некоторых культах имя божества окружено тайной и является, в известном смысле, “табу”; несвоевременное упоминание имени бога может повлечь за собой роковые последствия. Евреи по сей день не произносят имени Егвы даже в обстановке богослужения; в древнее время имя это произносилось первосвященником в “святая святых” только один раз в год в “судный день”» (Франк-Каменецкий, 2004: 308). «Магия слова» в язычестве и принцип имяславия в христианстве (Имя Божие как носитель энергии Божества) – это своего рода *experimentum crucis* архаического, т. е. первичного, холотропного мышления. Этим термином Ф. Бэкон обозначил эксперимент, исход которого однозначно определяет, является ли теория или гипотеза верной. Вера в «магию слова» в принципе не может быть ни продуктом метафоры, ни внушенной кем-то иллюзией, поскольку является *перформативной* – непрерывно подтверждаясь в молитвенном и ритуальном опыте. Если бы не было подобного подтверждения, такая вера не могла бы возникнуть в принципе.

Так называемое «научное» (натуралистическое) объяснение мифа на самом деле

не объясняет ничего, т. е. вообще не понимает само существо мифа – оно остается для него «слепым пятном». Объясняются здесь лишь внешние, чисто «технические» механизмы мифа как формы высказывания. Вместе с тем, натуралистические («материалистические») псевдообъяснения сущности мифа имеют свою своего рода отрицательную ценность. Она состоит в том, что, касаясь лишь внешне-словесной оболочки мифа, они как бы апофатически указывают и на его внутреннюю суть, всячески стараясь ее «не замечать». Как уже было показано, ни целостное видение реальности, ни эмоциональную реакцию на нее невозможно объяснить, исходя лишь из этих внешних механизмов – метафоры, метонимии и т. д. Как раз наоборот, внешние механизмы могут функционировать и могут быть объяснены только исходя из внутреннего опыта мифа, который первичен по отношению к любым внешним (эмоциональным, словесным, образным и др.) механизмам его формирования в культуре. Это опыт непосредственного познания нематериального мира, который осуществляется душой как центральным органом познания и сознанием как атрибутом души (а вовсе не мозга). Наиболее близкой исторически к тому типу познания, который непосредственно осуществлялся в мифе, являлась в европейской традиции философия Платона, в индийской – Упанишады, в китайской – даосизм. Эти самые ранние философские системы являются и наиболее адекватными философскими рефлексиями первичного мифологического познания, на которые как на канон следует ориентироваться и современной философии.

Литература

Автономова, Н.С. Метафорика и понимание // Загадка человеческого понимания. М.: Политиздат, 1991. С. 108-116.

Апиный, Т.А. Тоска по мифу или миф как событие современности // Философские науки. 2004. № 11. С. 73-83.

Бесков, А.А. Мифология мифологии // Общество. Среда. Развитие. 2015, № 1. С. 116-120.

Дьяконов, И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 247 с.

Жданов, Д.А. Возникновение абстрактного мышления. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1969. 175 с.

Лосский, Н.О. Обоснование интуитивизма // Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991. С. 13-337.

Петрова, Г.В. Латинско-русский словообразовательный словарь. М.: Оникс, 2008. 704 с.

Плюто, П.А. Концепция аутентичного мифа и анализ социокультурных иллюзий. М.: РГГУ, 2009. 342 с.

Режабек, Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

Ставицкий, А.В. Поэтика истины мифа в контексте неклассической мифологии // Миф в истории, политике, культуре: Сб. тр. V Междунар. науч. междисциплинар. конф. (июнь 2021 года, г. Севастополь) / под ред. А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 104-107.

Франк-Каменецкий, И.Г. Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Колесница Иеговы: Труды по библейской мифологии. М., Лабиринт, 2004. С. 256-314.

References

Apinyan, T. A. (2004), "Longing for a myth or a myth as a modern event", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 11, 73-83 (in Russ.).

Avtonomova, N. S. (1991), "Metaphorics and understanding", *Zagadka chelovecheskogo ponimaniya* [The Riddle of human understanding], Politizdat, Moscow, Russia, 108-116 (in Russ.).

Beskov, A. A. (2015), "Mythology of mythology", *Society. Environment. Development*, 1, 116-120 (in Russ.).

Dyakonov, I. M. (1990), *Arkhaicheskie mify Vostoka i Zapada* [Archaic myths of the East and West], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Frank-Kamenetskiy, I. G. (2004), "Primitive thinking in the light of Japhetic theory and philosophy", *Kolesnitsa Iegovy: Trudy po bibleyskoy mifologii* [The Chariot of Jehovah: Works on Biblical Mythology], Labirint, Moscow, Russia, 256-314 (in Russ.).

Lossky, N. O. (1991), "Justification of intuitionism", *Izbrannoe* [Selected works], Pravda, Moscow, Russia 13-337 (in Russ.).

Petrova, G. V. (2008), *Latinsko-russkiy slovoobrazovatel'nyy slovar'* [Latin-Russian Derivational Dictionary], Onyx, Moscow, Russia (in Russ.).

Plutto, P. A. (2009), *Koncepcija autentichnogo mifa i analiz sociokul'turnyh illjuzij* [The concept of authentic myth and the analysis of socio-cultural illusions], Publishing House of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (in Russ.).

Rezhabek, E. Ya. (2003), *Mifomyshlenie (kognitivnyy analiz)* [Myth-thinking (cognitive analysis)], Editorial URSS, Moscow, Russia (in Russ.).

Stavitskiy, A. V. (2021), "The poetics of the truth of myth in the context of non-classical mythology", *Mif v istorii, politike, kul'ture: Sbornik trudov pyatoy Mezhdunarodnoy nauchnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii (iyun' 2021 goda, Sevastopol')* [Myth in History, Politics, culture: Sat. tr. V International Scientific Interdisciplinary. conf. (June 2021, Sevastopol)], Publishing House of the Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, Sevastopol, Russia, 104-107 (in Russ.).

Zhdanov, D. A. (1969), *Vozniknovenie abstraktnogo myshleniya* [The emergence of abstract thinking], Kharkov University Publishing House, Kharkov, Ukraine (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Луганский государственный педагогический университет, ул. Оборонная, д. 2, г. Луганск, 91011, ЛНР; darenskiy1972@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy Ju. Darenskiy, D.Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Luhansk State Pedagogical University, 2 Oboronnaya St., Luhansk, 91011, Luhansk People's Republic; darenskiy1972@rambler.ru

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-2

Аполлонов И. А.¹,
Тарба И. Д.²

Смысловые основания ценностей культуры в зеркале
майевтики Сократа (на примере диалога «Лакхет»)

¹ Кубанский государственный технологический университет, ул. Московская, д. 2,
г. Краснодар, 350072, Россия; obligo@yandex.ru

² Абхазский государственный университет, ул. Университетская, д. 1, г. Сухум,
384904, Республика Абхазия; ivan.tarba@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются смысловые основания ценностей, определяющих культурные нормы и образцы, а также культурность самого человека, его идентичность. Обосновано, что осмысление личностной идентичности состоит в различении подлинности и мнимости собственного существования посредством рефлексии по поводу традиционных ценностей. Такая рефлексия представляла собой майевтику, онтологическую по своей сути процедуру, помогающую рождению добродетелей человека. Анализ диалога «Лакхет», участники которого пытаются дать определение мужеству, позволяет выявить апофатическую целостность смыслового содержания традиционных ценностей. Подобная ценность, с одной стороны, обладает интуитивной самоочевидностью, которая позволяет узнавать мужественные действия. С другой стороны, она несет в себе возможность различных интерпретаций, отдающих приоритет тем или иным содержательным признакам. Однако такие интерпретации не в состоянии вместить всю полноту смысла ценности, и понятийная определенность может привести к искажению ее содержания. Осмысление ценности направлено на сопряжение конкретности существования человека и универсального горизонта его человеческого бытия.

Ключевые слова: культурный код; культурные универсалии; ценности культуры; производство идеалов; идентичность; герменевтика; майевтика; Сократ; понимание; самопонимание

Для цитирования: Аполлонов И. А., Тарба И. Д. Смысловые основания ценностей культуры в зеркале майевтики Сократа (на примере диалога «Лакхет») // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 18-27. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-2

I. A. Apollonov¹,
I. D. Tarba²

Semantic foundations of cultural values in the mirror of Socrates'
mayeutics (on the example of the dialogue “Lakhet”)

¹ Kuban State Technological University, 2 Moskovskaya St., Krasnodar 350072,
Russia; obligo@yandex.ru

² Abkhaz State University, 1 Universitetskaya St., Sukhum 384904,
Republic of Abkhazia; ivan.tarba@mail.ru

Abstract. The article examines the semantic foundations of values that define cultural norms and patterns, as well as the culturality of the person himself, his identity. It is argued that reflection on personal identity consists in distinguishing between the authenticity and the imaginary of one's own existence through reflection on traditional values. Such reflection was a mayeutics, an ontological procedure in its essence, helping the birth of human virtues. The analysis of the dialogue "Lakhet", the participants of which are trying to define courage, allows us to identify the apophatic integrity of the semantic content of traditional values. Such a value, on the one hand, has an intuitive self-evidence that allows you to recognize courageous actions. On the other hand, it carries the possibility of different interpretations, giving priority to certain substantive features. However, such interpretations are not able to contain the full meaning of the value and conceptual certainty can lead to distortion of its content. The conceptualisation of value aims at juxtaposing the concreteness of human existence and the universal horizon of human existence.

Key words: cultural code; cultural universals; cultural values; production of ideals; identity; hermeneutics; mayeutics; Socrates; understanding; self-understanding

For citation: Apollonov I. A., Tarba, I. D. (2022), Semantic foundations of cultural values in the mirror of Socrates' mayeutics (on the example of the dialogue "Lakhet"). *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 18-27, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-2

Культурологический поворот в гуманитарных науках распространяет понятие культуры на все социальное бытие человека. Теперь уже невозможно говорить в духе Л. Моргана о «докультурных» народах, находящихся на стадии дикости и варварства. При подобном подходе культура рассматривается в качестве надбиологических программ, которые пронизывают все грани и аспекты жизни человека, представляют собой «генетический код» его «второй природы» (Куда идет российская культура?.., 2010: 5). Вместе с тем, такой предельно широкий подход размывает содержательное ядро данного феномена, поскольку, если в качестве культуры рассматривать все надбиологическое содержание жизни человека и общества, то в чем тогда состоит культурность культуры? Данную проблему А.В. Смирнов выражает в метафорах гена и организма: подобно организму, культура – это весь мир человека, все аспекты его жизни и деятельности, но, вместе с тем, подобно генам, культура составляет лишь микроскопическую часть этого организма (см.: Смирнов, 2009).

В качестве таких микроскопических «генов», определяющих культурный код общества и человека как «общественного животного», В.С. Стёпин рассматривает культурные универсалии, в которых заключены фундаментальные жизненные смыслы понимания человека, природы, нравственности и, в целом, обобщенный образ человеческого мира (см.: Стёпин, 2011: 9). Такие универсалии представляют собой схемы, которые сортируют и квантифицируют социальный опыт. Интериоризация данных схем определяет базовую структуру сознания человека, формирует специфику восприятия и осмысления мира. Тем самым универсалии культуры образуют самоочевидные, само собой разумеющиеся основания сознания и самосознания человека (см.: Запесоцкий, 2010: 25); очерчивают для него цивилизационную парадигму как смысловую модель действий (см.: Котляров, 2020).

На этом уровне культура разворачивается как веер программ, определяющих устоявшиеся алгоритмы, нормирующие различные виды деятельности. Вместе с

тем, усвоение подобных алгоритмов неразрывно связано с интериоризацией присущего им ценностного содержания (см.: Аполлонов, 2010: 92). В них представлены оценочные стереотипы как стандарты престижа и успешности, которые определяют личностные предпочтения и жизненные ориентиры. С ними связано формирование принятых в определенном обществе норм и образцов поведения, следование которым отличают культурного человека от бескультурного варвара. Соответственно, подобная очевидность универсалий культуры определяет ценностно-смысловой горизонт привычной понятности мира, равно как и осмысленности себя, своих планов и жизненных проектов в этом мире.

Вместе с тем, подобные схемы, алгоритмы и модели осмысленной деятельности можно рассматривать, скорее, как культурную привычку, но не культуру в ее собственном смысле. Такая привычка разграничивает родную для человека культуру от всего непонятного, а поэтому варварского, в иных, внешних для него культурных традициях. Однако такая привычка не способна разглядеть варварские вкрапления в собственных культурных формах. Поэтому культура при таком подходе фундирует деятельность как таковую, но не определяет специфический геном культуuroобразования. Подобный геном составляют не только привычные коды социальной деятельности, но и те ценности и идеалы, которые оправдывают эти коды. Поэтому можно согласиться с положением Д.В. Пивоварова о том, что культура – это не любая деятельность, а ее специфический вид, направленный на производство идеалов. Причем идеалы культуры – это не ценности вообще, а ценности особого порядка, определяющие приемлемость определенного поведения. Поэтому именно в идеалах культуры заключена как преэминентность социокультурной традиции, так и ее трансформация, поскольку идеал критичен, нацелен на преобразование той действительности, которая сама же его порождает (см.: Пивоваров, 2013: 9).

Ценности, формируемые в контексте производства идеалов, представляют собой не только наличную данность, определяющую значимость культурных образцов, но, прежде всего, заданность, обращенную в апофатические выси идеалов, в которых заключена подлинность человеческого бытия. Поэтому не программы, стандарты и образцы, которые квантифицируют и категоризируют жизненный опыт человека в определенном социуме, а обоснование их истинности определяет культурность социокультурной традиции. То предчувствие, ощущение ускользающего мерцания Правды, воплощением которой выступают привычные для человека формы культуры. И культура предстает диалогом, эксплицирующим и утверждающим, осуществляющим это предвосхищение в тех самых кодах, программах, образцах и доминантах. Такой диалог обращен в духовную сферу культуры, которая не является областью конструктивистского произвола, но представляет собой особую реальность, обладающую не менее жесткой структурой, нежели реальность физическая (см.: Пружинин, Щедрина, 2015).

Таким образом, ценности находятся в двух измерениях. Первое можно обозначить как габитуальное бытование ценностей в привычных образцах соответствующей культуры, определяющей нормы повседневной жизни и связанные с ними традиционные ценности. Второе измерение ценностей связано с проникновением в духовную область идеалов человеческой жизни. Данные области взаимосвязаны, поскольку, с одной стороны, духовный уровень ценностей является аксиологическим основанием и оправданием привычных ценностей повседневной жизни. С другой стороны, именно образцы, нормирующие пространство жизненного мира человека, а также реальные примеры, конкретизирующие смысловое содержание этих образцов, выступают зримым, явным воплощением ценностей и идеалов духовного порядка. Подобная взаимосвязь этих уровней запус-

кает процедуры герменевтики, противопоставленное движение осмысления ценностей и идеалов культуры. Подобное осмысление требует напряжения понимания, при котором катафатическая явленность ценностей культуры раскрывается в апофатический горизонт потаенных оснований повседневной самоочевидности, с одной стороны, и, с другой стороны, туманной неопределенности высших духовных смыслов культуры. Мера такой осмысленности определяет границы культурного пространства и личного пространства культурности человека, его личностную идентичность, которая есть одновременно и процесс, и результат смыслообразования, понимания себя в пространстве культуры (см.: Тучина, 2014: 147).

Напряжение понимания определяет субъектную сторону производства идеалов, связанную с освоением смыслового содержания норм и ценностей родной культуры. Оно выталкивает человека из привычной самопонятности, выводит в иной бытийный регистр, с высоты которого открывается возможность для различения подлинности и мнимости своих мнений, желаний, жизненных проектов. Подобный регистр связан с осмыслением ценностных оснований добродетелей, определяющих меру подлинности человека: ту меру, в границах которой я обретаю себя, а преступив которую теряю себя.

Такое осмысление не сводится лишь к познавательным процедурам, а становится майевтикой, диалогом, который «испытывает» собеседника, ориентирован на самопонимание, уяснение того, что для него остается потаенным, неясным. И рождение истины становится, по сути, актом онтологическим, в котором раскрывается творческий потенциал человека (см.: Кессиди, 2001: 144). Вместе с тем, разработанная Сократом майевтика является прекрасным экспериментальным методом, исследующим указанную выше жесткую структуру духовной сферы, в которой обретаются ценностные основания культуры.

В то же время майевтика сопрягает габитуальный и духовный уровни культурных ценностей в их катафатическом и апофатическом измерениях. В данном контексте майевтика ведет к переоценке привычных жизненных ценностей, поскольку под напором наводящих вопросов теряется ее самоочевидность и изменяется, порой даже в противоположную сторону, ее смысловой вектор. Например, при разговоре с Критобулом Сократ, все имущество которого оценивалось всего в пять мин, раскрывает смысловой потенциал богатства как традиционной ценности и доказывает, что он богаче своего собеседника, прославленного афинского богача (см.: Ксенофонт, 1993: 201-203). Подобным образом, раскрывая смысловые возможности понятия «сводник», Сократ так убедительно доказывает Антисфену благородство этого занятия, что последний с гордостью говорит: «Если я действительно обладаю таким талантом, то душа у меня уж совсем набита будет богатством» (Ксенофонт, 1993: 182).

Таким образом, майевтика Сократа, во-первых, направлена на рефлексию над интуитивными, самоочевидными основаниями традиции; а во-вторых, подобная рефлексия демонстрирует сам ход раскрытия смыслового потенциала традиционных ценностей культуры, определяющих подлинность человеческой жизни.

Одним из характерных примеров подобной майевтики является диалог «Лакхет», в котором рассматривается сущность мужества как смысловой ценности человека. Осмысление данной ценности имеет принципиальное значение, поскольку героизм как высшее воплощение мужества имеет особую связь с судьбой, связь, которая разворачивается в философский вопрос об «уделе человеческого» (Куликов, 2022: 124). Тем самым исследование сущности мужества определяет и сущность человека в его человеческом достоинстве.

Активными участниками рассматриваемого диалога являются три человека, личное мужество которых не вызывает со-

мнения. Это прославленные афинские полководцы Никий и Лахет, а также гоплит Сократ, отмеченный наградами за воинскую доблесть. Соответственно, в диалоге исследование мужества как универсальной ценности опирается на конкретный жизненный опыт его участников.

Уже в фабуле диалога Платон демонстрирует парадоксальный характер рассматриваемой ценности: одна и та же деятельность (искусство гоплитомании, тренировочного сражения в тяжелом вооружении) при одних и тех же ценностных ориентирах (мужество, ведущее к воинской славе) людьми одинаковой профессии: полководцами Никием и Лахетом, притом одинаково прославленными полководцами, оценивается прямо противоположно.

Причина такого различия кроется в представлениях о происхождении этой ценности. Никий считает, что деятельность, искусственно дублирующая реальность, какой является искусство сражаться в тяжелом вооружении, воспитывает те личностные качества и навыки воина, которые будут для него полезны и в реальной схватке с врагом. Лахет же, напротив, искусственно выработанные навыки, полученные в ходе спортивных тренировок, ставит в зависимость от уже имеющихся личностных качеств человека. Отсюда и негативная оценка обучения гоплитомании, поскольку трус, обретя с помощью этих упражнений дерзость, в реальности покажет себя еще большим трусом, храбрец будет вынужден раз за разом доказывать свое превосходство, и малейшая оплошность приведет его к позору (см.: Платон, 1990: 273). Лишь реальный опыт, умение преодолевать реальные опасности, а не хитроумные приемы, делают человека мужественным и ведут его к славе.

Дальнейшая рефлексия интуитивного уровня мужества связана с парадоксами дефиниции этой добродетели. Лахет, привыкший к сражению в сомкнутом строю, без промедления отвечает Сократу: «Если кто добровольно остается в строю, чтобы отра-

зить врагов, и не бежит, знай, это и есть мужественный человек» (Платон, 1990: 281). В этом ответе, во-первых, показательна его легкость: Лахет говорит не задумываясь, выражая естественную и самоочевидную для себя истину, которая и является основой понимания этой ценности. Во-вторых, Лахет переводит абстрактное понятие (мужество) в область конкретного (мужественный человек). Тем самым Лахет обращается к габитуальному и катафатическому измерению данной ценности. На первый взгляд, такое обращение должно предельно конкретизировать абстрактный характер мужества в его универсальном значении. Однако на деле выходит, что подобная трактовка сама обладает односторонним и в этом смысле абстрактным характером. На это указывает ирония Сократа, который приводит противоположные примеры мужественного поведения и тем самым показывает фрагментарность такого определения.

Далее уже Лахет пытается посредством абстрагирования обнаружить универсальную сущность мужества, представленную во всех приведенных примерах конкретного мужественного поведения: «Мужество – это некая стойкость души» (Платон, 1990: 283). Как мы видим, Лахет не отказывается от содержания исходного определения, поскольку дальнейшая дефиниция лишь абстрагирует конкретность его изначальной дефиниции. Поведение гоплита, не покидающего свое место в строю, распространяется на всю область мужества, превращаясь в нравственное качество стойкости духа.

Однако в ходе диалога выясняется, что такое определение оказалось слишком широким, поэтому в качестве ограничения собеседники вводят признак разумности, который отличает осознанную стойкость мужественного человека от стойкости «вредной и злокозненной», связанной с безрассудством или упрямством. Однако при проверке конкретными примерами результаты подобного определения вновь оказываются плачевными. Разумная стойкость,

основанная на расчете, позволяющем действовать наверняка, противоречит интуитивному пониманию мужества. И наоборот, мужественными признаются люди, которые, находясь в невыгодном положении и даже в ситуации обреченности, все равно противостоят тем, кто имеет над ними преимущество. Таким образом, рефлексия ценности приводит к противоречию в ее логическом содержании, что и констатируют участники диалога: мужество, рассматриваемое как стойкость духа, с одной стороны, причастно к разуму, а с другой – ему противоположно (см.: Платон, 1990: 184).

Другой участник диалога, Никий, пытается преодолеть этот парадокс путем увязывания мужества с мудростью, которую, в свою очередь, интерпретирует как «науку о том, чего следует и чего не следует опасаться как на войне, так и во всех прочих делах» (Платон, 1990: 186). Никий здесь рассматривает мужество не как стойкость, а в аспекте столь характерной для него предусмотрительности, которая служила причиной его неизменных побед (см.: Плутарх, 1987: 165).

Соответственно, здесь выдвигается и разрабатывается принципиально иной критерий мужества. Стойкость духа – черта, прежде всего, волевая, подчиняющая себе все остальные личностные качества, в том числе и разум. Ведь в рассмотренной выше эволюции своего определения Лахет рассматривает разумность (и основанные на разуме знания) в качестве прилагательного, уточняющего стойкость, которая становится существенным и отличительным признаком мужества. Никий же, напротив, именно науку, то есть рационализированные и в силу этого обобщенные, абстрагированные от жизненного опыта знания, полагает в качестве краеугольного камня в осмыслении мужества.

Лахет критикует этот тезис, справедливо утверждая, что сами по себе профессиональные знания не делают человека мужественным. Под напором этой критики Никий идет еще дальше в обобщении своего определения. Мужество как мудрость

состоит не в знании какого-либо конкретного мастерства, а в универсальном понимании полезного и вредного в применении к тому или иному делу. Однако подобное обобщение еще более затрудняет поиск сущностных оснований мужества, так как в этом случае оно становится тождественным вообще всякой добродетели, неотличимо от рассудительности или справедливости. Подобный вывод окончательно заводит исследование в тупик, и собеседники признают свое невежество в этом вопросе: ни стойкость духа, основанная на волевых качествах человека, ни мудрость, основанная на знаниях, не выражают суть исследуемой добродетели.

И здесь мы подходим к еще одному интересному парадоксу. С одной стороны, налицо реальное присутствие мужества у собеседников, а также и понимание его смысла: ведь и Лахет, и Никий, и Сократ не испытывают разногласий относительно приводимых примеров мужественного поведения людей. Такие разногласия, правда, возникают лишь при переносе этой добродетели на поведение животных. Но это не удивительно, поскольку такое поведение не попадает под определение Никия: ведь животные не могут обладать разумным знанием. С другой стороны, при понимании смысла мужества и реальных проявлений этой добродетели в конкретных поступках и нормах поведения участники диалога сталкиваются с явной неспособностью выразить это понимание: «Мне кажется, я понимаю, что такое мужество, и не знаю, каким образом оно от меня только что ускользнуло, так что я не могу схватить его словом и определить» (Платон, 1990: 185).

В контексте нашего исследования в этом парадоксе вызывает интерес соотношение реальной деятельности, определяющего эту деятельность интуитивного уровня ценности и попытки ее рефлексии на понятийном уровне. При таком подходе отрицательный результат диалога будет выглядеть иначе, поскольку неудачу в поиске надлежащего определения мужества можно рассматривать как закономерное

выражение смысловой природы этой традиционной ценности.

Во-первых, при общем согласии относительно объема этого понятия (как отмечалось, и у Лахета, и у Никия не возникало разногласий по поводу конкретных примеров мужества), в отношении содержания оба полководца выдвигают совершенно различные его отличительные признаки, что говорит о различных способах осмысления данного объема. Однако при этом можно говорить об изначальной интуитивной целостности подобных смыслов, поскольку они содержательно определяют общее значение данной добродетели, интуитивное понимание которой также присутствует у всех участников диалога. Тем самым вскрывается внутренняя смысловая подвижность самоочевидного значения традиционной ценности.

Во-вторых, показательны итоги смыслового раскрытия признаков мужества. И критерий стойкости, и разумная предусмотрительность в своем развитии выходят за предметные рамки мужества и даже противоречат ему. Здесь можно говорить о смысловой подвижности традиционной категории, вплоть до значения, противоречащего изначальному. Так, во время Пелопонесской войны изменилось привычное значение слов: безрассудная отвага считалась храбростью, благоразумная осмотрительность – замаскированной трусостью (см.: Фукидид, 1993: 147).

В-третьих, попытка придать ценности ту или иную понятийную определенность ведет к ограничению, искажению и, в пределе, превращению ее в псевдоценность. Такое перерождение представлено в понятном современникам Платона историческом контексте. Ко времени написания диалога все его активные участники погибли. При этом гибель полководцев была связана со значимыми трагическими событиями в истории Афин: битвой при Мантинее (гибель Лахета) и катастрофой сицилийской экспедиции (пленение и казнь Никия). И можно согласиться с аргументированным мнением

Д.В. Панченко, утверждающего, что рассматриваемый диалог можно считать продолжением апологии Сократа, поскольку в нем на конкретных примерах Платон опровергает выдвинутые обвинения против своего учителя. Вместе с тем, диалог показывает, что в своем мужестве и полезности для города Сократ не уступает, а даже превосходит прославленного Никия (см.: Панченко, 2018). Однако нельзя согласиться с данным автором в том, что диалог «Лахет» малозначителен в философском плане.

Выше мы показали логическое исследование добродетели мужества как системообразующей ценности человека, которое является одной из центральных тем в философии Сократа. При этом данная ценность рассматривается не в качестве понятия, которое не так уж и сложно определить, а как концепт, схватывающий смысл предмета в его конкретной целостности, что предполагает активную субъектную позицию человека, диалогичность и интенциональность (см.: Неретина, 2010). И такая конкретность концептуального исследования органически связана с судьбой главных героев диалога. Так, Лахет прославился своими десантными операциями на Сицилии, успех которых был связан с дерзостью и стремительностью, что приводило к победе над более многочисленным противником. Однако в битве при Мантинее эти же качества при отсутствии продуманного плана сражения обернулись окружением афинян, гибелью их стратегов и поражением всего войска союзников. Действия Никия, напротив, отличала осторожность и расчетливость. Но именно эти качества стали причиной рокового для афинян затягивания осады Сиракуз, что, в конечном счете, привело к гибели всего войска. Таким образом, прекрасно известный современникам Платона исторический контекст является неотъемлемой частью диалога. Обстоятельства гибели мужественных полководцев являются конкретизацией тупиков в их подходах к определению мужества и, соответственно, односторонности в осмыслении данной ценно-

сти. Вместе с тем, смерть Сократа предстает не только примером подлинного мужества философа и гражданина, но и концептуально схватывает суть данной ценности в ее конкретности. Соответственно, осмысление ценностных оснований добродетели мужества не сводится лишь к индукции, выявлению в единичных случаях каких-либо общих признаков. Оно направлено на удержание парадоксального сопряжения универсального и уникального, вневременного и конкретно-исторического в личностной самоидентификации человека. Рассуждение о мужестве в данном контексте носит не столько логический, сколько экзистенциальный характер, помогающий родить в душе собеседника эту добродетель во всей ее конкретной полноте.

Еще одна любопытная особенность в осмыслении таинственной неопределенности ценности связана с взаимопереходом и даже тождественностью одной ценности всем остальным. Мужество в своих ценностных основаниях сопряжено со справедливостью, рассудительностью и, в целом, с мудростью. Увидевший это Платон и неоплатоники показывали подчиненность и даже изначальную тождественность всех добродетелей единой идее Блага. Поэтому осмысление ценностей представляет собой не построение системы отдельных понятий, а логику эманации, при которой каждая выделенная добродетель сохраняет внутреннюю содержательную связь со всеми остальными.

Таким образом, исследование мужества в диалоге «Лахет» нельзя назвать неудачей. Неспособность собеседников достичь явного и непротиворечивого определения этой добродетели вскрывает ее апофатический смысл, преодолевающий ограниченность тех или иных рационализаций этой добродетели. В ходе диалога концептуально схватывается единство общего значения мужества и многообразие его единичных проявлений; соединяются волевой и рациональный аспекты человеческой деятельности, указывается генетическая связь

всех добродетелей в их причастности к благу.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-20292 «Произведения изобразительного искусства в городском пространстве культуры как фактор формирования локальной идентичности».

Acknowledgments

The research was supported financially by the Russian Science Foundation, Research Project No. 22-28-20292 «Works of fine art in the urban space of culture as a factor in the formation of local identity».

Источники

Платон. Лахет // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 268-294.

Литература

Аполлонов, И.А. Национальная идентичность: субъект в контексте этнокультурной традиции // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2. С. 89-96.

Запесоцкий, А.С. Теория культуры академika В.С. Стёпина: Лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае-сентябре 2010 года. СПб.: СПбГУП, 2010. 112 с.

Кессиди, Ф.Х. Сократ. СПб.: Алетеия, 2001. 352 с.

Котляров, И.В., Надольская, В.И. Жизненное пространство как важнейший атрибут социоклада современного общества: социологический дискурс // Пространственное развитие территорий: Сб. науч. трудов III Междунар. науч.-практич. конференции. Под общ. ред. Е.А. Стряковой, А.М. Кулик. Белгород: БелГУ, 2020. С. 224-229.

Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. 375 с.

Куда идет российская культура? (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 3-59.

Куликов, А.К. Проблема судьбы и героизма у Лермонтова и Льва Толстого. Философский анализ // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 122-133.

Неретина, С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия: В 4-х томах / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин,

А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH28261615260566fbd37028> (дата обращения 3.04.2022).

Панченко, Д.В. Война, философия и интертекстуальность: об одной внешне незначительной фразе из раннего Платона // Новое литературное обозрение. 2018. № 5 (153). С. 19- 30.

Пивоваров, Д.В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013. 248 с.

Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2-х т. Т. 2. М.: Правда, 1987. 605 с.

Пружинин, Б.И., Щедрина, Т.Г. Конструктивный реализм, или Как возможна культурно-историческая реальность // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 27-31.

Смирнов, А.В. Как различаются культуры? // Философский журнал. 2009. № 1 (2). С. 61-72.

Стёпин, В.С. Философский анализ универсалий культуры // Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 8-15.

Тучина, О.Р. Этнокультурная идентичность: субъектно-бытийный подход // Социосфера. 2014. Т. 5. № 1. С. 146-149.

Фукидид. История / изд. подгот. Г.А. Стратановский и др. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир»: Наука, 1993. 542 с.

Sources

Platon (1990), "Lakhet", *Sobranie sochineniy v 4 tomakh. Tom 1* [Collected works in 4 vols. Vol. 1], Mysl', Moscow, Russia, 268-294 (in Russ.).

References

Apollonov, A. I. (2010), "National identity: a subject in the context of an ethno-cultural tradition", *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2, 89-96 (in Russ.).

Cassidy, F. Kh. (2001), *Sokrat* [Socrates], Aleteya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kotlyarov, I. V., Nadol'skaya, V. I. (2020), "Living space as the most important attribute of the sociocode of modern society: sociological discourse", *Prostranstvennoe razvitie territoriy* [Spatial development of the territory], in Skryabova, E. A., Kulik, A. M. (ed.), Belgorod State University, Belgorod, Russia, 224-229 (in Russ.).

Ksenofont (1993), *Vospominaniya o Sokrate* [Memories of Socrates], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Kulikov, A. K. (2022), "The problem of fate and heroism in Lermontov and Leo Tolstoy. Philosophical analysis", *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1, 122-133 (in Russ.).

Neretina, S. S. (2010), "Concept", *The New Philosophical Encyclopedia: In four volumes / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences* [Online], available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH28261615260566fbd37028> (Accessed 3 April 2022) (in Russ.).

Panchenko, D. V. (2018), "War, Philosophy and Intertextuality: about one seemingly insignificant phrase from early Plato", *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 5 (153), 19-30 (in Russ.).

Pivovarov, D. V. (2013), *Kul'tura i religiya: sakralizatsiya bazovykh idealov* [Culture and religion: sacralization of basic ideals], Ural University publishing house, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Plutarch. *Izbrannye zhizneopisaniya: V 2 tomakh. Tom 2* [Selected Biographies: In 2 vols. Vol. 2], Pravda, Moscow, Russia (in Russ.).

Pruzhinin, B. I., Shchedrina, T. G. (2015), "Constructive realism, or How cultural and historical reality is possible", *Epistemology & Philosophy of Science*, 1, 27-31 (in Russ.).

Smirnov, A. V. (2009), "How do cultures differ?", *Philosophy Journal*, 1 (2). 61-72 (in Russ.).

Stepin, V. S. (2011), "Philosophical analysis of the universals of culture", *The Humanities*, 1, 8-15 (in Russ.).

Thucydides (1993), *Istoriya* [History], Ladomir: Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Tuchina, O. R. (2014), "Ethnocultural identity: a subject-being approach", *Sociosphere*, 1, 146-149 (in Russ.).

"Where is Russian culture going? (Materials of the "round table")" (2010), *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 9, 3-59 (in Russ.).

Zapesotskiy, A. S. (2010), *Teoriya kul'tury akademika V. S. Stepina: lektsii, pročitannye studentam SPBGUP v mae 2010 goda* [The theory of culture of academician V. S. Stepin: lectures given to students of St. Petersburg State University in May 2010], Saint-Petersburg University of the Humanities and social sciences, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Аполлонов Иван Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и психологии, Институт фундаментальных наук, Кубанский государственный технологический университет, ул. Московская, д. 2, г. Краснодар, 350072, Россия; *obligo@yandex.ru*

Тарба Иван Дорофеевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологии, Абхазский государственный

университет, ул. Университетская, д. 1, г. Сухум, 384904, Республика Абхазия; *ivan.tarba@mail.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Ivan A. Apollonov, D.Sc. (Philosophy), Professor at the Department of History, Philosophy and Psychology, Institute of Fundamental Sciences, Kuban State Technological University, 2 Moskovskaya St., Krasnodar 350072, Russia; *obligo@yandex.ru*

Ivan D. Tarba, D.Sc. (Philosophy), Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Abkhaz State University, 1 Universitetskaya St., Sukhum 384904, Republic of Abkhazia; *ivan.tarba@mail.ru*

УДК 233.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-3

Нифонтова О. И.	Семантика греха (к истории и онтологическому статусу понятия)
-----------------	---

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; nifontova.olya2013@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные дисциплинарно-исследовательские аспекты понятия греха, актуализируется проблема историзма этого понятия, его онтологической укорененности в опыте христианского мышления. Уточняются предпосылки различных словарно-семантических реконструкций понятия греха в академических изданиях М. Фасмера, О.Н. Трубачева, В.И. Даля, В.Н. Шердакова и др. Проясняется этико-онтологический аспект семантики понятия в обыденной русской речи, где оно употребляется для обозначения проступка, вины, распутства вне прямой связи с законом и волей Творца мира. Обосновывается, что понятие греха можно отнести к числу онтологически ключевых прежде всего в христианском мышлении; оно теснейшим образом связано здесь с исследованием человеческой природы и личности человека, категориями спасения и искупления. В связи с этим систематически представлена семантика понятия в новозаветном корпусе библейских трудов (Евангелиях и посланиях апостола Павла); анализируются репрезентативные примеры из святоотеческой литературы. Особое внимание обращается на диагностические, практико-ориентированные классификации греха, предложенные русскими мыслителями XIX–XX вв. – святителем Игнатием (Брянчаниновым), архимандритом Евтихианом (Лестевым), архимандритом Иоанном (Крестьянкиным).

Ключевые слова: грех; ἁμαρτία; историзм; герменевтика; богословская антропология; онтология; покаяние; спасение; искупление

Для цитирования: Нифонтова О.И. Семантика греха (к истории и онтологическому статусу понятия) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 28-42. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-3

O. I. Nifontova	Semantics of sin (on the history and ontological status of the concept)
-----------------	---

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
nifontova_o@bsu.edu.ru

Annotation. The article examines various disciplinary and research aspects of the concept of sin, actualizes the problem of historicism of this concept, its ontological rootedness in the experience of Christian thinking. The prerequisites of various dictionary-semantic reconstructions of the concept of sin in the academic publications of Max Vasmer, Oleg Trubachev, Vladimir Dal, Vladislav Sherdakov, etc. are specified. The ethical and ontological mood of the concept in everyday Russian speech is clarified, where it is used to denote misconduct, guilt, debauchery outside of direct connection

with the law and the will of the Creator of the world. It is argued that the concept of sin can be classified as ontologically crucial primarily in Christian thinking; it is closely connected here with the study of human nature and human personality, the categories of salvation and redemption. In this regard, the semantics of the concept in the New Testament corpus of biblical works (the Gospels and the Epistles of the Apostle Paul) are systematically presented; representative examples from patristic literature are analyzed. Special attention is paid to the new diagnostic, practice-oriented classifications of sin proposed by Russian thinkers of the XIX-XX centuries – St. Ignatius (Bryanchaninov), Archimandrite Evtikhian (Lestev), Archimandrite Ioann (Krestyankin).

Keywords: sin; ἀμαρτία; historicism; hermeneutics; theological anthropology; ontology; repentance; salvation; redemption

For citation: Nifontova O. I. (2022), “Semantics of sin (on the history and ontological status of the concept)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 28-42, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-3

Смысловое пространство понятия греха является одним из самых обсуждаемых в различных дисциплинарных практиках последнего времени – уточняется в качестве лексемы или речевого концепта (Бахшиева, 2021: 41-48; Мархиева, 2018: 26-28; Степаненко, Хабаров, 2017: 25-37; Эзри, 2016: 1; Усманова, 2019: 17-20), актуального этико-педагогического или политического понятия (Остапенко, 2014: 160-165; Шродт, 2016: 154-210; Позднякова, 2019: 46-465), смыслообразующего понятия моральной экономики (Елисова, Шмаков, 2016: 119-120). Экзистенциальная значимость этого понятия усматривается в связи с постановкой и версиями решения проблемы отчуждения (Житенев, 2009: 261-267); в философской онтологии и конкретной теологии это понятие приобретает очертания телеологического концепта (Ворохобов, 2017: 7-36; Ворохобов, 2016: 7-28; Романов, 2012: 69-81; Усманова, Тетакаева, 2019: 17-20; Максutow, 2005: 115-119; Палажченко, 2006: 38-42; Силаев, 2018: 94-112). В целом, очевидно стремление к прояснению некоторой базовой семантики понятия в определенном дисциплинарном аспекте; важным становится и уточнение его историзма.

С некоторой общей и, как представляется, не бесспорной этической позиции, грех, в первую очередь, – это «религиозно-понятое моральное зло; нарушение воли Божьей, выраженной в Откровении или постигаемой как непреложный закон нравственного миропорядка» (см.: Шердаков, 2010); грех, стало быть, есть выражение зла, а природа и причины зла, способы его преодоления – это одна из ключевых проблем всей философской мысли вплоть до настоящего времени (см.: Шердаков, 2010). В этой позиции, в которой грех атрибутивен по отношению к субстанциально понимаемому злу, однако, предполагается, что в разных контекстах понятие приобретает неодинаковые оттенки смысловых значений. Как это энциклопедически резюмирует В.Н. Шердаков, все «основные направления философской мысли искали смысл существования, единственно правильный путь жизни и, следовательно, признавали совершающиеся всегда и повсюду отклонения от единственно правильного пути. Все религии держались этого взгляда, независимо от того, что конкретно они считали праведным или неправедным. Уже древнейшие запреты (табу) генетически связаны с идеей греха, вольного или неволь-

ного отступления от должного» (см.: Шердаков, 2010). Он также указывает на известных мыслителей, создателей крупнейших философских систем, И. Канта, Г.Ф. Гегеля, И.Г. Фихте, которые в своих философских системах задавались вопросами о грехе и его преодолении: «Речь, по существу, всегда шла о том, есть ли высший смысл существования и если есть, то в чем он состоит» (см.: Шердаков, 2010). При этом для И. Канта путь борьбы с грехом лежит через познание всех наших обязанностей как божественных заповедей; по Г.Ф. Гегелю очищение от грехов и ошибок достигается посредством познания человеком своей принадлежности к абсолютному духу, а у И.Г. Фихте исцеление духа осуществляется через уяснение высших вопросов бытия (см.: Шердаков, 2010).

Между тем, понятие греха можно отнести к числу ключевых прежде всего в христианской антропологии; оно теснейшим образом связано здесь с исследованием человеческой природы и личности человека. Более того, в истории христианской мысли «грех» – центральное онтологическое понятие, тесно связанное с категориями спасения и искупления. В православной христианской философии это не столько преступление, которое делает человека виновным, сколько смертельное заболевание человеческой природы, инициированное и запущенное самим человеком. Христианство в понятии «грех» делает акцент именно на разрушении человеком своей природы, а не на вине человека или субстантивации зла. Грех в свете христианского мировоззрения рассматривается как трагедия убийства человеком самого себя.

Этот этико-онтологический настрой понятия запечатлевается в обыденной русской речи, где слово «грех» употребляется и для обозначения проступка, вины, распутства вне прямой связи с законом и волей Творца мира. М. Фасмер предполагает, что слово грех «скорее всего... связано с 'греть' с первоначальным значением 'жжение (совести)» (Фасмер, 1986: 455-457). О.Н. Трубачев считает, что слово грех происходит

от общеславянского «греза»; «нагрезить» – «сделать что-либо плохое, причинить ущерб» (Трубачев, 1980: 115-116). В толковании В.И. Даля грех – это «проступок, противный закону Божию; вина перед Господом» (Даль, 2006: 449). Между тем, о точном значении понятия греха речь не идет, и вряд ли может идти (Иванов, 2006: 330-345); речь, вероятно, следует вести о некотором сематическом ореоле понятия, его исторической динамике – в частности, с тем, что культурно-исторически оно связано с греческим *ἁμαρτία*, означающим «промах», заблуждение, ошибка, проступок; это «помысл, мысль, желание, решение, влечение, действие или бездействие, противоречащее Божественному нравственному закону, Божьим заповедям, повелениям, религиозно-обрядовым нормам» (Вейсман, 2006: 68).

На мой взгляд, этот историзм понятия нуждается в особом внимании. Важно, исследуя смысловое поле понятия «грех» как христианского в своем историческом генезисе, обратить внимание на исходную онтологическую семантику, запечатленную в библейских текстах и их важнейшем герменевтическом эшелоне – святоотеческой литературе. Здесь под грехом понимаются такие действия человека, которые своенравно противоречат его первоначальной природе и Богоустановленным законам этого мира. Об этом говорит св. Иоанн Дамаскин: «Грех есть добровольное отступление от того, что согласно с природой, в то, что противоестественно (противоприродно)» (Грех). Единомыслен с ним и блаж. Феофилакт Болгарский: «Грех есть уклонение от цели назначенной человеку по природе» (Там же). Понятие греха предполагает наличие у человека свободы, поскольку он сам выбирает, какое действие ему совершить: согласное с Богоустановленными законами этого мира или противоречащее им. В православном вероучении грех исцеляется через установленные Богом в Церкви таинства покаяния, исповеди и причастия.

В священных книгах Ветхого и Нового Завета слово «грех» употребляется свыше семидесяти раз (см. примеч. 1 в конце статьи); при этом смысловое поле ветхозаветных текстов особым образом уточняется в новозаветном библейском корпусе. В качестве герменевтически значимых и нуждающихся в специальных

исследованиях здесь предстают новозаветные тексты, онтологически представляющие понятие греха. Их русский семантико-онтологический ореол может быть представлен следующим образом (см. табл. 1).

Первый из них расположен в Евангелии от Марка в третьей главе, 29-м стихе (3:29).

Таблица 1

«Грех» в переводах Евангелия от Марка (3:29)

Table 1

“Sin” in the translations of the Gospel of Mark (3:29)

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Новый русский перевод / New Russian translation	Современный перевод Российского библейского общества (далее – РБО) / Modern translation of Russian Bible Society (RBS)	Еврейский Новый Завет / The Jewish New Testament	Синодальный перевод / Synodal translation
«ὁς δ' ἂν βλασφημήσῃ εἰς τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον οὐκ ἔχει ἄφεσιν εἰς τὸν αἰῶνα ἀλλὰ ἔνοχός ἐστιν αἰωνίου ἁμαρτήματος»	«...но тот, кто будет хулить Святого Духа, тому не простится никогда, вина за этот грех останется на человеке навсегда».	«...но тот, кто будет хулить Духа Святого, не будет прощен вовек, грех на нем будет вечно!»	«...однако тому, кто будет хулить Святого Духа, никогда не будет прощения, ибо вечно будет виновен во грехе ».	«...но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению».

Как видно из табл. 1, в большинстве русских переводов данного фрагмента наблюдается лексическая симметрия: под грехом здесь понимается неправильный поступок, преступление, вина человека. Исключение составляет лишь Синодальный перевод, в котором слово «грех» вообще отсутствует. Согласно толкованию данного фрагмента профессором А.П. Лопухиным, речь здесь идет о том, что на человеке, хулящем Святого Духа, грех будет тяготеть всегда, и такого рода грешник подвергнется вечному осуждению; а также о том, что виновный навсегда привязан ко греху, отстать от него не способен (Толковая Библия..., 2009: 654).

Второй текст из Евангелия от Марка (9:43) переведен равномерно как со словом «грех», так и без него (см. табл. 2).

В данном случае в Синодальном переводе вновь отсутствует слово «грех». Новый русский перевод использует непосредственно слово «грех». Понятие греха употребляется здесь в значении неправильного действия человека. Впрочем, в толковании проф. А.П. Лопухина этот фрагмент в силу его смысловой широты вполне может обходиться и без буквалистского перевода (Толковая Библия..., 2009: 690).

В Евангелии от Луки слово «грех» встречается однажды (17:1). В Синодальном переводе оно заменено словом «соблазны» и тем самым акцентуировано (ср.: Толковая Библия..., 2009: 900). В остальных переводах слово «грех» присутствует без особых акцентуаций, означая незаконное дело, соблазн и т. д. (см. табл. 3).

Таблица 2

«Грех» в переводах Евангелия от Марка (9:43)

Table 2

“Sin” in the translations of the Gospel of Mark (9:43)

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Новый русский перевод / New Russian translation	Еврейский Новый Завет / The Jewish New Testament	Синодальный перевод / Synodal translation
«καὶ ἐὰν σκανδαλίζῃ σε ἡ χεὶρ σου ἀπόκοψον αὐτήν καλὸν ἐστὶν σε κυλῶν εἰσελθεῖν εἰς τὴν ζωὴν ἢ τὰς δύο χεῖρας ἔχοντα ἀπελθεῖν εἰς τὴν γέενναν εἰς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον»	«Если твоя рука влечет тебя ко греху , отсеки ее. Лучше тебе с одной рукой войти в жизнь, чем с двумя руками пойти в ад, в неугасимый огонь».	«Если твоя рука заставляет тебя грешить , отсеки её! Лучше тебе быть калек и приобрести вечную жизнь, чем сохранить обе руки и попасть в геенну, в неугасимый огонь!»	«И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки её: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый».

Таблица 3

«Грех» в переводах Евангелия от Луки (17:1)

Table 3

“Sin” in the translations of the Gospel of Luke (17:1)

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Новый русский перевод / New Russian translation	Синодальный перевод / Synodal translation
«εἶπεν δὲ πρὸς τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ ἀνένδεκτόν ἐστιν τοῦ τὰ σκάνδαλα μὴ ἐλθεῖν πλὴν οὐαὶ δι' οὗ ἔρχεται»	«Иисус сказал Своим ученикам: – Поводы для греха не могут не появиться, но горе тому, кто толкает людей на грех ».	«Сказал также Иисус ученикам: невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят».

В Евангелии от Иоанна термин «грех» встречается четырежды. Прежде всего, в первой главе (1:29) (см. табл. 4). В большинстве переводов данного фрагмента, даже в Синодальном, слово «грех» сохраняется – присутствует вместе с объяснением о том, что Христос – Божий избранный, приготовленный Богом в жертву за

грехи людей; понятие греха в данном случае содержит в себе значение человеческих болезней и скорбей, которые берет на себя Христос (Толковая Библия..., 2009: 1002). Исключение составляет перевод М.П. Кулакова, в котором высказывание Иоанна Крестителя о грехе вообще отсутствует:

Таблица 4

«Грех» в переводах Евангелия от Иоанна (1:29)

Table 4

“Sin” in the translations of the Gospel of John (1:29)

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Еврейский Новый Завет / The Jewish New Testament	Библия М.П. Кулакова / The Bible of M.P. Kulakov	Синодальный перевод / Synodal translation
«τῇ ἐπαύριον βλέπει τὸν Ἰησοῦν ἐρχόμενον πρὸς αὐτόν καὶ λέγει ἴδε ὁ ἄμνός τοῦ θεοῦ ὁ αἴρων τὴν ἁμαρτίαν τοῦ κόσμου»	«На следующий день Иоанн увидел Иисуса, подходящего к нему и сказал: “Взгляните! Божий ягненок, берущий на себя грех мира!”»	«Это было в Вифании, за Иорданом, где 'обычно' крестил Иоанн».	«На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира».

В восьмой главе Евангелия от Иоанна (8:7) слово «грех» употреблено в значении промаха, ошибки, неправильного поступка,

достойного наказания (см.: Толковая Библия..., 2009: 1087), и это сохраняют все переводы (см. табл. 5).

Таблица 5

«Грех» в переводах Евангелия от Иоанна (8:7)

Table 5

“Sin” in the translations of the Gospel of John (8:7)

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Новый русский перевод / New Russian translation	Синодальный перевод / Synodal translation
«ὥς δὲ ἐπέμενον ἐρωτῶντες αὐτόν ἀνέκυσεν καὶ εἶπεν αὐτοῖς ὁ ἀναμάρτητος ὑμῶν πρῶτος ἐπ’ αὐτὴν βαλέτω λίθον»	«Они упрямо продолжали Его спрашивать. Тогда Иисус выпрямился и сказал: – Кто из вас без греха , пусть первым бросит в нее камень».	«Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха , первый брось на нее камень».

В той же восьмой главе Евангелия от Иоанна (8:34) слово «грех» указывает на подавляющее начало, берущее в плен чело-

веческую личность, порабащивающее человека (см.: Толковая Библия..., 2009: 1094). Такое значение сохраняется в большинстве переводов (см. табл. 6).

Таблица 6

«Грех» в переводах Евангелия от Иоанна (8:34)

Table 6

“Sin” in the translations of the Gospel of John (8:34)

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Новый русский перевод / New Russian translation	Синодальный перевод / Synodal translation
«ἀπεκρίθη αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς ἀμὴν ἀμὴν λέγω ὑμῖν ὅτι πᾶς ὁ ποιῶν τὴν ἁμαρτίαν δοῦλός ἐστιν τῆς ἁμαρτίας»	«Иисус ответил: – Говорю вам истину: каждый, кто грешит, – раб греха ».	«Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех , есть раб греха ».

В 46-м стихе восьмой главы Евангелия от Иоанна понятие греха получает этико-эпистемологический оттенок, значение неправды (8:46). В Новом русском переводе оно присутствует именно таким образом, указывая на несправедливый поступок.

Синодальный перевод идет дальше, в нем дает себя знать более сильная интерпретация, и собственно слово «грех» заменено словом «неправда» (ср: Толковая Библия..., 2009: 1097), (см. табл. 7).

Таблица 7

«Грех» в переводах Евангелия от Иоанна (8:46)

Table 7

“Sin” in the translations of the Gospel of John (8:46)

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Новый русский перевод / New Russian translation	Синодальный перевод / Synodal translation
«τίς ἐξ ὑμῶν ἐλέγχει με περὶ ἁμαρτίας εἰ ἀλήθειαν λέγω διὰ τί ὑμεῖς οὐ πιστεύετε μοι»	«Может ли кто-либо из вас уличить Меня во грехе ? Если же Я говорю истину, то почему вы Мне не верите?»	«Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне?»

Евангелие от Матфея содержит единственное употребление слова «грех» в 18-ой главе (18:6). В Синодальном переводе, а также в переводах еп. Кассиана, о. Леонида Лутковского и даже в Еврейском Новом Завете слово «грех» чаще всего заменяется синонимом «соблазн» или глаголом «соблазнять». Новый русский перевод (совре-

менный перевод РБО) слово «грех» в данном фрагменте использует в значении соблазна по отношению к другому человеку. Библия М.П. Кулакова в данном случае несколько выделяется из других переводов: в ней «грех» или «соблазн» заменены словосочетанием «причина падения» (см. табл. 8).

Таблица 8

«Грех» в переводах Евангелия от Матфея (18:6)

Table 8

“Sin” in the translations of the Gospel of Matthew (18:6)

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Новый русский перевод / New Russian translation	Еврейский Новый Завет / The Jewish New Testament	Синодальный перевод / Synodal translation	Перевод о. Леонида Лутковского / Translated by fr. Leonid Lutkovsky	Перевод еп. Кассиана / Translation of ep. Cassiana	Библия М.П. Кулакова / The Bible of M.P. Kulakov
«ὁς δ' ἂν σκανδαλίσῃ ἓνα τῶν μικρῶν τούτων τῶν πιστευόντων εἰς ἐμέ συμφέρει αὐτῷ ἵνα κρεμασθῇ μύλος ὀνίκος περὶ	«Но если же кто введет в грех одного из этих малых, верующих в Меня, то для него было бы лучше, если бы	«...а тот, кто прине- сёт со- блазн од- ному та- кому ма- лышу, ве- рящему мне, – та- кому че- ловеку было бы	«...а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы по- весили ему	«...а кто введет в со- блазн хотя бы одного из тех не- многих, кто верует в Меня, то для него было бы лучше, если бы	«А кто со- блазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому было бы лучше, если бы мельнич- ный жер-	«А если станет кто причиной падения хотя бы одного из малых сих, веру- ющих в Меня, лучше бы тому

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Новый русский перевод / New Russian translation	Еврейский Новый Завет / The Jewish New Testament	Синодальный перевод / Synodal translation	Перевод о. Леонида Лутковского / Translated by fr. Leonid Lutkovsky	Перевод еп. Кассиана / Translation of ep. Cassiana	Библия М.П. Кулакова / The Bible of M.P. Kulakov
τὸν τράχηλον αὐτοῦ καὶ καταποντισθῇ ἐν τῷ πελάγει τῆς θαλάσσης»	ему повесили на шею мельничный жернов и утопили в море».	лучше, если бы ему повесили на шею жернов и утопили в открытом море!»	мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской».	ему привязали мельничный жернов на шею и утопили в пучине морской».	нов повесили ему на шею, и утопили его в пучине морской».	было, чтобы повесили ему на шею жернов и утопили его в пучине морской».

Как показывает анализ четырех Евангелий, чаще всего слово «грех» заменяет на синонимы Синодальный перевод. В остальных переводах понятие греха используется достаточно часто с разнообразными оттенками значений: преступление (вина) человека; соблазн или беззаконие; ошибка или промах; человеческие болезни и скорби; начало, берущее в плен или рабство

человеческую личность; неправда, несправедливый поступок; причина падения.

Четыре значимых упоминания понятия греха содержатся в Послании ап. Павла к Евреям (4:15; 9:26; 11:25; 12:1).

Первое из них (Евр. 4:15), как видно из табл. 9, в большинстве переводов содержит слово «грех» в значении неправильного действия (см.: Толковая Библия..., 2009: 1117).

Таблица 9

«Грех» в переводах Послания ап. Павла к Евреям (4:15)

Table 9

“Sin” in the translations of the Epistle of Ap. Paul to the Hebrews (4:15)

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Новый русский перевод / New Russian translation	Библия М.П. Кулакова / The Bible of M.P. Kulakov	Синодальный перевод / Synodal translation
«οὐ γὰρ ἔχομεν ἀρχιερέα μὴ δυνάμενον συμπαθεῖν ταῖς ἀσθενείαις ἡμῶν πεπειρασμένον δὲ κατὰ πάντα καθ' ὁμοιότητα χωρὶς ἁμαρτίας»	«Наш Первосвященник не из тех, кто не может сочувствовать нам в наших слабостях. Он был искушен во всем, как и мы, за исключением греха ».	«Первосвященник, Коего имеем мы, не из тех, кто не знает сострадания к нам в слабостях наших; нет, Он ведь и Сам был искушен во всем, подобно нам (правда, не согрешил Он при этом)».	«Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха ».

Второе упоминание (Евр. 9:26) слова «грех» употребляется в значении чего-то

лишнего в мире (см. табл. 10), что необходимо должно подвергнуться уничтожению (см.: Толковая Библия..., 2009: 1135).

Таблица 10

«Грех» в переводах Послания ап. Павла к Евреям (9:26)

Table 10

“Sin” in the translations of the Epistle of Ap. Paul to the Hebrews (9:26)

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Еврейский Новый Завет / The Jewish New Testament	Синодальный перевод / Synodal translation
«ἐπεὶ ἔδει αὐτὸν πολλάκις παθεῖν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου νυνὶ δὲ ἅπαξ ἐπὶ συντελείᾳ τῶν αἰώνων εἰς ἀθέτησιν τῆς ἁμαρτίας διὰ τῆς θυσίας αὐτοῦ πεφανέρωται».	«...потому что в таком случае ему пришлось бы многократно претерпеть смерть с момента сотворения вселенной. Но он появился однажды, в конце времен, чтобы положить конец греху , принеся в жертву самого себя».	«...иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира; Он же однажды, к концу веков, явился для уни- чтожения греха жертвою Своею».

Как видно из табл. 11, в тексте (Евр. 11:25) содержится слово «грех» или образованные от него прилагательные. А.П. Лопухин приводит толкование Иоанна

Златоуста, согласно которому грехом в данном контексте называется нежелание страдать вместе с другими (см.: Толковая Библия..., 2009: 1150).

Таблица 11

«Грех» в переводах Послания ап. Павла к Евреям (11:25)

Table 11

“Sin” in the translations of the Epistle of Ap. Paul to the Hebrews (11:25)

Древнегреческий текст / Ancient Greek text	Еврейский Новый Завет / The Jewish New Testament	Синодальный перевод / Synodal translation
«μᾶλλον ἐλόμενος συγκακουεῖσθαι τῷ λαῷ τοῦ θεοῦ ἢ про- σκαίρον ἔχειν ἁμαρτίας ἀπόλαυσιν».	«Он предпочел страдания вме- сте с Божьим народом преходя- щим греховным наслажде- ниям».	«...и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение».

Из сравнения вышеприведенных фрагментов выявлено, что слово «грех» и производные от него прилагательные и глаголы употребляются чаще всего в переводах апостольских посланий. В Евангелиях переводчики склонны заменять его синонимами, особенно часто это характерно для Синодального перевода. Кроме того, выявлено отсутствие единообразия в контекстуальной репрезентации смысла понятия греха; в зависимости от контекста понятие приобретает разные оттенки значений. В православном вероучении и, соответственно, в конфессионально ориентированных переводах под грехом понимается совершенная человеком ошибка, вследствие которой человек оказался смертельно болен и нуждается в лечении своей природы,

которое может быть совершено только любящим врачом – Богом. В протестантском и католическом богословии преобладает «юридический» взгляд на проблему греха. Грех рассматривается как совершенное человеком преступление, за которое необходимо понести наказание. Бог здесь предстает в образе грозного Судьи (Прот. Константин Гипп).

Исходя из представлений о грехе как болезни и необходимости, в связи с этим, ее излечения (прежде всего, в предельно личном Богообщении – церковных таинствах покаяния и исповеди), в отечественном православном богословии существуют своего рода диагностические классификации гре-

хов. Весьма отчетливые опыты таких классификаций содержатся в русской духовно-академической философии и антропологически ориентированном богословии первой половины XIX века. Например, в рукописи ближайшего к русскому мыслителю-энциклопедисту свт. Филарету архимандрита Евтихиана (Лестева) «Богословское Человеческое», выделяются такие понятия, как первородный грех и грех деятельный (см.: Богословие догматическое..., 1830-е: 145). Первородный грех, согласно труду архим. Евтихиана – это повреждение, доставшееся в наследство всему человечеству от прародителей Адама и Евы (Там же: 128); грех же деятельный заключается в злых пожеланиях сердца (Там же: 145). Ассоциативно архим. Евтихиан изображает соотношение первородного и деятельного видов грехов следующим образом: «Грех первородный в отношении к грехам деятельным есть как бы древо; а грехи деятельные, в отношении к первородному греху, суть как бы плоды древа» (Там же: 145). Деятельные грехи, в свою очередь, подразделяются на следующие виды: утвердительные или отрицательные в соответствии с Божиими заповедями; произвольные и непроизвольные; против Бога, против самого согрешающего и против ближних; сердечные, устные или производимые на самом деле; смертные или не смертные (Там же: 156-157). Данная классификация дает обобщенное представление о возможных группах грехов, хотя в ней и отсутствует подробный анализ конкретных их видов.

Более подробна диагностическая классификация церковного подвижника XIX века, свт. Игнатия Брянчанинова, который выделяет восемь главных страстей и восемь противоположных им добродетелей. К основным страстям он относит чревообъядение, любодеяние, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость (см.: Игнатий (Брянчанинов), свт., 2012: 3-11). Среди восьми добродетелей автором выделены воздержание, целомудрие, нестяжание, кротость, блаженный плач, трезвение, смирение, любовь (Там же: 12-17).

Каждая из представленных в данной классификации страстей или добродетелей включает в себя определенные подразделения и отрасли. Так, к страсти чревообъядения относятся объядение, пьянство, нехранение и нарушение постов, тайноядение, лакомство, нарушение воздержания (Там же: 3). А противоположная страсти чревообъядения добродетель воздержания состоит из удержания от излишнего употребления пищи и питья, точного хранения постов, обуздание плоти умеренным и постоянно одинаковым употреблением пищи (Там же: 12).

В классификации свт. Игнатия довольно сильны монашеские акцентуации. Состояние блаженного плача, умерщвление миру, желание уединения, описанные в добродетели с названием «блаженный плач» (Там же: 14), более доступны и свойственны монахам, чем мирянам. Желание обогатиться, описанное в страсти «сребролюбие» (Там же: 4), не может быть рассмотрено как грех в отношении мирянина, который должен думать о том, как обеспечить свою семью и т. д.

Одна из наиболее известных классификаций грехов конца XX века принадлежит монаху и подвижнику Иоанну Крестьянкину, который подразделяет грехи в соответствии с десятью ветхозаветными заповедями и девятью заповедями блаженства, создавая тем самым событийно-онтологический баланс смыслового поля понятия. По ветхозаветным заповедям план деления выглядит следующим образом: 1) *Аз есмь Господь Бог твой...да не будут тебе бозии инии разве Мене*; 2) *Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе и елика на земли низу, и елика в водах под землею: да не поклонишися им, ни послужиши им*; 3) *Не возмешь имене Господа Бога твоего всуе*; 4) *Помни день субботный, еже святити его: шесть дний делай и сотвориши в них вся дела твоя: в день же седьмый, суббота Господу Богу твоему*; 5) *Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и да долготелен будеши на земли*; 6) *Не убий*; 7) *Не прелюбы сотвори*; 8) *Не*

укради; 9) Не послушествуй на друга своего свидетельства ложна; 10) Не пожелай жены искреннего твоего, не пожелай дому ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего, елика суть ближнего твоего (см.: Архимандрит Иоанн (Крестьянкин), 2007). Данная классификация в каждом из десяти подразделов имеет подробное описание грехов, которые нарушают ту или иную заповедь. Например, грехи против первой заповеди представлены в виде девяти подпунктов. Девятый подпункт посвящен объяснению грехов человекоугодия и человеконадеяния: «Грех человеконадеяния заключается в том, что мы очень часто надеемся на себя и на свои силы, на свои молитвы, посты, подвиги различные, на свои зачастую мнимо добрые дела, совершенно забывая, что лишь при содействии благодати Божией мы можем спастись» (Там же: 29).

Второй вариант деления Иоанна Крестьянкина по заповедям блаженства включает следующие заповеди: 1) Блажени нищии духом: яко тех есть Царствие Небесное; 2) Блажени плачущии: яко тии утешатся; 3) Блажени кротции: яко тии наследят землю; 4) Блажени алчущие и жаждущие правды: яко тии насытятся; 5) Блажени милостивии: яко тии помиловани будут; 6) Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят; 7) Блажени миротворцы: яко тии сынове Божии нарекутся; 8) Блажени изгнани правды ради: яко тех есть Царствие небесное; 9) Блажени есте, егда поносят вас и ижденут и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще, Мене ради: радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех (Там же). Данная классификация довольно подробно раскрывает возможные грехи против каждой заповеди. Например, к грехам против третьей заповеди здесь относится обида: «Мы в ненависти и раздражении желаем всяческих несчастий ближним, злорадуем тайно и явно, если наши обидчики и враги терпят какие-то бедствия, — и еще осмеливаемся говорить, что они еще больших несчастий заслуживают!»

(Там же: 168). В целом, данная классификация выглядит более приближенной к мирянам, чем классификация свт. Игнатия Брянчанинова, так как в ней осмысляются преимущественно грехи из повседневной жизни обычного рядового мирянина.

Учение о грехах в русской духовно-академической философии в первой половине XIX века формулировалось достаточно общими подразделами, в которых не анализировались отдельные конкретные виды грехов, поэтому практическую пользу от них получить мог не каждый верующий. Со второй половины XIX века классификации грехов становятся более конкретными и подробными, способными принести практическую пользу рядовому члену Церковной общины на пути познания своего состояния и покаяния. Однако во второй половине XIX века в них встречаются еще специфические монашеские элементы, которые не вполне применимы к мирянину. К концу XX века классификации грехов приобретают современный вид, вполне применимый к практической духовной жизни любого верующего. Стоит заметить, что все представленные классификации не являют собой полной картины греховного состояния конкретного человека, но освещают основные возможные страсти и греховные движения души.

Примечание 1

В тексте книги Бытия слово «грех» встречается один раз (4:7), в Исходе один раз (32:32), в Числах два раза (5:7; 32:32), Во Второзаконии один раз (24:16), в книге Самуила два раза (12:23; 15:23), в 1 Царств один раз (8:46), во 2 Паралипоменон один раз (7:14), в книге Иова один раз (1:22), в Псалтири 11 раз (4:4; 17:3; 32:2; 32:5; 36:2; 38:18; 39:1; 51:2; 66:18; 119:11; 119:133), в книге Притч шесть раз (5:22, 10:19; 14:9; 16:6; 17:19; 29:9), в книге Исаяи три раза (3:9; 6:7; 64:5), в книге Иеремии один раз (31:30), в книге Иезекииля три раза (3:18; 18:26; 33:8), в книге Амоса один раз (4:4), в книге Михея один раз (6:7), в книге Захарии один раз (3:4). Отсутствует упоминание

слова «грех» в книгах Левит, Иисуса Навина, Судей, Руфь, 2, 3 и 4 Царств, в 1 Паралипоменон, Ездры, Маккавейских, Неемии, Даниила, Осии, Иоили, Амоса, Авдии, Наума, Аввакума, Софонии, Аггея, Малахии, Товит, Иудифь, Премудрости Соломона, Иисуса сына Сирахова. В Евангелии от Марка встречается два раза (3:29; 9:43), в Евангелии от Луки один раз (17:1), в Евангелии от Иоанна четыре раза (1:29; 8:7; 8:34; 8:46), в Евангелии от Матфея один раз (18:6). В 1 Соборном послании Иоанна десять раз (1:7; 1:8; 2:1; 3:4; 3:5; 3:6; 3:9; 5:16; 5:17; 5:18), в послании апостола Павла к Римлянам девять раз (2:12; 5:12; 5:20; 6:2; 6:11; 6:14; 6:23; 7:7; 7:25; 14:23), в Послании к Евреям четыре раза (4:15; 9:26; 11:25; 12:1), в 1 послании к Коринфянам два раза (8:12; 15:56), во 2 послании к Коринфянам один раз (5:21), в Послании к Галатам один раз (6:1), в 1 послании к Тимофею один раз (5:20), в 1 послании к Петру один раз (2:22), в Послании к Иакову один раз (1:15). В посланиях к Ефессянам, Филиппийцам, Колоссянам и Фессалоникийцам слово «грех» отсутствует (См.: The NIV Study Bible... 1985: 129-130).

Литература

- Бахшиева, Г.Ш. Тема греха и наказания за грехи в романе Уильяма Голдинга «Воришка Мартин» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 36. № 4. С. 41-48.
- Библия онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/verse/41/3/29/> (дата обращения: 19.02.2022).
- Богословие догматическое. Человеческое. Книга I [рукопись]. [Б.м.], 1830-е гг. 192 л. Штампы отдела рукописей. ОР Ф. 173.4. № 120.
- Вейсман, А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. 1970 с.
- Ворохобов, А.В. Грех как невозможная возможность: метафизика и феноменология греха в теологии Карла Барта // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2017. № 15. С. 7-36.
- Ворохобов, А.В. Экзистенция и грех в религиозно-философском наследии Райнхольда Нибура // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2016. № 14. С. 7-28.
- Гипп, Константин, прот. Грех – болезнь или преступление? // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/grex-boleznili-prestuplenie> (дата обращения: 19.02.2022).
- Грех // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/grex> (дата обращения: 19.02.2022).
- Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А-З. М.: Рипол Классик, 2006. 752 с.
- Елисова, П.А., Шмаков, А.В. Грех сладострастия как фактор экономического развития // Наука. Технологии. Инновации: Сб. науч. трудов: в 9 частях. Новосибирск: НГТУ, 2016. С. 119-120.
- Житенев, А.А. «Грех» vs «отчуждение»: об одной автометаописательной парадигме русского модернизма // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения» 12-14 мая 2009 г. М.: РЕМДЕР, 2009. С. 261-267.
- Иванов, М.С. Грех // Православная энциклопедия. Т. 12. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 330-345.
- Игнатий (Брянчанинов), свт. В помощь кающимся. Минск: Свято-Елисаветинский монастырь, 2012. 30 с.
- Иоанн (Крестьянкин), архим. Опыт построения исповеди. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 251 с.
- Максутов, И. Учения о первородном грехе в восточном и западном богословии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2005. № 3. С. 115-119.
- Мархиева, Ф.З. Концепция первородного греха в романе «Процесс» Франца Кафки // Студенческий вестник. 2018. № 4 (24). С. 26-28.
- Остапенко, А.А. Педагогический грех и его виды // Исследования гуманитарных систем. Вып. 2. Доминантность и ее виды. Кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета / под ред. А.А. Остапенко. Краснодар: Парабеллум, 2014. С. 160-165.

Палажченко, П.Р. Семь смертных грехов (и семь даров Святого Духа), или О пользе дискуссий в интернете // Мосты. Журнал переводчиков. 2006. № 1 (9). С. 38-42.

Позднякова, Е.Д. Убийство на войне с точки зрения военнослужащих: грех или необходимость? // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (11). С. 46-465.

Романов, Р.Н. Чувственные наслаждения как основа закона греха // Труды преподавателей и выпускников Воронежской православной духовной семинарии. 2012. № 6 (6). С. 69-81.

Силаев, В. Брак в Священном Писании Ветхого Завета и искажение его сущности в результате влияния первородного греха // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2018. № 12. С. 94-112.

Степаненко, В.А., Хабаров, Д.А. Историческое и языковое портретирование концепта «Грех. Sunde» // Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2017. № 4 (36). С. 25-37.

Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета под редакцией А.П. Лопухина. В 7 т. Изд. 4-е. Т. VI: Четвероевангелие. М.: ДАРЪ, 2009. 1232 с.

Усманова, В.С., Тетакаева, Л.М. Актуализация семи смертных грехов в английской фразеологии // Уральский научный вестник. 2019. Т. 6. № 2. С. 17-20.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А-Д). М.: Прогресс, 1986. 573 с.

Шердаков, В.Н. Грех // Новая философская энциклопедия: В четырех томах / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f6f880579d35e64aabc5> (дата обращения: 19.02.2022).

Шродт, Ф.А. Семь смертных грехов современного количественного анализа в политической науке // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2016. № 43. С. 154-210.

Эзри, Г.К. Грех как обман и игра: диалектика греха и надежды // Nauka-Rastudent.ru. 2016. № 3. С. 1.

The NIV Study Bible. International Bible Society, 1985. Concordance. 153 p.

References

Bakhshieva, G. Sh. (2021), "The theme of sin and punishment for sins in William Golding's novel 'The Thief Martin'", *Herald of Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 36 (4), 41-48 (in Russ.).

Bibliya onlayn [Bible online] [Online], available at: <https://bible.by/verse/41/3/29> / (Accessed 19 February 2022) (in Russ.).

Bogoslovie dogmaticheskoe. Chelovekoslovie. Kniga I (1830s), [Dogmatic theology. Humanology. Book I [manuscript]], [without a place of publication], Stamps of the department of manuscripts, OR F. 173.4, No. 120 (in Russ.).

Dal', V. I. (2006), *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. T. 1: A-Z*. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol. 1: A-Z], Ripoll Classic, Moscow, Russia (in Russ.).

Elisova, P. A. and Shmakov, A. V. (2016), "The sin of voluptuousness as a factor of economic development", *Nauka, Tekhnologii, Innovatsii: Sbornik Nauchnykh trudov v 9 chastyakh* [Science. Technologies. Innovation: Collection of scientific works: in 9 parts], NSTU, Novosibirsk, Russia, 119-120 (in Russ.).

Ezri, G. K. (2016), "Sin as deception and game: dialectics of sin and hope" *Nauka-Rastudent.ru*, 3, 1 (in Russ.).

Gipp, Konstantin, archpriest, "Is sin a disease or a crime?", *Azbuka very* [The ABC of Faith] [Online], available at: <https://azbyka.ru/grebolezn-ili-prestuplenie> (Accessed 19 February 2022) (in Russ.).

"Grekh" [Sin], *Azbuka very* [The ABC of Faith.] [Online], available at: <https://azbyka.ru/grex> (Accessed 19 February 2022). (in Russ.).

Ignatij (Bryanchaninov), st. (2012), *V pomosch kayuschimsya* [To help the penitents], St. Elizabethan Monastery, Minsk, Belarus (in Russ.).

Ioann (Krest'jankin), archimandrite (2007), *Opyt postroyeniya ispovedi* [The experience of building a confession], Sretensky Monastery Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Ivanov, M. S. (2006), "Sin", *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 12* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 12], Tserkovno-nauchny tsentr "Pravoslav-naya entsiklopediya", Moscow, Russia, 330-345 (in Russ.).

Maksutov, I. (2005), "Teachings on original sin in Eastern and Western theology", *Bulletin of*

the Moscow University. Series 7: Philosophy, 3, 115-119 (in Russ.).

Markhieva, F. Z. (2018), "The concept of original sin in the novel "The Process" by Franz Kafka", *Studenchesky vestnik* [Student Bulletin], 4, 26-28 (in Russ.).

Ostapenko, A. A. (2014), "Pedagogical sin and its types", *Issledovaniya gumanitarnykh sistem. Vypusk 2. Dominantnost' i yeye vidy*. [Studies of Humanitarian systems. Issue 2. Dominance and its types], Parabellum, Krasnodar, Russia, 160-165 (in Russ.).

Palazhchenko, P. R. (2006), "The Seven Deadly Sins (and the seven gifts of the Holy Spirit), or about the benefits of discussions on the Internet", *Mosty. Zhurnal perevodchikov* [Bridges. The journal of translators], 1, 38-42 (in Russ.).

Pozdnyakova, E. D. (2019), "Murder in war from the point of view of military personnel: a sin or a necessity?", *Vestnik Orenburgskoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Orenburg Theological Seminary], 2, 46-465 (in Russ.).

Romanov, R. N. (2012), "Sensual pleasures as the basis of the law of sin", *Trudy prepodavateley i vypusnikov Voronezhskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii* [Works of teachers and graduates of the Voronezh Orthodox Theological Seminary], 6, 69-81 (in Russ.).

Sherdakov, V. N. (2010), "Sin", *New Philosophical Encyclopedia*, in Stepin, V. S., Huseynov, A. A. and Semigin, G. Yu. (ed.) [Online], available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f6f880579d35e64aabc5> (Accessed 19 February 2022) (in Russ.).

Shrodt, F. A. (2016), "Seven deadly sins of modern quantitative analysis in political science", *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling. Sociology: 4M*, 43, 154-210 (in Russ.).

Silaev, V. (2018), "Marriage in the Holy Scripture of the Old Testament and the distortion of its essence as a result of the influence of original sin", *Trudy Saratovskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii* [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary], 12, 94-112 (in Russ.).

Stepanenko, V. A. and Khabarov, D. A. (2017), "Historical and linguistic portraiture of the concept 'Sin. Sunde'", *Modern Linguistic and Methodological-and-Didactic Researches*, 4, 25-37 (in Russ.).

The NIV Study Bible. International Bible Society (1985), Concordance.

Tolkovaya Bibliya, ili kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta: V 7 tomakh. T. VI (2009) [Explanatory Bible, or Commentaries on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament: In 7 vol. Vol. VI], in Lopukhin, A. P. (ed.), DAR, Moscow, Russia (in Russ.).

Usmanova, V. S. and Tetakaeva, L. M. (2019), "Actualization of the seven deadly sins in English phraseology", *Ural'skiy nauchniy vestnik* [Ural Scientific Bulletin], 6, 7-20 (in Russ.).

Vasmer, M. (1986), *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. I (A-D)* [Etymological dictionary of the Russian language. Vol. I (A-D)], Progress, Moscow, Russia, 455-457 (in Russ.).

Vorokhobov, A. V. (2016), "Existence and sin in Reinhold Niebuhr's religious and philosophical heritage", *Trudy Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii* [Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary], 14, 7-28 (in Russ.).

Vorokhobov, A. V. (2017), "Sin as an impossible possibility: Metaphysics and phenomenology of sin in Karl Barth's theology", *Trudy Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii* [Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary], 15, 7-36 (in Russ.).

Weisman, A. D. (2006), *Grechesko-russkiy slovar'*. Reprint V-go izdaniya 1899 g. [Greek-Russian dictionary. Reprint of the V-th edition of 1899], The Greek-Latin cabinet of Yu. A. Shichalin. Moscow, Russia (in Russ.).

Zhitenev, A. A. (2009), "'Sin' vs 'Alienation': about one autometaopisational paradigm of Russian modernism", *Voprosy yazyka i literatury v sovremennykh issledovaniyakh. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeystvie. X yubileynye Kiriilo-Mefodievskie chteniya"* [Questions of language and literature in modern studies Materials of the International scientific and practical Conference "Slavic culture: origins, traditions, interaction. X Anniversary Cyril and Methodius readings"], 261-267 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Нифонтова Ольга Ивановна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; nifontova.olya2013@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Olga I. Nifontova, PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; nifontova.olya2013@yandex.ru

УДК 130.2:322

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-4

Гончаренко И. В.¹,
Коровина О. В.²,
Месяц К. В.³,
Сергеева И. Н.⁴,
Апатенко Д. В.⁵

**Цензура в интеллектуальной культуре России
(ситуация XIX – начала XX веков)**

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; eigor1@yandex.ru

² Пушкинская библиотека-музей Централизованной библиотечной системы г. Белгорода, пр-т Ватутина, д. 4, г. Белгород, 308013; olga-helga.1987@yandex.ru

³ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1252767@bsu.edu.ru

⁴ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, Белгород, 308012, Россия; nany985@mail.ru

⁵ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; Майская гимназия Белгородского района Белгородской области, п. Майский, ул. Кирова, д. 16а, 308503; diana.apatenko@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты герменевтического анализа законодательных документов российской цензуры (уставов российской цензуры 1804–1828 гг.), эго-документов (дневниковых и эпистолярных), актуальных монографических текстов и др. В ходе анализа были уточнены целевые установки цензурной деятельности в связи с различными культурно-историческими ситуациями цензуры в России XIX – начала XX вв.; особое внимание при этом было уделено взаимодействию духовной и светской цензур – на примере деятельности видных представителей русской литературно-философской и богословской мысли А.В. Никитенко, В.Ф. Одоевского, О.М. Новицкого, А.Ф. Кони, свт. Феофана Затворника. Обосновывая продуктивность целостного, «событийного» изучения цензурных практик, авторы статьи обращают внимание на стремление цензоров быть ответственными и понимающими читателями цензурируемых текстов.

Ключевые слова: интеллектуальная культура России; герменевтический анализ; цензура светская; цензура духовная; цензор, цензурный устав; А.В. Никитенко; В.Ф. Одоевский; О.М. Новицкий; А.Ф. Кони; свт. Феофан Затворник

Для цитирования: Гончаренко И. В., Коровина О. В., Месяц К. В., Сергеева И. Н., Апатенко Д. В. Цензура в интеллектуальной культуре России (ситуация XIX – начала XX веков) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 43-64. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-4

I. V. Goncharenko¹,
O. V. Korovina²,
K. V. Mesyats³,
I. N. Sergeeva⁴,
D. V. Apatenko⁵

**Censorship in the intellectual culture of Russia
(situation of the 19th – early 20th centuries)**

¹Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
eigor1@yandex.ru

²Pushkin Library-Museum, Belgorod Centralized Library System, 4 Vatutin Ave., Belgorod
308013, Russia; *olga-helga.1987@yandex.ru*

³Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
1252767@bsu.edu.ru

⁴Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
Shukhov Belgorod State Technological University, 46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russia;
nany985@mail.ru

⁵Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
Mayskaya Grammar School, 16a Kirov St., Maysky Township, Belgorod district,
Belgorod region, 308503, Russia; *diana.apatenko@mail.ru*

Annotation. The article presents the results of hermeneutic analysis of legislative documents of Russian censorship (statutes of Russian censorship in 1804-1828), ego-documents (diary and epistolary), relevant monographic texts, etc. In the course of the analysis we also specified the objectives of censorship activities in connection with different cultural and historical situations of censorship in Russia in the 19th – early 20th centuries, with special attention paid to the interaction of spiritual and secular censorship, using as an example the activities of leading representatives of Russian literary-philosophical and theological thought Alexander Nikitenko, V. Odoevsky, O. Novitsky, A. Kony, St. Theophan the Recluse. Justifying the productivity of a holistic, "event-based" study of censorship practices, the authors draw attention to the censors' desire to be responsible and understanding readers of censored texts.

Keywords: intellectual culture of Russia; hermeneutic analysis; secular censorship; spiritual censorship; censor, censorship charter; Aleksandr V. Nikitenko, Vladimir F. Odoevsky, Orest M. Novitsky, Anatoly F. Koni; St. Theophan the Recluse

For citation: I. V. Goncharenko, O. V. Korovina, K. V. Mesyats, I. N. Sergeeva and D. V. Apatenko (2022), "Censorship in the intellectual culture of Russia (situations of the 19th – early 20th centuries)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 43-64, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-4

Цензура является одним из крупных явлений истории интеллектуальной культуры России XIX – начала XX вв. Исследования ее далеки от завершения¹: требуется

уточнение смысловых установок и структур цензурных практик, прояснение единства исторических основоположений и реальных культурно-исторических ситуаций

¹ См. об этом исследования: (Вацууро, Гиллельсон, 1986; Жирков, 2001; Патрушева, 2014).

цензурной деятельности, в которых эти основоположения интерпретируются, принимая вид прецедентных решений.

Целостное, «событийное» изучение цензуры предполагает обращение как к официальным документам, которые позволяют «как-бы из разрозненных костей» воссоздать «основной облик-скелет духовно-цензурного режима» (Котович, 1909: 485), так и к имплицитным источникам (дневникам, воспоминаниям, перепискам и т. п.), принадлежащим перу цензоров и деятелей науки, литературы, философии, богословия, напрямую с цензурой не всегда связанных, но при этом на себе или на своем творчестве испытавших ее смысловое влияние.

Среди крупнейших цензоров и сторонних участников цензурных процессов XIX века мы полагаем возможным обратить внимание на таких выдающихся русских мыслителей, как В.Ф. Одоевский, А.В. Никитенко, О.М. Новицкий, А.Ф. Кони, свт. Феофан Затворник (Г.В. Говоров) и др.

Формирование цензуры с самого начала представляется как череда правовых решений, направленных на урегулирование церковно-государственных начал в жизни российского общества. Заметными являются запретительные меры, которые содержатся уже в документах-парадигмах древнерусского права. К этим мерам относятся прежде всего вероучительные прещения в отношении слова (списки «отречённых» книг) и образа (запрет на печать религиозных гравюр) (Иникова, 2014: 136-158). По поручению Петра I Феофан Прокопович подготовил «Регламент или Устав Духовной Коллегии», где устанавливалась общая мера ответственности Государя как высшего лица в российской иерархии церковной и светской власти и коллегиального соборования ответственных лиц (Сперанский, 1830: 314-346). Примечательно, что вероучительный критерий упрочивался в отношении духовной цензуры: «Если кто пишет о чем-либо богословское сочинение, то

оное не следует печатать немедленно, а сначала предъявить коллегии. Коллегия же должна испытать, нет ли в сочинении ошибок, противных православному вероучению» (Сперанский, 1830: 314-346). В задачи Духовной Коллегии также входило выявление в текстах житий святых высказываний «учению православному противных», к ним относили «ложные вымыслы» и искажения «Историй Святых»; также выявлялись факты «идолослужений» в провинциальных приходах и пр. (Сперанский, 1830: 314-346).

В 1796 году Указом Екатерины II учреждался особый институт цензуры: юридически отчетливо устанавливалась смешанная цензура, в которой выделялись два вида – духовная и светская; получали особый государственный статус цензоры, и упорядочивался, субординировался порядок коллегиальных решений. «Во всех назначенных в Высочайшем Именном Указе местах, как то: в Санкт-Петербурге, в Москве, в Риге, в Одессе и при Таможне Радзивиловской» цензуру предписывалось «составить в каждом месте из трех особ, из одной духовной, из одной гражданской и одной ученой; духовных особ избрать Синоду, гражданских – Сенату, а ученых – Академии наук и Московскому университету...» (Указ именной..., 1830: 933). Организованные цензурные комитеты были созданы в Москве, Петербурге, Риге, Одессе, а также в местах поступлений книг из-за границы. В каждом комитете должен был быть как минимум один священник, цензор и светский человек для цензуры книг. Во время царствования Екатерины Указом Сената от 31 мая 1780 года (Воробьев, 2018: 114) Синоду, Московскому и Петербургскому митрополитам была вменена духовная цензура – право цензуровать все сочинения, содержащие рассуждения религиозного характера; в 1783 году Императорским Указом «О вольных типографиях» цензура духовных сочинений, издаваемых частными типографиями, вменялась Управлам благочиния (Воробьев, 2018: 114).

Развивая политику Екатерины II в области цензуры, Павел I закончил формирование ее институций. Император создает Цензурный совет (Указ «О предоставлении книг...», 1830: 647), а Указом от 14 марта 1799 г. «Об учреждении Духовной цензуры в Москве при Ставропигиальном Донском монастыре» (Сперанский, 1830: 583-585) завершает на государственном уровне организацию духовной цензуры. Согласно этому Указу, «по неупустительном освидетельствовании, рассмотрении и должном исправлении Комиссией взносимых и присылаемых в оную переводов и сочинений, и по одобрении ею, что в них ничего противного закону Божию, правилам Государственным, благонравию и самой литературе не находится, уважая преимущественно достойные из них, издавать все таковые Комиссией апробированные в печать с дозволения Синода, единственно в типографиях, ведомству его принадлежащих...» (Сперанский, 1830: 584). Закон концентрировал порядок духовной цензуры, до этого разрозненной, существовавшей прежде только в епархиях, духовных учебных заведениях и смешанных комитетах, в одном московском центре.

В 1804 году Указом Александра I был принят «Устав о Цензуре», в котором устанавливались основные принципы цензуры в связи с ее социальным назначением. Указывалось, что первой обязанностью цензуры является рассмотрение «всякого рода книг и сочинений, назначаемых к общественному употреблению» (Устав о цензуре. 1804), при этом «главным предметом» этого рассмотрения являлось обеспечение общества книгами и сочинениями, которые способствовали бы «истинному просвещению ума и образованию нравов» (Устав о цензуре. 1804); этому сопутствовало требование «удалить книги и сочинения, противные сему намерению» (Устав о цензуре.

1804). Светские Цензурные комитеты учреждались как коллегиальные органы при университетах, в их состав входили университетские профессора и магистры (Гринченко, 2013). Цензурное попечение книг и сочинений, издаваемых главным правлением училищ, Кадетских корпусов, ученых обществ и казенных мест, Академией наук, Академией художеств и Российской академией, государственно-медицинской управой, возлагались на сами эти организации. В части духовной цензуры предполагалось, что «книги и сочинения церковные, к Священному Писанию, вере, либо толкованию Закона Божия и святости относящиеся, подлежат рассмотрению цензуры духовной, находящейся под ведением Святейшего Синода и епархиальных архиереев» (Устав о цензуре. 1804). Цензурные комитеты действовали в Александро-Невской лавре (Санкт-Петербург), Донском монастыре (Москва) и Киево-Печерской лавре.

В 1820–1823 гг. предпринимались попытки создания второго цензурного Устава, который не был утвержден; через год после восстания декабристов Николай I утверждает новый устав, названный его современниками «чугунным» (Вацуро, Гиллельсон, 1986: 352). Наконец, в 1828 году был принят Устав, который (с некоторыми изменениями и поправками) стал основным документом Российской империи², на десятилетия, вплоть до революционных событий 1917 г., стабилизовавшим цензурную деятельность в России.

В целом, исследуя основания деятельности российской цензуры, на наш взгляд, важно обратить внимание на ее особенные смысловые установки – стремление цензоров быть прежде всего вероучительно и нравственно ответственными читателями цензурируемых текстов, впрочем, соблюдающими государственные интересы издательской деятельности в Российской империи.

² См. об этом все цензурные документы XIX в.: Собрание цензурного законодательства до 1917 г. [Электронный ресурс]. URL:

<http://opntextnn.ru/old/censorship/russia/dorev/law/>
(дата обращения: 08.04.2022).

«Быть по сему»: государственные установки 1828 г.

В 1828 году инициатором цензурных преобразований на правительственном уровне стал министр внутренних дел В.С. Ланской. Именно он обратил внимание императора Николая I на несовершенства действующего Устава 1804 г. По указу императора этот устав был полностью пересмотрен комиссией, в состав которой вошли сам Ланской, главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величия канцелярии А.Х. Бенкендорф, князь И.В. Васильчиков, действительный тайный советник граф С.С. Уваров, действительный статский советник Д.В. Дашков (Жирков, 2001: 59). Характерно замечание, сделанное В.Ф. Одоевским, одним из авторов цензурного документа по итогам работы над новым уставом: комитет «не счел возможным ввести в проект устава все те убеждения, к коим он пришел путем зрелого рассмотрения государственного вопроса о цензуре: многое он предоставил будущему развитию начал, им установленных...» (Котович, 1909: 139). Тем самым ответственность за «убеждения», нравственные или вероучительные установки цензурируемых материалов делегировалась цензорам; от их опыта и компетентности немало зависело исполнение государственного дела цензуры.

Каждый цензор, согласно п. 1 Устава 1828 г., «имел обязанностью рассматривать произведения словесности, наук и искусств, назначаемые к изданию в свете внутри государства посредством книгопечатания, гравирования или литографии; а равно и привозимые из-за границы и позволять издание или продажу тех только из оных, кои в целом составе и в частях своих не противных изложенным в следующем § 3 общим

правилам» (Устав о цензуре, 1828). Документом регламентировалось издание книг при условии согласования министром народного просвещения и дозволения Комитета министров; различались цензура внутренняя и цензура иностранных книг. Устав содержал и указание на то, какие книги следует отдать на рассмотрение ведомств Святейшего Синода.

Как отмечает А.Н. Котович, основной целью цензурных установлений 1828 года было «уничтожение возможности трения между учреждениями, преследующими общие цели с несходными, однако, критериями» (Котович, 1909: 485). Однако возможность «трений» не только не была исключена, но стала регулярной, особенно в связи с необходимостью получать одобрение духовной цензуры на выход в печать светских книг, в которых находились фрагменты, имеющие отношение к вере, церковной жизни и к ее обрядам.

А.Н. Котович подчеркивает «любезный тон» и «характер извинения» в обращениях светских цензоров в духовную цензуру. В качестве примера он приводит цитату из письма А.В. Никитенко, который направляет в Петербургский духовно-цензурный комитет «две главы переводного сочинения: “Истина, как предмет человеческого представления”» (Котович, 1909: 485) – речь, судя по всему, шла о труде немецкого профессора психологии И. Х. А. Гейнрота «О истине». А.В. Никитенко отмечал, что «главы эти... хотя и заключают в себе мысли, исполненные христианской назидательности, но в то же время в них содержится частью догматическое, а частью историческое изложение главнейших истин откровения, потому что по 2 прим. § 23 уст³, препровождаются в духовно-цензурный комитет» (Котович, 1909: 485).

³ «§ 23. Рассмотрению внутренней цензуры подлежат все издающиеся, как частными лицами, так и от казенных мест книги, сочинения и проч. <...>. Примечание 2-е. Если в сочинении нравственным встретятся места совершенно духовного содержания, относящиеся или к догматам веры или к Священной

истории; то гражданская цензура передает оные, отдельно от прочего, на уважение духовной цензуры и поступает сообразно ее заключению» (Устав о цензуре, 1828).

В 1839 году от министра народного просвещения графа С.С. Уварова было получено официальное предписание, согласно которому все сочинения «духовного содержания, в какой бы то мере ни было» (Никитенко, 1955: 136) должны получить одобрение духовной цензуры. Поводом к этому предписанию послужило стихотворение М.Ю. Лермонтова «Демон». В марте 1839 года оно было отправлено Н.М. Карамзиным А.В. Никитенко, и тот осуществил, как пишет В.Э. Вацуро, все необходимые цензурные поправки и купюры (Вацуро, 1979: 410-414). Реакцией на предписание Уварова была следующая запись А.В. Никитенко в своем дневнике: «...Что это значит? Закон, изданный самодержавною властью, отменяется обер-прокурором синода? Но такие вещи не в первый раз случаются в нашей администрации. В настоящем случае цензура в большом затруднении. Редкая журнальная статья не должна будет отсылаться в духовную цензуру. Я просил князя Волконского сделать об этом представление министру. Он сделал уже. Мы спрашиваем: "Чему должно следовать: новому распоряжению или высочайше утвержденному тексту устава цензуры"?» (Никитенко, 1955: 136).

Цензурные уставы 1828 года: чему должно следовать? (А.В. Никитенко и Ф.Ф. Сидонский)

Взаимодействие институций светской и духовной цензуры не было ограничено эпизодами, когда светские цензоры запрашивали резолюцию духовных лиц. Зачастую инициатива такого взаимодействия шла от самой духовной цензуры, и в этом случае, как правило, не обходилось без герменевтических лакун.

В этом отношении интересен один из эпизодов вмешательства духовного лица в светское цензурное дело, ставший уже классическим. Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) обратился к главному начальнику III отделения Собственной его Императорского Величия канцелярией А.Х. Бенкендорфу с жалобой на

одну из строк, описывающих Москву в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

«Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах» (Пушкин,

1950: 157).

«Стая галок на крестах», по мнению митрополита, стала оскорблением святыни. Этот эпизод А.В. Никитенко записал в своем дневнике со слов священника и преподавателя Санкт-Петербургской духовной семинарии Ф.Ф. Сидонского. «Цензор, которого призывали к ответу по этому поводу, сказал, что "галки, сколько ему известно, действительно садятся на крестах московских церквей, но что, по его мнению, виноват здесь более всего московский полицеймейстер, допускающий это, а не поэт и цензор"». Бенкендорф отвечал учтиво Филарету, что это дело не стоит того, чтобы в него вмешивалась такая почтенная духовная особа: «еже писах, писах»» (Никитенко, 1955: 140).

Показателен также в отношении взаимодействия светской и духовной цензуры один из эпизодов преподавательской и научной деятельности самого Ф.Ф. Сидонского – автора «Введения в науку философию» (Сидонский, 1833: 398), учебной книги по философии на русском языке для учащихся духовных учебных заведений (Векслер, 2007: 4). Книга вышла в свет в 1833 году, и появлению этого труда вполне соответствовало положение дел: философская мысль в России первой половины XIX в. получила интенсивное и систематическое развитие именно в духовных учебных заведениях. Цензурировал труд Ф.Ф. Сидонского А.В. Никитенко, который год спустя после публикации отметил в своем дневнике: «Священник Сидонский написал дельную философскую книгу "Введение в философию". Монахи за это

отняли у него кафедру философии, которую он занимал в Александро-Невской академии» (Никитенко, 1955: 136). Впрочем, в этом же году за книгу «Введение в философию» Сидонский был награжден полной Демидовской премией Императорской академии наук. Преподавание Сидонского в академии закончилось, но научная деятельность и радение о издании отечественных учебных книг по философии продолжались. Сидонский обращался к Никитенко с просьбами о цензурировании «Опыта системы нравственной философии» (1835 г.) своего сокурсника А.В. Дроздова (Дроздов, 1835: 94) и «Очерка философии по Рейнгольду» (1837 г.) Ф.М. Надежина (Надежин, 1837: 239), о чем свидетельствуют его письма (Полякова, 2009: 48).

Во многом благодаря содействию А.В. Никитенко Ф.Ф. Сидонский вошел в состав философской коллегии Санкт-Петербургского университета. Никитенко составил «Представление совету историко-филологического факультета о присуждении Ф.Ф. Сидонскому звания почетного доктора философии», где, перечисляя заслуги Ф.Ф. Сидонского и его «Введения в философию», Александр Васильевич характеризовал его как мыслителя: «зорко и критически следящий за всеми учениями, но не поддающийся сам никакому увлечению какой-либо школы и авторитета» (Малинов, 2006: 127). Такому мыслителю следовало, по мысли А.В. Никитенко, восходить на кафедру в отсутствие в российских университетах «философии как науки» — приостановки ее систематического преподавания, что становится причиной того, что отрывочные знания и идеи, вырванные из контекста общей истории философии, воспринимаются молодыми людьми как открытия и откровения, как нечто новое, на самом деле таковым не являющееся, что приводит к отсутствию «прямых и просто поставленных начал» и к материалистическим и нигилистическим результатам (Малинов, 2006: 126). Этому некритическому усвоению философского знания успешно мог противостоять Ф.Ф. Сидонский. Речь

Никитенко вызвала одобрение университетских слушателей, и подавляющим большинством голосов Сидонский был признан почетным доктором философии Санкт-Петербургского университета, где он преподавал с 1865 по 1873 гг. (Полякова, 2009: 48).

Имя Ф.Ф. Сидонского затем несколько раз появится на страницах дневника А.В. Никитенко в контексте их общей университетской деятельности, вплоть до записи декабря 1873 г., где сообщается о смерти Фёдора Фёдоровича (Никитенко, 1955: 303).

«Герменевтическое зеркало» В.Ф. Одоевского

Владимир Федорович Одоевский служил секретарем цензурного комитета при Министерстве внутренних дел, принимал участие в разработке цензурного устава 1828 года, а также служил библиотекарем Комитета цензуры иностранной (Паршукова, 2004: 24). В нескольких небольших заметках, написанных в конце 1850-х — начале 1860-х гг. и не опубликованных при его жизни, Одоевским были сформулированы основания цензуры и задачи цензурной практики.

Особая трудность цензуры, как отмечал В.Ф. Одоевский, заключается в том, что «всякий чисто-полицейский закон имеет дело с определенными, осязательными проступками человека, таковы: воровство, контрабанда, нарушение полицейско-медицинских правил и проч. тому подобное. Цензура напротив должна бороться с неопределительностью человеческого языка и с возможностью одному и тому же выражению, даже слову, давать все возможные смыслы» (Одоевский, 1874: 15-16). Предметами цензуры, согласно Одоевскому, выступают «формы языка, фантазия сочинителей и мнение публики» (Одоевский, 1874: 16). Последнее, как некоторая конечная инстанция преломления смысла произведения, часто является решающим: «Все зависит не от того, что автор написал и что цензор пропустил, но от того, как публика поняла написанное» (Одоевский, 1874: 17).

Принимая во внимание «общее настроение литературы в данную эпоху и общественное мнение» (Одоевский, 1874: 17), цензор как будто призван угадать возможное влияние произведения на читателя, что, однако, никогда не удастся в полной мере. Характерный пример: «известный польский поэт Мицкевич, живучи в Москве в приятельском кругу русских литераторов, написал поэму “Валенрод”, поэму самую невинную в цензурном отношении. Действие происходит в Гренаде; есть сцена, где мавры выходят из города и под видом приятни обнимают испанцев, чтобы сообщить им заразу чумы. Во время революции поляки нашли в этой сцене указание их народного поэта на то, как они должны поступать с русскими, т. е. прижимать их к груди, для того чтобы погубить. Спрашивается, какое цензурное чутье могло бы угадать такого рода вредное влияние на публику?» (Одоевский, 1874: 20-21). Подобные явления фиксируются Одоевским через метафору «оптического обмана», неоднократно встречаемую в его различных произведениях и указывающую на утверждаемое им несоответствие выражения и мысли. Так, в «Русских ночах» Одоевский отмечает: «Вас обманывают слова: слова похожи на морскую зрительную трубу, которая колеблется в руках у стоящего на палубе; в этой трубе есть для глаза некоторое ограниченное поле, но на этом поле предметы меняются беспрестанно, смотря по положению глаза; он видит много предметов, но ни одного явственно; к сожалению, слова наши еще хуже этого оптического инструмента – не на что и опереть их! мысли скользят под фокусом слова!» (Одоевский, 1975: 138).

Будучи обеспокоенным чрезвычайной смысловой подвижностью как целых выражений, так и отдельных слов, Одоевский стремится уточнить точку постоянства в самом событии высказывания, он пишет: «Одно условие понимать друг друга: говорить искренно и от полноты душевной» (Одоевский, 1975: 135). Через понятия душевной полноты как интегральной ха-

рактеристики человеческого бытия и искренности как меры усмотрения этой полноты Одоевским особым образом актуализируется этический горизонт события цензуры, осуществляется поворот от предметного плана цензурируемого текста к побуждениям и намерениям его автора. Это вполне созвучно шестому параграфу цензурного устава 1828 года: обращать внимание прежде всего на дух, цель и намерение автора, основанием цензорского суждения о которых непременно является «явный смысл речи» (Указ «О предоставлении...», 1830: 647). «Явным» для Одоевского оказывается первично нравственный, волевой момент текста как некоторого диалогического высказывания, противопоставляемый его предметному содержанию через концепты «внутренней» и «внешней» речи (Одоевский, 1975: 138).

Показательным является эпизод из цензурской практики Одоевского, связанный с романом «Мадам де Парабер – хроники Пале-Рояля». Н.А. Паршукова указывает на то, что «Одоевский в рапорте пересказал роман, где излагались любовные интриги Франции середины XVIII века. Скабрезная история об обольщении девушки, описание оргий регента Филиппа Орлеанского, описания “механических кресел, употребляемых сластолюбцами того времени для насилования невинных девушек” и прочее не оставляли сомнения для комитета, хотя Одоевский и пытался оправдать писателя: “Автор везде говорит о разврате того времени с негодованием, как Сатирик, и что он, очевидно, описывает кощунство и безнравственность того времени лишь для того, чтобы произвести в читателе отвращение, в чем он и успевает”» (Паршукова, 2004: 49). Следуя 76 параграфу цензурного устава 1828 года, посвященному иностранной литературе, Одоевский «более еже нежели» уделяет особое значение целям, намерениям и общему духу автора, определяющим семантические рамки изображаемых сцен (Устав о цензуре, 1828).

В.Ф. Одоевский отмечает, что «речь внутренняя всегда понятна для людей,

находящихся в некоторой степени симпатии» (Одоевский, 1975: 135), в ее буквальном понимании как совместного чувствования. Задачей цензора, таким образом, является сочувствующая, понимающая встреча с автором во внутреннем измерении его речи, требующая искренности со стороны цензора, движения нравственной самоотчетности, предельный горизонт которой задается в ключевом, третьем параграфе устава о цензуре 1828 года (Указ «О предоставлении...», 1830: 647). По убеждению Одоевского, «цензор, который, читая книгу, спросит самого себя по совести: противно ли прочтенное им сочинение одному из сих четырех пунктов: вере, престолу, нравственности или личной чести и по совести же даст себе отрицательный ответ, такой цензор, как равно и сочинитель, правы перед Богом, Царем и Отечеством, что бы потом не говорили в публике о пропущенном сочинении» (Одоевский, 1874: 19-20).

Магистерская диссертация О.М. Новицкого

Выдающимся российским философом и богословом, цензором середины XIX столетия являлся О.М. Новицкий. Его в одном ряду с профессорами философии и священнослужителями Ф.Ф. Сидонским, И.М. Скворцовым, Ф.А. Голубинским, В.Н. Карповым один из современников назвал «корифеем самостоятельной русской философской мысли» (Рождественский, 1876: 290). В 1837 г. Орест Маркович был назначен цензором во вновь организованный Киевский цензурный комитет от университета Св. Владимира и входил в состав этого комитета на протяжении более чем тридцати лет, вплоть до занятия должности председателя комитета.

Лекции О.М. Новицкого вызывали особый интерес у студентов университета: «Лекции, наиболее приближались к идеалу университетского преподавания и вызывали у нас живой интерес», и «лекции Ореста Марковича по психологии, логике и древней философии принесли несомненную пользу нашему умственному развитию»

(Палий, 1994: 241). Студент О.М. Новицкого В. Шульгин писал, что тот «читал от трех до шести часов в неделю. <...> Логiku сначала по системе Круга, потом придерживаясь Боцмана и Тросклера <...>. Моральную философию <...> профессор преподавал, руководствуясь собственным планом...» (Шульгин, 1860: 114-115).

Первым вышедшим из печати трудом О.М. Новицкого стала его магистерская диссертация «О духоборцах, сочинение студента Киевской духовной академии Ореста Новицкого» (Новицкий, 1882: 212). Причиной создания данной работы, предположительно, послужило желание настоятеля Александро-Невской лавры митрополита Евгения (Болховитинова) осветить деятельность секты духоборцев. Свои работы «Исповедания духоборцев» и «Рассмотрение исповедания духоборческой секты» митрополит Евгений (Болховитинов) передал ректору Киевской духовной академии, а тот, в свою очередь, для дальнейшего исследования этой темы – студенту Оресту Марковичу Новицкому. Работа Новицкого была одобрена Синодом и в 1832 году опубликована отдельным изданием, малым тиражом, после чего была вся раскуплена представителями духоборческого движения или, по некоторым другим сведениям, была изъята цензурой из обращения (Иникова, 2014: 136-137). Через пятьдесят лет после запрета книги О.М. Новицкий издал работу в новом виде, признав, что митрополит Евгений, реконструировавший основы духоборческого вероисповедания, «узнав от духоборцев основные пункты их верования, старался и передать их на письме, но развил и разработал их по-своему», видоизменяя и смягчая то, что не совпадало с ортодоксальным христианством или было неудобно для предоставления высшему начальству. Новицкий пришел к заключению, что «источником этим можно пользоваться лишь с крайнею осмотрительностью» (Иникова, 2014: 137), хотя «основные черты изложенного в нем духоборческого верования “довольно верно” отра-

жают учение упомянутого в “Исповедании...” основателя секты Силуана Колесникова» (Новицкий, 1882: 212).

Между тем, уже первое издание труда «О духовборцах» вызывало особый интерес у современников, в том числе у Н.С. Лескова. Диссертацию Новицкого Лесков использовал в качестве одного из источников своей статьи «Учение штундистов (черты епархиальной жизни)» (Лесков, 1875), о чем он сообщает в письме И.С. Аксакову (Лесков, 1957). Позже Н.С. Лесков порекомендует сочинение Новицкого А.Ф. Кони. В 1892 г. в письме Л.Н. Толстому Лесков пишет: «Анатолий Федорович Кони вчера прислал мне письмо, в котором просит совета, что ему прочитать, дабы приготовить себя к рассмотрению “во множестве поступающих дел о штундистах”. Я продумал всю ночь и не мог остановиться ни на одном произведении, которое бы дало обер-прокурору основания судить о штундистах с сохранением к ним жалости и уважения, и из всего, что я знаю, мне наилучшим показалось старое магистерское исследование Ореста Новицкого “О духовборцах”. Там именно есть основания, которые одинаковы у духовборцев, иконоборцев, молокан и штундистов. А разницы, между ними существующие, не делают различия в основах их веры, и потому все сектанты этого духа могут быть защищаемы на одной и той же почве. Книжка же Новицкого хороша тем, что она кратка, ясна и кодифицирована, а церковная злоба в ней уместена в местах очевидных и благопотребных. И потому я указал Кони на эту книжку по преимуществу» (Лесков, 1978: 262). По всей видимости, А.Ф. Кони воспользовался трудом О.М. Новицкого в своей работе (см.: Сажин, 2008).

А.Ф. Кони: цензура и судебная этика

А.Ф. Кони, государственный деятель, юрист философского склада, который был

достаточно тесно связан с печатным делом⁴, оставил довольно яркие суждения о цензуре; среди них – статья «М.Н. Загоскин и цензура» (Кони, 1906). Данная статья была опубликована в 1906 году и представляет собой отрывки из письма М.Н. Загоскина Фёдору Алексеевичу Кони, который в 1848–1856 гг. возглавлял журнал «Пантеон». А.Ф. Кони обращает здесь внимание на то, до каких крайностей иногда доходили цензурные требования; описывает отказ М.Н. Загоскина от предложения Ф.А. Кони участвовать в издании журнала. Цензура, применяемая ранее к его работам, вынудила М.Н. Загоскина «поклониться ничему не печатать в Петербурге» (Кони, 1906: 868).

Впрочем, и сам А.Ф. Кони был подвергнут преследованию цензуры. Впервые внимание цензоров привлекла студенческая работа А.Ф. Кони на соискание степени кандидата права, посвященная праву необходимой обороны, где А.Ф. Кони обосновывал право народа на революцию, если правительство незаконными действиями притесняет народ и игнорирует закон (Кони, 1866). Подозрения цензуры усилились после вынесения оправдательного приговора по делу Веры Засулич судом, в котором председательствовал А.Ф. Кони. Опала и недоброжелательное внимание консервативной печати не переставали преследовать А.Ф. Кони. «Его нелюбимое, свободное от всякой предвзятости отношение к подсудимым и другим участникам судебного процесса не раз вызывало злобные нападки “Московских ведомостей”» (Волк, Муратов, Выдри, 1969: 14). В письме к редактору журнала «Трудовая помощь» А.Ф. Кони отмечал, что «отсутствие гласности – широкой и систематической быстро охлаждает добрые порывы в обществе» (Кони, 2018(а): 106) и приводил в пример распад «Общества посещения бедных в Петербурге», основанного князем

⁴ Отец А.Ф. Кони, Фёдор Алексеевич Кони был редактором журнала «Пантеон». А.Ф. Кони и сам был литератором, получал приглашение стать сотрудни-

ком журнала «Трудовая помощь», хотя был вынужден отказаться; принимал участие в совещании о составлении устава о печати в 1905 г.

В.Ф. Одоевским, после утраты этим сообществом возможности самостоятельно печатать для всеобщего сведения свои отчеты, «не обесцвеченные мертвящей канцелярской регламентацией» (Кони, 2018(a): 106).

А.Ф. Кони принимал непосредственное участие в совещании о составлении устава о печати (временных правил 1905 года). Основные мысли А.Ф. Кони по этому вопросу отражены в материалах «Совещания о составлении устава о печати» (Кони, 1969), опубликованных в 1912 году. А.Ф. Кони высказывается здесь по вопросам цензуры со свойственным ему стремлением охватить мыслимый предмет во всей его полноте⁵. Прежде всего он обращает внимание на требования, предъявляемые к издателям и редакторам-издателям, – выражает недоверие к так называемому концессионному порядку возникновения новых периодических изданий. Суть этого порядка заключалась в том, что издатель и редактор-издатель утверждались министром внутренних дел по сведениям, доставленным и собранным главным управлением по делам печати. К издателям должен был применяться ряд требований, среди которых был, например, образовательный ценз, однако А.Ф. Кони с таким требованием не был согласен. «Образование есть лишь шлифовка и отделка прирожденного ума и таланта, а ум и талант суть лишь оружие, очень важное само по себе, но могущее быть направленным на самые противоположные цели, указанные не только возвышенными, но и самыми низменными побуждениями» (Кони, 1969: 262).

А.Ф. Кони, являясь нравственно ангажированным мыслителем, пытается в любой человеческой деятельности отстаивать необходимость твердых непоколебимых нравственных начал. Он отмечает: «Обра-

зование, и притом по большей части поверхностное, без твердых нравственных начал, особой гарантии добросовестности редактора не представляет» (Кони, 1969: 264). Требование наличия высшего образования сильно ограничивает область, из которой могут выходить издатели и редакторы-издатели. Образовательный ценз теряет свою полезность и необходимость, когда мы вспоминаем о В.Г. Белинском, А.В. Дружинине, М.Ю. Лермонтове, Л.Н. Толстом, которые не смогли бы предоставить формального свидетельства о своем высоком образовательном цензе. Тем не менее, эти люди, в оценке А.Ф. Кони, представляют собой «украшение мировой литературы, составляющее бесспорную гордость и славу России» (Кони, 1969: 266). «Горячее чувство и искание правды, вдумчивое изучение и понимание высших потребностей человеческого духа – вот их образовательный ценз» (Кони, 1969: 269), – заключает А.Ф. Кони.

Концессионная система в случае своего применения к журналистской и издательской деятельности превратила бы принцип выбора редакторов и издателей в подбор безликих фигур, соответствующих исключительно формальным критериям. А.Ф. Кони не исключает концессионную систему вовсе, однако указывает на ее эффективность лишь для отдельных видов профессий, таких как инженер, архитектор, врач, в свою очередь, замечая, что, выдавая диплом представителям данных профессий, государство тем самым как бы ручается, что таковое лицо обладает техническими знаниями для врачевания или производства построек. Но он не допускает проведения аналогии между технической профессией и журнальным делом. При концессионной системе невозможно удостоверить техническую пригодность человека для занятия

⁵ А.Ф. Кони никогда не рассматривал предметы или явления поверхностно, односторонне. Его размышления часто носили ярко выраженный этико-философский характер, характеризовались усиленным вниманием к самому человеку, отдельной личности.

См., напр. (Кони, 2018 (б); Кони, 1967). Особенно ясно и детально эта позиция выражена в рукописи: Кони А.Ф. Этика личного поведения // ИРЛИ РАН арх. Пушкинского дома. Ф 134. Оп. 1. Ед. хр. 233) и др.

издательским промыслом, ибо такого критерия не существует, и техника журналиста не поддается определению.

Одним из предметов обсуждения был возрастной ценз журналистов. Возражение против ценза в 25 лет и требование его повысить до 30 лет А.Ф. Кони не принимает, аргументируя тем, что для судей возрастной ценз составляет 25 лет, и у государства нет объективных оснований предъявлять к журналисту более высокие требования, чем к судье (Кони, 1969: 270). Более того, молодежь отличается увлеченностью и обостренным чувством желания правды и истины, в то время как для старости характерны рутина и равнодушие к неправде.

А.Ф. Кони выражает непонимание и в отношении к чрезмерным карательным постановлениям в религиозной области. «Статьи о богохулении, кощунстве, надругательстве над священными предметами и чувствами и т. п. достаточно ограждают веру. Если же в разрешенном издании найдет себе место голос сомнения в правильности тех мер, которыми церковь оберегает и насаждает веру, или критический разбор ее миссионерской деятельности и отношения к другим исповеданиям, равно славящим единого Бога, или провозглашающим учение Христа, или, наконец, пребывающим в слепоте язычества, прозрение от которой достигается словами мира и любви, а не насилием, – то от этого свет, несомый верою, не померкнет, а освещаемая им истина лишь выиграет» (Кони, 1969: 278).

А.Ф. Кони высказывается о необходимости применения порядка карательной цензуры⁶ с соблюдением точно установленного срока для получения разрешения на выпуск издания из типографии. Он предлагает механизм, согласно которому издатель

книги будет гарантирован от задержания ее без достаточных оснований лишь потому, что цензор будет опасаться подвергнуться упреку за то, что выпустил книгу, которая вызвала против себя преследование. Необходим определенный срок рассмотрения книг цензурными органами, который должен быть достаточным для полноценного изучения. А.Ф. Кони определяет этот срок в семь дней (исключение делается для брошюр, срок рассмотрения которых составляет 4-5 дней) (Кони, 1969: 278). Это представлялось достаточным для того, чтобы изучить предлагаемое для публикации произведение, и в то же время не достаточным для того, чтобы цензор чрезмерно вчитывался в книгу с целью намеренно найти в ней признаки преступления.

А.Ф. Кони считает недопустимым объединять прокурора и цензора в одном лице, ссылаясь на то, что преследование возбуждается сообщениями и донесениями административных мест и лиц. Соответственно, не может одно и то же лицо доносить о книге с запрещенным содержанием и само же возбуждать против нее уголовное преследование. Таким образом, создадутся две независимые друг от друга «ветви власти».

В своих заключениях А.Ф. Кони делает явный упор на процессуально-юридические рамки, которые позволяли бы регулировать процесс цензурного регулирования. Тем не менее, со свойственной ему пронизательностью, он останавливает внимание на этических смыслах цензурной деятельности, полагая недопустимым превращение журналистского и издательского дела в очередную бюрократическую машину⁷.

⁶ Карательная цензура – «вид государственного надзора за печатью в 1865–1917 гг. В отличие от предварительной цензуры, рассматривала книги и журналы по напечатании, но до выхода в свет. За нарушение цензурных правил налагался арест на издание, автор и издатель привлекались к суду». – Ис-

тория государственного управления. Терминологический словарь [Электронный ресурс]. URL.: <https://interpretive.ru/termin/karatelnaja-cenzura.html> (дата обращения 12.04.2022).

⁷ Временные правила были изданы 24 ноября 1905 года. Для всех периодических изданий, выходящих в городах, они отменяли предварительную

Святитель Феофан Затворник: цензурное самоумаление

Свт. Феофан Затворник (Г.В. Говоров) – яркий представитель мистико-аскетической традиции Восточного христианства, своим творчеством привнесший существенный вклад в сокровищницу не только Русской православной церкви, но и всего Вселенского Православия. В целом он положительно относился к органам, осуществляющим духовную цензуру, возлагая на их деятельность большие надежды в области защиты общества от ересей и расколов. В одном из своих писем он без тени сомнения высказывается о необходимости учреждения в России министерств, в ведомстве которых находится цензура: «Государь Император всем сердцем и всею силою заботится о распространении истинного просвещения, и об отвращении вредных учений – учреждает министерство, цензуры, и над цензурами цензуру, а зловерие и зломыслие все прорывается и находит в смельчаках добрых себе проводников» (Тертышников, 1999: 67-68).

Назначенный епископом на Владимирскую кафедру свт. Феофан считает необходимым учредить в своей епархии такой Цензурный комитет, в ведомство которого входило бы назначение катехизаторов и контроль за качеством их поучений: «Для наблюдения за проповедничеством по всей Владимирской епархии преосвященный Феофан учредил еще особый Цензурный комитет при Духовной консистории. <...> Этот Комитет обязан был назначать катехизаторов, рассматривать представляемые ему поучения, высказывать свое мнение об их достоинстве и недостатках, а также о мерах к устранению последних и следить за неопустительным исполнением священниками проповеднических обязанностей» (Тертышников, 1999: 67-68). Деятельность

цензуру и устанавливали явный порядок учреждения. Была отменена предварительная цензура и отменена статья 140 Устава о печати, критике которой также уделял внимание А.Ф. Кони. Отменив общую

Цензурного комитета имела положительные результаты. Как свидетельствует один из священнослужителей, проходивший в означенный период служение во Владимирской епархии: «Циркуляр этот, как заботливый голос верного долга архипастыря, признаться, заставил многих из нас усиленнее взяться за проповедничество» (Тертышников, 1999: 68).

Помимо того, что свт. Феофан по роду своей деятельности для блага общества считал необходимым учреждение органов цензуры, он сам, по обязанностям своего служения Матери-Церкви и Отечеству, осуществлял контроль за вверенными его управлению теми или иными органами цензуры. При этом свт. Феофан, будучи одним из самых плодотворных духовных писателей XIX столетия, и сам неоднократно попадал под жесткий пресс центральных государственных цензурных духовных ведомств. Полагая, что процедура строгого цензурного контроля во многом зависит не только от существующих предписаний и регламентов, но и от индивидуальных особенностей поставленных на эту должность цензоров, свт. Феофан понимал, что вероятность того, что и его собственные произведения могли не допустить к печати, была очень высокой. Тем не менее, несмотря на все существующие препоны, он со смирением и покорностью, во всем полагаясь на волю Божию, настраивал себя на принятие такого рода резолюций: «Немного смутился при мысли о возможности не разрешения печатать ее Св. Синодом. А потом немного смирился, говоря в себе: буди воля Божия. Уж коли положено не разрешать такого рода писаний, то делать нечего: руки по швам и: слушаю-с!» (Феофан Затворник, 2009 (b)).

Процедура цензурирования в культурно-исторической ситуации свт. Феофана была примерно следующей: духовные

и духовную цензуру, «Правила» все же предусматривали контроль со стороны местных властей. Были детально регламентированы вопросы ответственности за различные нарушения правил о печати. См. подробнее: (Шингарева, 2014).

писатели для оценки и рецензирования своих произведений передавали их специально назначенным цензорам; после проработки духовных произведений те, в свою очередь, передавали в специальные комитеты свои отзывы-оценки; на основании уже решения цензурных комитетов принималось решение о допуске того или иного произведения в печать или его запрете. Длительность цензурирования могла быть разной. Иногда оно проходило достаточно быстро, в течение нескольких дней, но могло длиться и до нескольких лет, и в этом случае «ангельского терпения» у авторов цензурируемых текстов не всегда хватало. Тем ценнее высказывания свт. Феофана касательно проверки составленной им Евангельской истории: «Что ж это делается с моею Евангельской историею?! Верно не в добрый час начал, или кончил, или послал в цензуру. Или цензор с глаз съел, – или другая какая подобная притча случилась, – что все стоит и не движется. – И что там спит цензура?! Не шлет. Взял бы палку, и ну дуть всех. Всяко, когда-нибудь да придет конец этому делу. Подождем. Мы ведь не на юру прогресса стоим. В захолустье» (Феофан Затворник, 2009 (с)). Свт. Феофан принадлежал к высшему духовному сословию; несмотря на это и его духовные произведения могли попасть в жернова духовной цензуры, результатом чего мог последовать если не запрет на публикацию вообще, то довольно длительное ожидание.

⁸ «Большинство наших национальных сект, как отошедших в область истории, так и еще продолжающих существовать, возникали в той среде, которая известна у нас под именем “простолюдов” или “черного люда”. Но секта пашковцев в этом отношении представляет как бы исключение. Своими представителями и последователями она имела лиц, принадлежавших к высшему петербургскому обществу» (Терлецкий, 1891: 3).

⁹ «Как нелепо действовала против него наша духовная власть, из рук вон. 5 лет трубит, – а ему ничего. Мне стало сдаваться, не изъявил ли как-либо митрополит согласие на его проповедь, будучи обманут лживыми пашковскими речами о значении воплощенного домостроительства» (Тертышников, 2008: 282).

В письмах свт. Феофана можно ясно видеть и другие парадоксы духовной цензуры. Вот как свт. Феофан реагировал на появление в обществе книг возникшей в то время секты пашковцев: «Отпечатаны книжки с их зловерием, кои распространяются не хуже исаакиевской кафедры. В Москве о. Арсений показывал мне книжонку, под заглавием (кажется): “Христос Спаситель”, – и в ней фразу: “поп не отпустит тебе грехов на исповеди, силы такой у него нет” (мысль, а слова забыл). В середине, может быть, и другое что найдется дурное. Книжка разрешена цензурою. Пашков говорит (или показывает), что имеет письменное разрешение – от Государя и митрополита, с приложением печатей – проповедовать Евангелие. Эта ложь сильно располагает в пользу его» (Феофан Затворник, 2009 (а)). Причины, по которой цензурные комитеты могли пропустить и разрешить издание такого рода книг, в которых явно прослеживается противоречие православной вере, состояли в том, что к этой секте примкнули лица из разряда высшего петербургского общества⁸. Эти люди имели достаточно серьезные связи в обществе и были вполне способны повлиять на цензоров⁹.

Свт. Феофан с болью в сердце воспринимал стремительное движение общества к разгулу и распущенности¹⁰: «С.-Петербург – разгульный, невер и революционер» (Феофан Затворник, Письмо 1320). Причем

¹⁰ Один из современников этого периода писал: «В России это понижение общего уровня должно было отразиться в еще более печальных явлениях, нежели где-либо. Современное русское общество превратилось в умственную пустыню. Серьезное отношение к мысли, искреннее уважение к науке почти исчезли; всякий живой источник вдохновения иссяк. С падением философии логика сделалась излишним бременем; умение связывать свои понятия отошло к области предрассудков. Никогда еще русская литература не стояла так низко; никогда легкомыслие и невежество так беззащитно не выставлялись напоказ. Самые крайние выводы самых односторонних западных мыслителей, обыкновенно даже непонятые и не переваренные, смело выдаются за последнее слово европейского просвещения. Либерализм и социализм, реализм и утопия, самые противоположные и

не только люди светские, но и само церковное общество, а вместе с ним и церковная литература, призванная к тому, чтобы сдерживать растление и распад общества и насаждать своим благовестием Веру и благочестие, также на тот период утрачивала свои функции. Вот как свт. Феофан высказывается о деятельности одного из главных на тот момент духовных журналов Русской Церкви, «Церковного вестника»: «Этот журнал стал распространителем худых мыслей о церкви и делах церковных... Иной в захолустье живя, и не услышал бы никогда иных худостей... а вот теперь ему прислушивается “Церковный вестник” и преподносит всякую дрянью» (Феофан Затворник, 2009, письмо 1142).

В целом, на основании неофициальных высказываний свт. Феофана о духовной цензуре можно сделать вывод, что органы, осуществляющие духовный надзор за публикациями, проводили свою работу не всегда адекватно общественной ситуации, иногда препятствовали и задерживали публикацию вполне достойных произведений, иногда же пропускали в печать произведения, которые вызвали соблазны и расколы.

Выводы

Исследование основополагающих документов и практик цензурной деятельности XIX – начала XX веков позволяет думать, что цензура была сложным явлением русской общественной жизни. В ней давало

о себе знать стремление цензоров быть понимающими читателями цензурируемых текстов и, одновременно с этим, соблюдать государственные интересы издательской деятельности Российской империи. Разнообразие толкований цензуры – ее нравственных и вероучительных оснований, государственной целесообразности и ответственности цензоров, коллегиальной и личной – предполагалось несколькими ее уставами 1804–1828 гг., иными документами, регламентирующими ее деятельность. Это разнообразие типическим образом может быть представлено в порядке ситуативного анализа наследия русских мыслителей, причастных к цензурной деятельности.

Профессор А.В. Никитенко, пятнадцать лет прослуживший в Санкт-Петербургском цензурном комитете, являясь понимающим читателем и ценителем лучших образцов современной ему русской литературы, ставших впоследствии классическими, при этом был весьма осторожным цензором. Его дневниковые записи сохранили эпизоды столкновения с духовной цензурой в процессе его цензорской деятельности. Эти эпизоды были связаны с особенностями цензурного законодательства и многочисленными примечаниями к цензурному уставу 1828 года, а также с активным вмешательством духовной цензуры в светскую. Характерен диалог А.В. Никитенко и Ф.Ф. Сидонского, прошедшего через испытание цензурой. По всей видимости, А.В. Никитенко, подробно описывая в

исключающие друг друга направления, сливаются в невообразимый хаос, в котором можно найти все, кроме знания и мысли. Таково наше положение. Когда читаешь или вспоминаешь о прежних людях, с их широким образованием, с их возвышенными интересами, при гораздо меньшей возможности действовать, больно и обидно становится за настоящее. Западные европейские общества, погрузившись в исключительное изучение частных дел, сохранили по крайней мере одну облагораживающую черту: упадок мысли искупается до некоторой степени значительностью умственного труда, обращенного на исследование фактического материала. У нас, к сожалению, и этого нет. Если западного европейца

можно сравнить с рудокопом, который неумоимо работает в рудниках, приготовляя себе богатства для будущего, то мы, при скудости нашего образования, довольствуемся ожиданием чужих благ, а пока питаемся кое-где подобранными крохами, которые доставляют посредники, слишком часто рассчитывающие на неразборчивость публики. Отсюда внутренний разлад и дикие фантазии, рождающиеся во мраке. Сколько среди нас людей, которые забыли даже, что существует свет Божий, и готовы закидать камнями того, кто дерзает о нем помянуть!» (Чичерин, 1999: 20-21).

своем дневнике отстранение Ф.Ф. Сидонского от преподавательской деятельности в Александро-Невской академии из-за выхода в свет «Введения в науку философии», считал этот эпизод показательным для характеристики духовной цензуры 30-х годов XIX в.

Предметами цензуры для В.Ф. Одоевского выступают формы языка, фантазия сочинителя и мнение публики, причем последнее имеет наибольшее значение в дальнейшей судьбе цензурируемого произведения. Цензор, согласно Одоевскому, призван найти точку смыслового постоянства в рассматриваемом тексте – во избежание его чрезвычайной интерпретативной подвижности; для этого предлагается герменевтическое обращение к этическому горизонту текста как высказывания, уточнение целей и намерений автора цензурируемого произведения, требующее особого внимания к собственным предпосылкам и со стороны цензора.

Находясь до 1850 г. в тесной связи с университетским сообществом, цензурные ведомства назначали на свои должности представителей профессорского состава. К таковым относился О.М. Новицкий, деятельность которого в течение тридцати трех лет была тесно связана с цензурными институтами в Киеве. Предметом цензуры для Новицкого становились противоречия, по его мнению, идеям благочестия и преданности вере и отечеству принципы материализма, от которых, будучи богословом, он стремился оградить своих сограждан.

Проблема цензуры не осталась незамеченной и в трудах российского государственного и общественного деятеля А.Ф. Кони. Размышления А.Ф. Кони по вопросу цензуры носят этико-ориентированный характер, целью их являлось недопущение превращения журналистского и издательского дела в безликую бюрократическую машину. А.Ф. Кони не только писал о цензуре, но и сам был подвержен ее преследованию, например, в связи с написанием диссертации о праве необходимой обороны

в студенческие годы, и позже, в связи с ведением дела В. Засулич. В наиболее системном виде его мысли по вопросу цензуры были изданы в материалах «Совещания о составлении устава о печати».

Святитель Феофан Затворник считал введение духовной цензуры, а равным образом и учреждений, осуществляющих соответствующую деятельность, необходимым, неотложным процессом, способным сохранить российское общество от ложных ценностей, а также зловерия, происходящего от невежества и необразованности. Согласно свт. Феофану, процедура цензурирования в России имела ряд недостатков и недоработок: бывали случаи, когда временной интервал цензурирования выходил за рамки благоразумного ожидания и препятствовал своевременному выходу произведений, нужных российскому обществу; впрочем, духовная цензура могла закрыть глаза на явно еретические произведения и наделить такого рода авторов полномочиями и разрешениями распространять свою ложь публично.

Анализ смысловых структур и типичных ситуаций цензурных практик в России XIX – начала XX вв. далек от завершения. Между тем, как показывает исследование, русская цензура может быть вполне представлена на междисциплинарных гранях, в ситуативной герменевтике ее исторической событийности.

Источники

Высочайше утвержденное мнение Государственного совета... о новом штате Цензурного управления // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXV. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. 762 с.

Кони, А.Ф. О праве необходимой обороны. М.: Университетская типография, 1866. 103 с.

Кони, А.Ф. Задачи «Трудовой помощи» // Кони, А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. СПб.: Эксмо, 2018. С. 105-113. (а)

Кони, А.Ф. Загоскин и цензура // Кони, А.Ф. Очерки и воспоминания (публичные чтения, речи, статьи и заметки). СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. С. 865-869.

Кони, А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Кони, А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. СПб.: Эксмо, 2018. С. 15-35. (b)

Кони, А.Ф. О самоубийстве в законе и в жизни // Кони, А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. / под общ. ред. В.Г. Базанова и др. Т. 4 / сост. и авт. коммент. М.М. Выдря. М.: Юридическая литература, 1967. С. 454-480.

Кони, А.Ф. Совецание о составлении устава о печати // Кони, А.Ф. Собр. соч. в 8 т. / под общ. ред. В.Г. Базанова и др. Т. 7 / подгот. и сост. коммент. А.Д. Алексеев, А.П. Могилянский, Н.Н. Мостовская и др. М.: Юридическая литература, 1969. С. 260-287.

Кони, А.Ф. Этика личного поведения // ИРЛИ РАН арх. Пушкинского дома. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 233. и др.

Никитенко, А.В. Дневник: В 3 т. / подгот. текста, вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1955. 543 с.

Новицкий, О.М. Духоборцы: их история и вероучение. Изд. 2-е, переделанное и доп. Киев: В унив. тип. (И. Завадского), 1882. 282 с.

Об учреждении Духовной Цензуры в Москве при Ставропигиальном Донском монастыре: именной указ, объявленный Синоду Обер-Прокурором князем Хованским от 14 марта 1799 г. № 18888. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXV. 1798-1799 гг. / сост. М.М. Сперанский. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 583-585.

Одоевский, В.Ф. Из бумаг князя В.Ф. Одоевского / публ. А.Н. Кошелева // Русский Архив. 1874. Кн. 2. Вып. 7. Стб. 11-54.

Одоевский В.Ф. Русские ночи / подг. Б.Ф. Егоров, Е.А. Маймин, М.И. Медовой. Л.: Наука, 1975. 317 с.

Регламент или Устав Духовной Коллегии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. VI. 1720-1722 / сост. М.М. Сперанский. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 314-346.

Указ «О предоставлении книг на рассмотрение Совета Его Императорского Величества,

признаваемых цензурою недозволенными и сомнительными» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXIV. 6 ноября 1796-1798 гг. / сост. М.М. Сперанский. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 647.

Указ именной, данный Сенату «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец Цензуры в городах: Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивиловской таможне и об упразднении частных типографий» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXIII. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 933-934.

Устав о цензуре. 1804. 9 июля // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 28. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 439-444. То же: Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--plai/node/13659> (дата обращения: 10.04.2022)

Устав о цензуре. 1828. 22 апреля // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 3. №№ 1677-2584. СПб., 1828. № 1979. То же: Открытый текст. Электронное периодическое издание. Нижегородское отделение Российского общества историков-архивистов [Электронный ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/dorev/law/1828/index.html> (дата обращения: 10.04.2022)

Феофан Затворник. Письмо 1132. Предположение об издании наставлений о молитве и трезвении. Новый волк из партии Редстока – Пашков и меры к пресечению сеемого им лжеучения // Феофан Затворник. Наставления в духовной жизни. Выпуск 12. М.: Отчий дом, 2009.; то же: Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nastavlenija-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (дата обращения: 18.11.2021). (a)

Феофан Затворник. Письмо 1164. О Цензуре Евангельской истории. Опасение о неразрешении к печатанию // Наставления в духовной жизни. Выпуск 12. М.: Отчий дом, 2009.; то же: Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nasta

vlenija-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (дата обращения: 18.11.2021). (b)

Феофан Затворник. Письмо 1166. Еще о цензуре Евангельской истории. Составление жития Св. Велик. Пантелеимона и о других своих трудах. О результатах Киевского собора. Нужда в изъяснении церковных книг // Наставления в духовной жизни. Выпуск 12. М.: Отчий дом, 2009.; то же: Азбука веры [Электронный ресурс]. URL:

https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nastavlenija-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (дата обращения: 18.11.2021). (c)

Феофан Затворник. Собрание писем. Выпуск 8. Письмо 1320. О детях и Софии Слепцовой // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/pisma/8_106#8_1320 (дата обращения: 18.11.2021).

Литература

Вацуρο, В.Э. К цензурной истории «Демона» // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1979. С. 410-414.

Вацуро, В.Э., Гиллельсон, М.И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. Изд. 2-е, доп. М.: Книга, 1986. 385 с.

Векслер, Е.И. Религиозная философия Ф. Ф. Сидонского (опыт реконструкции). Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Благовещенск, 2007. 26 с.

Волк, С., Муратов, А., Выдри, М. Анатолий Фёдорович Кони // Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1969. С. 5-36.

Воробьёв, А.М. Религиозная цензура как явление русской культуры XVIII – первой четверти XIX вв.: дис. ... канд. культурол. наук. Екатеринбург, 2018. 195 с.

Гринченко, Н.А. Профессор в цензурном ведомстве России в первой половине XIX века // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. Том 201. С. 9-19.

Дроздов, А.В. Опыт системы нравственной философии / Соч. магистра Алексея Дроздова. СПб.: Ф. Синодский, 1835. 94 с.

Жирков, Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 367 с.

Иникова, С.А. «Записка, поданная духовными борцами Екатеринославской губернии в 1791

году губернатору Каховскому»: история создания // Вопросы истории. 2014. № 7. С. 136-158.

Котович, А.Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб.: Родник, 1909. 608 с.

Лесков, Н.С. Письмо И. С. Аксакову. 16 ноября 1874 г. // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11 томах. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1957. С. 361–363.

Лесков, Н.С. Письмо Л. Н. Толстому. 4 декабря 1892 г. // Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. Т. 2. Изд. 2-е, дополн. Сост., примеч. С.А. Розановой. М., Художественная литература, 1978. С. 262.

Лесков, Н.С. Учение штундистов: (Черты из епархиальной жизни) // Гражданин. 1875. № 42. С. 1-10.

Малинов, А.В. Неопубликованный текст А.В. Никитенко // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 125-127.

Надежин, Ф.С. Очерк истории философии по Рейнгольду, сделанный Ф. Надежиным. СПб.: тип. Деп. внеш. торг., 1837. 239 с.

Палий, М. Из воспоминаний об университете и преподавателях (30–40 гг. XIX ст.) // С именем Св. Владимира. Киевский университет в документах, материалах и воспоминаниях современников: В 2-х кн. Кн. 1. Киев: Заповедь, 1994. С. 241-250.

Паршукова, Н.А. В. Ф. Одоевский – теоретик и практик печати и цензуры 1830-1840-х гг.: дис. ... канд. филолог. наук. СПб.: СПбГУ, 2004. 237 с.

Патрушева, Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2014. 747 с.

Полякова, И.А. Ф.Ф. Сидонский: право на биографию. СПб.: РХГА, 2009. 221 с.

Пушкин, А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 5. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 7-193.

Рождественский, Н.П. По поводу издания богословских лекций о Сидонского // Христианское чтение. 1876. № 9–10. С. 290-336.

Сажин, А.В. Н. С. Лесков и сектанты: из истории творческих и религиозных связей: дис. ... канд. филологических наук. СПб., 2008. 180 с.

Терлецкий, В.Н. Секта пашковцев. СПб.: Издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1891. 139 с.

Тертышников, Г. Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении. М.: Правило Веры, 1999. 568 с.

Тертышников, Г., архим. Симфония по творениям святителя Феофана Затворника Вышенского. М.: Дар, 2008. 640 с.

Чичерин, Б.Н. Наука и религия. М.: Республика, 1999. 454 с.

Шингарева, М.В. Временные правила о печати 1905-1906 гг. и роль министерства внутренних дел в их реализации // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 68-70

Шульгин, В. История Университета Св. Владимира. СПб.: СПбГУ, 1860. 230 с.

Sources

“A nominal decree given to the Senate ‘On restricting the freedom of printing and importation of foreign books; on the establishment of Censorship in the cities of St. Petersburg, Moscow, Riga, Odessa and at Radzivilovskaya Customs and on the abolition of private printing houses’” (1830), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie 1. T. XXII*. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting. Volume XXII], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, 933-934 (in Russ.).

“Decree ‘On the provision of books for consideration by the Council of His Imperial Majesty, recognized by censorship as illegal and questionable’” (1830), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie 1. T. XXIV. 6 noyabrya 1796–1798 gg.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting. Vol. XXIV. 6 november, 1796–1798], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, 647 (in Russ.).

Koni, A. F. (1866), *O prave neobhodimoj oborony* [On the right of necessary defense], Universitetskaya tipografiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Koni, A. F. (2018a), “Tasks of ‘Labor assistance’”, *Zakon i spravedlivost'. Stat'i i rechi* [Law and Justice. Articles and speeches], Eksmo, St. Petersburg, Russia, 105-113 (in Russ.).

Koni, A. F. (1906), *Zagoskin and censorship, Ocherki i vospominaniya (publichnye chteniya, rechi, stat'i i zametki)* [Essays and memoirs: (public readings, speeches, articles and notes)], Tipografija A. S. Suvorina, St. Petersburg, Russia, 865-869 (in Russ.).

Koni, A. F. (2018b), “Moral principles in criminal proceedings (general features of judicial ethics)”, *Zakon i spravedlivost'. Stat'i i rechi* [Law

and Justice. Articles and speeches], Eksmo, St. Petersburg, Russia, 15-35 (in Russ.).

Kony, A. F. (1967), “On suicide in law and in life”, *Sobraniye sochineniy: V 8 t. T. 4* [Collected works: In 8 vols. Vol. 4], in Bazanov, V. G. et al. [eds.], *Juridicheskaya literatura*, Moscow, Russia, 454-480 (in Russ.).

Koni, A. F. (1969), “Meeting on the drafting of the charter of the press”, *Sobraniye sochineniy: V 8 t. T. 7* [Collected works: In 8 vols. Vol. 7], in Bazanov, V. G. et al. [eds.], *Juridicheskaya literatura*, Moscow, Russia, 260-287 (in Russ.).

Koni, A. F. “Ethics of personal behavior”, *IRLI RAN, arhiv Pushkinskogo doma* [Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Pushkin House Archive], f. 134, op. 1, storage units 233 (in Russ.).

Nikitenko, A. V. (1955), *Dnevnik: V 3 t. T. 1* [Diary: In 3 vol. Vol. 1], in Aisenstock, I. Ya. (ed.), *Goslitizdat*, Moscow, Russia (in Russ.).

Novitsky, O. M. (1882), *Dukhobortsy: ikh istoriya i verouchenie. Izd. 2-e, peredelannoe i dop.* [Dukhobortsy: their history and doctrine. 2-nd edition, revised and additional], Universitetskaya tipografiya (I. Zavadskogo), Kiev, The Russian Empire, (in Russ.).

“On the establishment of Spiritual Censorship in Moscow at the Stauropegial Donskoy Monastery: a nominal decree announced to the Synod by the Chief Prosecutor Prince Khovansky dated March 14, 1799, No. 18888” (1830), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie 1. T. XXV. 1798–1799 gg.* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting. Vol. XXV. 1798–1799], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, 583-585 (in Russ.).

Odoevsky, V. F. (1874), “From the papers of Prince V. F. Odoevsky”, *Russkiy Arkhiv. Kn. 2. Vyp. 7. Stb. 11-54* [Russian Archive. Book 2. Issue 7. Col. 11-54], [Online], available at: https://runivers.ru/upload/iblock/a6b/024%20tom_Russkiy%20arkhiv_1874_vip%205-8.pdf (Accessed 4 November 2021) (in Russ.).

Odoevsky, V. F. (1975), *Russkie nochi* [Russian nights], in Egorov, B. F., Maymin, E. A. and Medovoy, M. I. (eds.), *Nauka*, Leningrad, USSR (in Russ.).

“Regulations or the Statute of the Spiritual College” (1830), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie 1. T. VI. 1720–1722* [The

Complete Collection of laws of the Russian Empire. The first meeting. Vol. VI. 1720–1722], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, 314-346 (in Russ.).

“The most highly approved opinion of the State Council... about the new staff of the Censorship Department” (1850), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie 2. T. XXV* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. Vol. XXV], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, (in Russ.).

“The Statute of Censorship. 1804. July 9th” (1830), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie 1. T. XXVIII* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The first meeting. Vol. XXVIII], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, 439-444 (in Russ.), the same: *Muzey istorii rossijskikh reform imeni P. A. Stolypina* [Museum of the History of Russian Reforms on the estate of P.A. Stolypin] [Online], available at: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13659> (Accessed 10 April 2022) (in Russ.).

“The Statute of Censorship. 1828. April 22nd” (1828), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie 2. T. III. No. 1677–2584. No. 1979* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. Vol. III. No. 1677–2584. No. 1979], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia (in Russ.), the same: *Otkrytyj tekst. Elektronnoe periodicheskoe izdanie. Nizhegorodskoe otделение Rossiyskogo obshchestva istorikov-arkhivistov* [Plaintext. Electronic periodical. Nizhny Novgorod branch of the Russian Society of Historians and Archivists] [Online], available at: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/dorev/law/1828/index.html> (Accessed 10 April 2022) (in Russ.).

Theophan the Recluse (2009a), “Letter 1132. The assumption about the publication of instructions on prayer and sobriety. The new wolf from the Redstock party is Pashkov and measures to stop the false teaching he sows”, *Nastavleniya v dukhovnoy zhizni. Vypusk 12* [Instructions in spiritual life. Issue 12], Otchiy dom, Moscow, Russia, (in Russ.), the same: *Azbuka very* [ABC of faith] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nastavleniya-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (Accessed 18 November 2021) (in Russ.).

Theophan the Recluse (2009b), “Letter 1164. About the Censorship of the Gospel Story. Fear of not being allowed to print”, *Nastavleniya v dukhovnoy zhizni. Vypusk 12* [Instructions in spiritual life. Issue 12], Otchiy dom, Moscow, Russia, (in Russ.), the same: *Azbuka very* [ABC of faith] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nastavleniya-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (Accessed 18 November 2021) (in Russ.).

Theophan the Recluse (2009c), “Letter 1166. More about the censorship of the Gospel story. Compilation of the Life of St. Great. Panteleimon and about his other works. About the results of the Kiev Cathedral. The need to explain church books” *Nastavleniya v dukhovnoy zhizni. Vypusk 12* [Instructions in spiritual life. Issue 12], Otchiy dom, Moscow, Russia, (in Russ.), the same: *Azbuka very* [ABC of faith] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nastavleniya-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (Accessed 18 November 2021) (in Russ.).

Theophan the Recluse, “Collection of letters. Issue 8. Letter 1320. About children and Sofia Sleptsova”, *Azbuka very* [ABC of faith] [Online], https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/pisma/8_106#8_1320 (Accessed 18 November 2021) (in Russ.).

References

Chicherin, B. N. (1999), *Nauka i religiya* [Science and religion], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Drozdov, A. V. (1835), *Opyt sistemy nравstvennoy filosofii: Sochinenie magistra Alekseya Drozdova* [The experience of the system of moral philosophy: Op. magister Alexey Drozdov], F. Synodsky, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Grinchenko, N. A. (2013), “Professor in the censorship department of Russia in the first half of the XIX century”, *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Works of the St. Petersburg State Institute of Culture], 201, 9-19 (in Russ.).

Inikova, S. A. (2014), ““A note submitted by the Dukhobors of Yekaterinoslav province in 1791 to Governor Kakhovsky’: the history of creation”, *Voprosy istorii* [Questions of history], 7, 136-158 (in Russ.).

Kotovich, A. N. (1909), *Dukhovnaja cenzura v Rossii (1799–1855)* [Spiritual censorship in Russia (1799–1855)], Rodnik, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Leskov, N. S. (1957), "Letter to I. S. Aksakov. November 16, 1874", *Sobranie sochineniy: V 11 t. T. 10* [Collected works: In 11 vol. Vol. 10], Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, Moscow, USSR, 361-363 (in Russ.).

Leskov, N. S. (1978), "Letter to L. N. Tolstoy. December 4, 1892", *Tolstoy, L. N. Perepiska s russkimi pisatel'jami. T. 2. Izd. 2-e, dopoln.* [Tolstoy, L. N. Correspondence with Russian writers. Vol. 2. Ed. second, supplement]. Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, 262 (in Russ.).

Leskov, N. S. (1875), "The teaching of the Stundists: (Traits from diocesan life)", *Grazhdanin*, 42, 1-10 (in Russ.).

Malinov, A. V. (2006), "Unpublished text by A. V. Nikitenko", *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 11, 125-127 (in Russ.).

Nadezhdin, F. S. (1837), *Ocherk istorii filosofii po Rejngol'du, sdellannyj F. Nadezhinym* [An essay on the history of philosophy by Reinhold, written by F. Nadezhin], Tipografiya Departamenta vneshney trgovli, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Paliy, M. (1994), "From memories of the university and teachers (30–40 years of the XIX century)", *S imenem Sv. Vladimira. Kievskiy universitet v dokumentakh, materialakh i vospominaniyakh sovremennikov: V 2-h kn. Kn. 1* [With the name of St. Vladimir. Kiev University in documents, materials and memoirs of contemporaries. In 2 books. Book 1], Zapoved', Kiev, Ukraine, 241-250 (in Russ.).

Parshukova, N. A. (2004), "V. F. Odoevsky – theorist and practitioner of the press and censorship of the 1830–1840s", Ph. D. Thesis, Philological Sciences, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Patrusheva, N. G. (2014), "Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century", D. Sc. Thesis, Historical Sciences, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Polyakova, I. A. (2009), *F. F. Sidonskiy: pravo na biografiyu* [F. F. Sidonsky: the right to a biography], RHGA, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Pushkin, A. S. (1950), "Eugene Onegin", *Polnoe sobranie sochineniy: V 10 t. T. 5* [The complete works: In 10 vols. Vol. 5], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow–Leningrad, USSR, 7-193 (in Russ.).

Rozhdestvensky, N. P. (1876), "Concerning the publication of theological lectures by O. Sidonsky", *Khristianskoe chtenie*, 9-10, 290-336 (in Russ.).

Sazhin, A. V. (2008), "N. S. Leskov and sectarians: from the history of creative and religious ties", Ph. D. Thesis, Philological Sciences, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shingareva, M. V. (2014), "Temporary rules on the press of 1905–1906s and the role of the Ministry of Internal Affairs in their implementation", *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 12, 68-70 (in Russ.).

Shulgin, V. (1860), *Istoriya Universiteta Sv. Vladimira* [History of the University of St. Vladimir], SPbGU, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Terletsky, V. N. (1891), *Sekta pashkovcev* [Pashkovtsev Sect], Izdanie knigoprodavca I. L. Tuzova, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Tertyshnikov, G. (1999), *Svyatitel' Feofan Zatvornik i ego uchenie o spasenii* [St. Theophan the Recluse and his doctrine of salvation], Pravilo very, Moscow, Russia (in Russ.).

Tertyshnikov, G., Archim. (2008), *Simfoniya po tvoreniam svyatitelya Feofana Zatvornika Vyshenskogo* [Symphony based on the works of St. Theophan the Recluse of Vyshensky], Dar, Moscow, Russia (in Russ.).

Vatsuro, V. E. (1979), "To the censorship history of the 'Demon'", *M. Yu. Lermontov: issledovaniya i materialy* [M. Yu. Lermontov: Research and materials], Nauka (Leningradskoe otделение), Leningrad, USSR, 410-414 (in Russ.).

Vatsuro, V. E. and Gillelson, M. I. (1986), *Skvoz' "umstvennye plotiny": Ocherki o knigah i presse pushkinskoj pory. Izd. 2-e, dop.* [Through "mental dams": Essays on books and the press of the Pushkin era. 2nd edition, add], Kniga, Moscow, USSR (in Russ.).

Volk, S., Muratov, A. and Vydry, M. (1969), "Anatoly Fedorovich Koni", Koni, A.F. *Sobraniye sochineniy: V 8 t. T. 1.* [Collected works: In 8 vols. Vol. 1], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR, 5-36 (in Russ.).

Vorobyev, A. M. (2018), "Religious censorship as a phenomenon of Russian culture of the 18th – first quarter of the 19th centuries", Ph. D. Thesis, Cultural Sciences, Yekaterinburg, Russia (in Russ.).

Wexler, E. I. (2007), "Religious Philosophy of F. F. Sidonsky (reconstruction experience)", Abstract of Ph. D. dissertation, Philosophical Sciences, Blagoveschensk, Russia (in Russ.).

Zhirkov, G. V. (2001), *Istoriya cenzury v Rossii XIX–XX vv.* [The History of censorship in Russia of the 19th – 20th centuries], Aspect Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Гончаренко Игорь Викторович, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; eigor1@yandex.ru

Коровина Ольга Вячеславовна, заведующий музейным отделом Пушкинской библиотеки-музея, Централизованная библиотечная система г. Белгорода, пр-т Ватутина, д. 4, г. Белгород, 308013, Россия; olga-helga.1987@yandex.ru

Месяц Кирилл Владимирович, магистрант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1252767@bsu.edu.ru

Сергеева Ирина Николаевна, магистрант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; преподаватель колледжа высоких технологий, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия; nany985@mail.ru

Апатенко Диана Валерьевна, магистрант кафедры философии и теологии,

институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; тьютор, МОУ «Майская гимназия Белгородского района Белгородской области», ул. Кирова, 16а, пос. Майский, Белгородский район, Белгородская обл., 308503, Россия; diana.apatenko@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Igor V. Goncharenko, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; eigor1@yandex.ru

Olga V. Korovina, Head of the Museum Department of the Pushkin Library-Museum, Belgorod Centralized Library System, 4 Vatutin Ave., Belgorod 308013, Russia; olga-helga.1987@yandex.ru

Kirill V. Mesyats, Master's Degree Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; 1252767@bsu.edu.ru

Irina N. Sergeeva, Master's Degree Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; Lecturer at the College of High Technologies, Shukhov Belgorod State Technological University, 46 Kostyukova St., Belgorod 308012, Russia; nany985@mail.ru

Diana V. Apatenko, Master's Degree Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; Tutor, Mayskaya Grammar School, 16a Kirov St., Maysky Township, Belgorod district, Belgorod region, 308503, Russia; diana.apatenko@mail.ru

УДК 008.001

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-5

Титов А. Ю.

**Динамический парадокс системы К. С. Станиславского:
закон органического творчества**

Орловский государственный институт культуры, ул. Лескова, д. 15, г. Орёл, 302020,
Россия. vittoal@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи является постановка проблемы динамического парадокса в системе Станиславского на уровне базового понятия в ее научно-описательной формализации. Автор утверждает, что эффект динамического парадокса способствует более глубокому пониманию взаимодействия внутренних и внешних элементов Системы как единого целого в законе органического творчества. В статье приводятся основные положения концепции «органического творчества» К.С. Станиславского в кризисной ситуации системного распада «органического целого». Актуализируется необходимость нового осмысления динамического процесса развития Системы в ее изначальных онтологических установках на внутреннее саморазвитие и самоорганизацию органического творчества.

Ключевые слова: динамическая система; динамический парадокс; система Станиславского; закон органического творчества; открытая система; организмический подход; органическая парадигма

Для цитирования: Титов А. Ю. Динамический парадокс системы К.С. Станиславского: закон органического творчества // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 65-76. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-5

Titov A. Yu.

**The dynamic paradox of the Stanislavsky System:
the law of organic creativity**

Orel State Institute of Culture, 15 Leskov St., Orel 302020, Russia; vittoal@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to formulate the problem of the dynamic paradox in the Stanislavsky system at the level of the basic concept of its scientific and descriptive formalization. The author argues that the effect of the dynamic paradox contributes to a deeper understanding of the interaction of internal and external elements of the System as a whole in the law of organic creativity. The article presents the main provisions of the concept of "organic creativity" by K.S. Stanislavsky in a crisis situation of systemic disintegration of the "organic whole". The necessity of a new understanding of the dynamic process of the System development in its initial ontological attitudes to internal self-development and self-organization of organic creativity is actualized.

Keywords: dynamic system; dynamic paradox; Stanislavsky system; law of organic creativity; open system; organismic approach; organic paradigm

For citation: Titov A.Yu. (2022), “The dynamic paradox of the Stanislavsky System: the law of organic creativity”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 65-76, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-5

Формула системы К.С. Станиславского «закон органического творчества» содержит в себе внутренний парадокс по отношению к исходному постулату русской духовно-интеллектуальной культуры, воплощенной в «законе органического целого». Отечественный «органицизм» пронизан идеей возвращения к началам и первопричинам целого: мир как целое (Страхов, 2019), мир как органическое целое (Лосский, 1917), мир как открытая неповторимая и незавершимая целостность (Бахтин, 1997). Утверждая закон нерасторжимого целого единства мира искусства и мира природы, постулируя его вневременную незыблемость тезисом «Процессы актерского творчества остаются в своих природных естественных основах теми же для новых поколений, какими были для старых...» (Станиславский, 1990: 111), Станиславский закладывал фундаментальные основы своей системы. Чем обрекал себя, свою «систему» и тех, кто ей следует, на постоянное творческое движение поиска в обязательных условиях фазовых переходов кризисных состояний динамического развития. Понятие «динамический парадокс» в системно-динамической ситуации онтологических и парадигмальных сдвигов исполняет обязательную регулятивную функцию возвращения к тем началам, которые послужили органическим основанием системы. Разрешение парадокса запускает самовоспроизводящееся движение закона органического целого.

Театральное искусство изначально базируется на природе раздвоенности, двойственности – искусстве драматического конфликта – внутреннего и внешнего. Апологетика театра К.С. Станиславским строится онтологически, он не оправдывает лицедейство этическими нормами,

но изгоняет его из «храма искусства». Динамический парадокс Системы Станиславского заключается в том, что органическое целое искусства театра преодолевает искусственную двойственность театра возвращением к изначальной целостности актера как человека в театральном бытии, которого нет, но которое должно становиться. В идеальном смысле Система Станиславского представляет собой антропологическую практику индивидуального самопреодоления иллюзорной (виртуальной) реальности искусства в онтологическую действительность органического целого.

Понятие «парадокс» самым непосредственным образом связано и с театральной практикой, и с ее теоретическими рефлексиями, но не является базовым по отношению к осмыслению вопроса «органической целостности» системы Станиславского. Психологическая интерпретация знаменитого «парадокса об актере» о культурно-историческом соотношении «рационального и чувственного», сделанная Л.С. Выготским в статье 1932 года «К вопросу о психологии творчества актера» (Выготский, 1984), лишь по касательной затрагивает вопрос динамического развития, переводя его в линейно-хронологический детерминизм социально-исторических изменений, поскольку современная периодизация на «раннего» и «позднего» Станиславского привела необратимому разделению целого на этапы «органического переживания», сведенного к «аффективной памяти», и «органического действия», приведенного к знаменателю психофизического целеполагания.

В настоящей статье утверждается, что концепт «динамический парадокс» становится базовым для описания и объяснения кризисных состояний целостной системы,

возникающих в моментах «парадигмальных смен» или «онтологических сдвигов». Динамический парадокс проявляет себя в переносе доминантных установок, диктуемых «потребными предпочтениями» времени на данный конкретный момент, но не перекрывающих других движущих центров системы. Тем более тех, что были значимы в самом основании системы – в ее истоках и началах, к которым динамический парадокс и стремиться в своем разрешении. В данном случае можно привести расширенное толкование известной формулы С.М. Эйзенштейна «искусство есть впадение в регресс» (Иванов, 1992), – искусство движется вперед, постоянно возвращаясь к своим началам, как архетипическим, так и онтологическим.

То есть, динамический парадокс возникает в точке бифуркации «сдвига в обратимость» (по принципу органики обратной перспективы) целостных доминант на локальные структуры парадигмы бессознательного (архетипического) и парадигмы антропологических практик, действующих в режиме онтологической инобытийности (допустим, духовно-религиозной пакибытийности). Следует заметить, что в точке динамического сдвига осуществляется (или проявляется) та «единая топографическая картина мира», как театральное выражение «представительствованности бытия» (театр мира), о котором писал М.М. Бахтин (Бахтин, 1986: 516). В точке режима обострения (драматического напряжения) условная декоративность представлений нашего сознания о бытии преобразуется в органическое целое «надбытия», в котором «уже нет ни грана бытия, но все бытие существует в нем и для него» (Бахтин, 1986: 521). Если человек (в нашем случае «человек-артист») осознанно-волево, а следовательно, энергично (в категории «действие») ставит себя в этот фокусный момент «выбора-перехода», то мы можем говорить об органическом целом его творческого преобразования. Системно-динамическое целое в структурах «бытие – надбытие – инобытие» в целост-

ном «переживании» по системе Станиславского интегрируются в антропологическом алгоритме «от сознательного к бессознательному – и сверхсознательному».

Категориально-терминологическая невыразимость органического целого. Так называемое «наследие» выдающихся деятелей культуры принято делить на «раннее» и «позднее», предполагая, что «возрастная» периодизация предоставит нам больше возможностей для понимания их биографического развития. В таком случае правы режиссеры-практики, утверждающие, что система Станиславского была нужна только Станиславскому. А «раннее» наследие несовершенно по отношению к истинному «позднему» ввиду его возрастной и мировоззренческой незрелости. Как правило, личностно-ориентированный подход дает то многообразие интерпретаций, в которых превалирует субъективно избирательное и тенденциозное толкование своего личностно-ситуативного видения и понимания. В преодоление таких линейно-последовательных интерпретации требуется герменевтический подход к толкованию содержательно-семантического объема терминов системы Станиславского.

О «биографической» судьбе теоретического наследия К.С. Станиславского, близкого к жанру «романа воспитания», хорошо написала театральный критик и театровед Т.В. Бутрова: «Станиславский учебника по актерскому мастерству не создавал. Он писал мемуары, придумывал беллетризованную форму изложения своих взглядов на природу творчества актеров, где в виде непосредственных диалогов учителя с учениками подробно разбирал типичные трудности, с которыми сталкивается каждый, выходящий на сцену. Сетовал на ненаучность применяемых им терминов, идущих от практики, от желания сделать свои выводы как можно более доступными и доходчивыми не только на интеллектуальном уровне, а в большей мере на уровне импульсивно-чувственном, столь характерном для психологии актера, стремящегося примерить и обжить приглянувшийся “наряд”. За

этими текстами встает, прежде всего, живой и красивый человек, беспокойный и пытливый ум которого не позволял закоснеть и остановиться. Живой. Сомневающийся, мучающийся. Но не мученик – счастливый творчеством человек» (Бутрова, 1997: 123).

В приведенной пространной цитате заключен, на наш взгляд, главный парадокс системы Станиславского – парадокс «органического творчества» в невозможной, но необходимой и обязательной формализации и систематизации его законов. То есть, слово «закон» есть, но описать его можно только в «терминах» весьма приблизительных и метафорически отдаленных, не терпящих буквальностей в толковании. Но мыслить системно – значит мыслить категориально в терминах системы, что невозможно ввиду отсутствия категориальной строгости и определенности. Следовательно, чтобы существовать в «законе творчества»? требуется, прежде всего, мыслить творчески, что звучит весьма тавтологично и более чем неопределенно, поскольку мыслят «в понятиях». И почему слово «творчество» употребляется в связке со словом «органическое», по всей вероятности, указывая на наличие «неорганического» творчества. В конфликте вопрошания о неразрешимости противоречий всегда неожиданно возникает динамический парадокс ответной участности, – конфликт разрешается в непосредственном действии, а не в дискурсах об актах действия.

Как правило, научно-рациональное описание творческого процесса приводит к формальным противоречиям нескольких логически доказуемых, но взаимоисключающих друг друга позиций, – здесь нет противоречия, но есть драматический конфликт. Возникновение парадокса связано с динамикой неравновесных систем, все время стремящихся к творческому разрешению конфликта в движении смысла к некой единой целостности. Динамический парадокс, в отличие от амбивалентных усилий двух разнонаправленных сил, одновременно

и однонаправленно стремится к сохранению стационарной устойчивости органической системы и ее неравновесного усложнения с переходом на новый виток развития. Так театральнo-драматургическое действие и контрдействие не сталкиваются в своей неразрешимости, но устремляются в перспективе рождения художественного целого.

Формула К.С. Станиславского «закон органического творчества», где каждый термин по отдельности, рационально описанный, вызывает массу противоречий, в единой совокупности передает то внутреннее содержательное целое, которое не поддается описанию. Но «система» должна быть упорядочена формой как способом организации, система – это форма. Внешняя форма создает систему границ внутреннего содержательного многообразия и пределов внешней функциональной демонстрации (среда). Следовательно, «закон творчества» требует нарушения границ и перехода пределов, – таков динамический парадокс Системы: абсолютная обязательная формализация и категоризация законов творчества предполагает относительную необязательность их выполнения, соблюдая «закон» свободы творчества. Так «гениальное безумие» Станиславского подчас входило в «аффективную» стадию полного отрицания «законов, им над собою признанных», парадоксальным образом проживая и переживая онтологическую ответственность личного перед Абсолютом целого в нравственном законе творчества.

«Рабочая» терминология системы Станиславского как практический инструментальный поиск творческой методологии актерского искусства тем и отличается от любой другой технологии актерского мастерства, что переходит со временем в статус научно-теоретического употребления, то есть выходит за рамки узкой эмпирической специализации, но с необходимым условием поправки на динамический парадокс. И потому теоретический базис системы Станиславского уже более чем столетие во всем мире рассматривается не

только в историческом и практическом аспектах ее применения, но единодушно принята как единая «базовая модель» – Метод – актерского творчества.

Сам К.С. Станиславский неопределенно характеризовал ее «так называемой системой» и категорически предупреждал об опасности «сковать и задушить свободное творчество» «научными мудрствованиями» (Станиславский, 1986). Эти формулы, часто приводимые теоретиками и практиками театра, вырванные из контекста записей «позднего» Станиславского, призваны указывать на многочисленные противоречия и бессистемные несообразности и несоответствия в его трудах. И на то есть множество причин, но прежде всего, бережное и трепетное отношение Константина Сергеевича к той рационально необъяснимой тайне «свободного творчества», которая зиждется «на бессознательном творческом чувстве, инстинкте артиста» (Станиславский, 1955: 80), которым Станиславский категорически отказывался давать точные терминологические определения.

С точки зрения постулирования классической эстетики, рассматривающей системный подход как «целостное концептуально-смысловое и стилистическое единство», система Станиславского, действительно, выглядит достаточно условной и неорганизованной. Но как некое органическое целое – субъектно – Система Станиславского обладает всеми общесистемными закономерностями, и в первую очередь, интегративными качествами аксиологических (ценностных) внутренних связей, берущих свое начало в духовно-нравственной онтологии русской культуры. Без этого онтологического выбора «система» деградирует в сумму «технических упражнений», то есть в прикладное ремесло актера как «технически завершенной личности».

Более чем вековая апробация Системы как метода практической деятельности позволяет характеризовать ее качества в современной терминологии системных наук. Поскольку ее целостность не определяется суммой ее частей, или точнее –

сумма свойств ее составляющих не совпадает со свойствами ее целого, то понимание ее закономерностей, по принципу дополнительности, углубляется смыслами значений таких терминов, определяющих свойства системного эффекта, как холистичность, синергичность, эмерджентность (не в плане научно-рациональной систематизации, но в акте энергийных начал, в динамике становления и расцвета).

Что касается субъективного критического отношения создателя к своему детищу, то оно вызвано высоким уровнем требований эвристического начала – вечного поиска и сомнения, диалогического несогласия с самим собой. Этот субъективный фактор личностно-ориентированной «системы Станиславского» задает колоссальный потенциал для реализации личностных возможностей, «внутреннего строительства» индивидуального творческого метода саморазвития и самовоспитания – метода индивидуальной антропологической практики, называемого в русской духовной традиции «работа над собой».

Таким образом мы приходим к исходной посылке нашей статьи об условно принятом разделении «органического целого» системы Станиславского на «ранний» и «поздний» периоды (Черкасский, 2016). В динамическом подходе к системному анализу некое внутреннее «органическое целое» рассматривается в процессе активного развития, ход которого определяется начальным состоянием. То есть, в его генезисе и заключается исходная сила тех закономерных внутрисистемных изменений, которая поддерживает себя изнутри, порождая новые качественные состояния системного состава (подсистемы) или структуры (уровни подсистем), что и определяет органический характер внутренней динамики системы как саморазвивающейся, самоуправляемой и самоорганизующейся внутренней регуляции с обратными связями (открытая система).

«Органическая» – значит, живая – система (отличная от неорганической) обяза-

тельно включает в себя сложное многоуровневое строение с иерархически организованными уровнями подсистемного и сверхсистемного порядков в период своего расцвета (стабилизации). Усложнение системы вызвано изначально интенсивной динамикой ее внутреннего потенциала, что является источником саморазвития в непрерывном разрешении формализуемых противоречий динамического парадокса. Закономерные процессы усложнения во времени неизбежно приводят систему к состоянию диссипации (рассеивания) и деградации (упадок и распад) (Рыжов, 2010: 15-17). Циклическая дифференциация (и соответствующая типологизация) процесса развития системы подразделяется на условные этапы: 1) интенсивного роста (становление), 2) экстенсивного периода расцвета-стабилизации, 3) упадка, 4) распада и 5) коллапса. Фазовые переходы рассматриваются в динамике взаимодействия исходного момента зарождения с последующими периодами нового циклического витка («спираль») (Титов, 2005). Комбинация системных характеристик фазовых скачкообразных превращений первичных (исходных) внутри-энергетических параметров создают закономерный динамический парадокс, в рамках которого, в результате активного взаимодействия, изначально не тождественные по своим исходным признакам элементы системы в критической точке перехода могут стать таковыми (как и наоборот). Это особенно касается такого дискуссионного вопроса в периодизации «раннего» и «позднего» Станиславского как соотношения категорий «аффективная память» («эмоциональная память») и «действие» (Черкасский, 2016). Данное противоречие разрешается в понятии «акта переживания» как онтологической категории «оживления роли»: одухотворения и претворения, преобразования и преображения, ибо, по Станиславскому, в действии «передается душа роли и переживания артиста, и внутренний мир пьесы» (Станиславский, 1993: 64).

Итак, эвристическая постановка и творческое разрешение динамического парадокса осуществляется в изначальном внутренне-энергетическом источнике системы. Для К.С. Станиславского таковым источником была прежде всего личность человека-артиста, поскольку вся система Станиславского исходит из онтологического обращения к профессии актера как виду художественного творчества (актер-художник). Первоначальная сверхзадача преодоления «лицедейского двойничества» вырабатывала следующий алгоритм органичности творчества: идти в работе над ролью от себя, стать другим, оставаясь самим собой – «аз есмь». Потенциал органичности творческого состояния пробуждался в естественной природе в соответствии со сверхзадачами, теснейшим образом связанной с «органической потребностью души в высоких эмоциях» (духовных переживаниях) (Станиславский, 1998: 386).

Несмотря на все многообразие культурно-исторических форм и традиций, как этнокультурных, так и национальных, в своем динамическом развитии «театральные системы» обусловлены некими структурными инвариантами, исторически неизменными, которые активно-деятельностно, «энергетично» участвуют в динамической организации эффекта целостности, органически превосходящего сумму своих частей. Все древневосточные трактаты о театре в терминах своих онтологий говорят об одном, поскольку целью всякой системы является стремление к тому целому, не подлежащему разделению на составные части, что и позволяет качественно характеризовать его «органическим». Органическая целостность театральных систем интегрируется конститутивным, то есть основополагающим, пониманием трехсоставной целостности человека: дух – душа – тело. Следовательно, динамика этих «элементов» в «системе» должна превосходить их «сумму», чтобы войти в «закон органической целостности».

Динамика становления и расцвета «системы» обусловлена не специализированными факторами сценического ремесла, но «антропологическими путями» и педагогическими стратегиями воспитания и развития человека, получившими широкое обозначение в понятии «Метод». «Метод» означает «ключ» к Системе; выстраивание индивидуальной стратегии саморазвития и самоорганизации характеризуется как индивидуальный метод творческого развития.

Антропологический образ «живой личности» в динамике системного опыта: «органическая парадигма». Органические формулы общесистемных закономерностей системы Станиславского мучительно вырабатывались¹ практикой и живым опытом личностной мотивации «вечного стремления к совершенству» (Станиславский, 1990: 89). Первые личные записи К.С. Алексеева (Станиславского) от 1902 года, свидетельствующие о глобальности замысла единого творческого метода «самообразования и самосовершенствования», говорят о приверженности просветительской и античной парадигме антропологической практики становления личности (Титов, 2005). Отметим особо это существенное методологическое различие: паттерны «становления» и «самосовершенствования» вырабатываются в специализированной парадигме «успешности технической личности» (личности артиста); образ действия «работа над собой» носит онтологический характер духовного содержания (личность человека).

Динамика периода становления. В период 1907–1911 гг. лабораторной разработки антропологической практики сценического искусства методом проб и ошибок

Станиславский получил негативное именование «великого экспериментатора» и «великого путаника» (Станиславский, 1955). Все опытные упражнения, предлагаемые им, принимали у «художественников» неприятие и отторжение с «профессиональной» точки зрения (перефразируем императив Станиславского «таланту моя система не нужна» на контекстуальный момент – «актеру система не нужна»). Относительный перелом произошел в 1911 году, когда в репетиционном процессе утвердилось понятие «психотехника» как обозначение практического метода работы над аппаратом воплощения, первично систематизированного знаменитыми «тремя китами»: внимание, воображение, аффективная память (эмоциональная память). На этом специализированном этапе становления «система» активно приспосабливалась к исходным программным установкам МХТ на борьбу с ремесленными штампами театра.

Динамика периода расцвета. С 1912 года в опыте работы Первой студии МХТ под руководством Л.А. Сулержицкого «система Станиславского» получает онтологический статус педагогического метода творческого развития и воспитания. Особая роль в этом отводится Е.Б. Вахтангову, которому удалось выработать практические принципы «студийной театральной педагогики». Органическое слияние этих двух автономных направлений («подсистем») осуществляется в «творческой педагогике» рабочего опыта Станиславского в первой Оперной студии Большого театра 1918–1922 гг. Общежительные принципы студийности на этом этапе рассматриваются в примыкании к онтологии православ-

¹ Первичный замысел управления творческим процессом Станиславским был сформулирован прагматично в названии «Руководство по драматическому искусству». Этот проект сохранился в неопубликованной рукописи 1906 года, хранящейся в Музее Художественного театра, и свидетельствует о первичной рефлексии и систематизации накопленного эмпирического опыта. Но ровно через год первые публикации в журнале «Русский артист» утверждают уже другую парадигму антропологической

практики – не «становления» и «совершенствования», но личностной ответственности человека за дар таланта, который требуется развивать. Дар творческих способностей и природных задатков человека, которые должны переходить в устойчивое качество характера, должны стать второй натурой в непрестанной «работе над собой». См. об этом подробнее: (Титов, 2013).

ной соборности как особой формы коллективного житнетворчества, вбирающей в себя «многообразие индивидуальных волей».

Изначальное требование онтологического обоснования театрального искусства было связано с тем известным кризисом Станиславского 1906 года, который ознаменовался эпохальной репликой из юбилейного выступления, посвященного 10-летию основания Московского Художественного Театра: «В театре – я ненавижу – театр» (Станиславский, 1986: 414). В 1908 году в «Записных книжках» формулируется онтологическая парадигма русского театра «Театр-храм. Артист-жрец», берущая свое начало от заповедей М.С. Щепкина «Священнодействуй или убирайся вон». Не корректно в этом соотношении «театр – храм» отождествление данных понятий; Станиславский пишет ясно и отчетливо: «Искусство и театр *должны возвыситься* [курсив мой. – А.Т.] до храма, так как религия и чистое искусство очищают душу человечества...» (Станиславский, 1998: 556). Речь идет не об «обожевлении» театра, и тем более артиста, а о катарсическом уподоблении искусства религиозному «участно-переживательному» примыканию к русской онтологической традиции. Станиславский не обожествлял театр, он стремился к его преображению в понимании личностного начала как «жизни человеческого духа».

Система Станиславского создавала общую «художественную» онтологию театра, целью которого является этическое и эстетическое преобразование себя («искусство в себе»). Мистериальные инициации (теургические) духовно-мистического преображения служили метафорическими и символическими маркерами высокого призвания театра, но глубочайшая интуиция Мастера Театра, действительно, внутренне возносила его к мета-театральным высотам духовного постижения сакральных основ театрального генезиса.

Специализированная психотехника актерского мастерства органически входит

в общий состав «системы» как «подсистема», с потенциальной претензией на практику личностного развития (работа над собой), но, разумеется, при условии свободного выбора онтологического обоснования. Трехчленные и трехсоставные структурные образования «системы» непосредственным образом связаны с тринитарным составом человеческой личности: «дух – душа – тело». Отсюда устойчивые трех-шаговые алгоритмы «подсистема – система – метасистема»: «задача – сверхзадача – сверхсверхзадача; от сознательного к бессознательному и сверхсознательному».

В контексте культурно-исторического подхода психолог Л.С. Выготский в одной из своих последних статей «К вопросу о психологии творчества актера» совершенно справедливо – для своего времени – замечает, что Станиславский вскрыл фундаментальные основания исторического развития человеческой природы в ее многообразии форм сценического выражения. Каждая система актерской игры подлежит своему конкретно-психологическому и исторически изменчивому объяснению, поскольку природа чувств и переживаний актера, по утверждению психолога, – «имеют объективный смысл и значение, служащее переходной ступенью от психологии к идеологии» (Выготский, 1984: 328). На первый взгляд кажется, что Выготский в научных терминах сформулировал гамлетовское требование к актерской игре «являть всякому веку его подобие и отпечаток», но психолог объективировал и подчинил личные переживания человека «стадиям общественной жизни». Этот тезис идеологической объективации переживаний «личной душевной жизни», высказанный Выготским в 1932 году, стал программой авторитарной детерминации личности на последующие периоды формирования «человека специализированного» («идеологического»).

По общему мнению, «поздний» период деятельности К.С. Станиславского считается высшей точкой расцвета, но в ди-

намике мировой театральной культуры возникновение письменных «трактатов» о театре свидетельствует кризисную утрату живой традиции. В период «последней» Оперно-драматической студии 1935 г. в силу вступает фаза деградации и распада динамического развития, который мы, следуя за интуицией С.М. Эйзенштейна, можем поименовать как «иезуитский». В итоговом труде «Работа актера над собой» (1936-1938) Эйзенштейн далеко не случайно усмотрел структурный изоморфизм психотехник Станиславского и «духовных экзерциций» Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов. Прежние «спиритуалистические обертона» в терминологии Станиславского, обилие которых подметил Эйзенштейн, таких как «сверхзадача», «озарение», «лучеиспускание», «разбивка на куски», «метафоризация реальных впечатлений», «синхронизация чувств» и др., в новом прочтении получали жестко заданное внешнее целеполагание (телеологическое) (Эйзенштейн, 2000). В «системе» развития «свободного творчества» произошел онтологический сдвиг на подчинение «ордену». Когда на Первом съезде советских режиссеров в 1939 году решался вопрос о наследии Станиславского, все пришли к единодушному мнению, что личностно-ориентированный педагогический метод воспитания «правдоподобия чувств в предлагаемых обстоятельствах» может быть успешно и эффективно задействован в деле авторитарного формирования личности, подчиненной «генеральной линии партии» (Режиссер в советском театре, 1940: 382). К чести гения К.С. Станиславского нужно сказать, что сам он личностно сохранил в себе свободную целостность изначальных духовно-нравственных императивов, но время конституировало иную личность, социально и физически детерминированную.

Внешнее воздействие на систему с прямо противоположными параметрами внешней (социальной) среды изменяет не свойства системы, а удельную полноту изначальной внутренней энергии свободного творчества. В результате этого воздействия

происходит «замирание» до полного следующего витка спирали процесса развития системы.

Динамический парадокс системной деградации проявляется в том, что начальная высокоорганизованная заданность системы Станиславского (онтологическая) на освобождение от специализированной доминанты (ремесленных штампов) оборачивается своей функциональной противоположностью и полной непредсказуемостью антропологической трансгрессии в архетипическое бессознательное, как, например, в случае с Ежи Гротовским и «театральной антропологией» Эудженио Барбы (Барба, 2010).

Открытые системы в организмическом подходе. Особый динамический тип представляет собой состояние коллапса, при котором равновесное состояние системы (самовыживание и возможное самовозрождение) обеспечивается внутренним и внешним балансом «безучастности», то есть параллельным существованием ее внутреннего «органона» и внешнего использования диссипативных (рассеивающихся) структур (подсистем). Диссипация внутренней энергии системы не поддается самоорганизации, но эффективно упорядочивается внешним (авторитарным) воздействием.

Динамический парадокс театрального искусства принципиально представляет собой искусственную открытую для внешнего наблюдателя (зрителя) Систему. И чем меньше проявлен потенциал внутренней энергии (органической) при коллапсе системы, тем больше проявляет себя внешняя сторона открытой условной театральности («театральная антропология») (Барба, 2010). В случае участного присутствия наблюдателя действие системы непредсказуемо и чревато спонтанным выходом внутренней энергии, что вполне осознанно использует «шоковая режиссура зала», или, в психологической терминологии, – провокативная ситуация креативного разрушения.

Концепция организмического подхода, в контексте которой австрийским

биологом Л. фон Берталанфи было введено понятие «открытая система», объясняет механизмы подвижного равновесия системы при взаимодействии с внешней средой (Берталанфи, 1969). Театральная система как открытая подвижная система поддерживает и регулирует свой баланс за счет непрерывного обмена энергии со зрительным залом. В таком случае она попадает в неустойчивую зависимость от внешнего целеполагания – зрительского спроса и социального заказа, увеличивая коллапс своей внутренней энергии. Как правило, эмерджентные свойства открытой, принципиально неравновесной системы, такие как непредсказуемость и неопределенность поведения (импровизационность), нестационарность и неустойчивость, оказываются жестко детерминированы побочными стимулами, к творчеству и искусству не имеющими отношения (например, сдвиг социальной доминанты в сторону коммерческого успеха).

В такой неустойчивой ситуации диссипативной динамики открытой системы вводятся дополнительные технологические элементы «неживых» (неорганических), искусственно моделируемых и управляемых подсистем, поддерживающих уровень сложности системы. Состояния таких неравновесных самоорганизующихся систем принципиально не поддаются формализованному описанию. Чем принципиально различаются русская «органическая парадигма» и «организмический подход» при общем условии, что органическое целое системы не верифицируется агрегатными состояниями иерархически организованных подсистем, – тем, что «организмический подход» предполагает корректировку процесса извне управляющим процессом, воздействие технологического моделирования вторичной искусственной системы, в то время как «органическая парадигма» требует усилий онтологического возрождения органического целого в живой картине мира (Коптелова, 2018).

Генезис динамического развития системы Станиславского требуется рассматривать в традиции изначальной реальности отечественной антропологической парадигмы творческого познания мира в единстве человеческих способностей (сил) рассудка, разума, воображения и переживания, действующих в целостной совокупности законов «живого мира». Динамический парадокс возникает на границах онтологической формализации незыблемых и завершенных описательных догматов целостной картины мироздания и динамического развития «жизни человеческого духа» в индивидуальном творческом переживании.

«Закон органического творчества», на котором зиждется рождение системы Станиславского, формируется и формализуется в целостном «антропологическом органоне» русской духовно-интеллектуальной мысли. Данный термин лишь отчасти соотносится с концепцией синергийной антропологии (Хоружий, 2005), поскольку является «органическим синтезом» антропологической педагогики, философской, религиозной и художественной практики второй половины XIX – первых десятилетий XX столетий, то есть в той органической традиции целого, в которой происходят фазовые переходы зарождения, рождения и роста, становления, расцвета и стабилизации, угасания и распада и нового возрождения циклических витков развития Системы как единого органического целого.

Дальнейшее развитие представленной работы предполагает исследование возможностей применения основных положений концепции «антропологического органона» и «органической парадигмы» к феноменологии и герменевтике духовного содержания терминологии системы Станиславского («герменевтика духовного тезауруса»).

Литература

Барба, Э., Савареze, Н. Словарь театральной антропологии: тайное искусство исполнения. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2010. 318 с.

Бахтин, М.М. К философским основам гуманитарных наук // Собр. соч. в 7 томах. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. М.: Русские словари, 1997. С. 7-10.

Бахтин, М.М. Заметки // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 509-531.

Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вступ. статья В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

Бутрова, Т.В. Станиславский в Америке // Диалог культур: Проблемы взаимодействия русского и мирового театра XX века: Сб. ст. / Гос. ин-т искусствознания; редкол.: А.В. Бартошевич и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 120–132.

Выготский, Л.С. К вопросу о психологии творчества актера // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 6. Научное наследство / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. С. 319–328.

Иванов, Вяч. Вс. Эстетика Эйзенштейна // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том 1. М.: Языки культуры, 1999. С. 143–369.

Коптелова, Т.И. Картина живого мира в парадигме органической философии // Философская мысль. 2018. № 11. С. 1–15. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.11.27606

Лосский, Н.О. Мир, как органическое целое. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. 170 с.

Режиссер в советском театре: Материалы 1-й Всесоюз. режиссерской конф. / Ред. коллегия: А.В. Солодовников (пред.), и др.; Всерос. театр. о-во. М.; Л.: Искусство, 1940. 388 с.

Рыжов Б.Н. Системные основания психологии // Системная психология и социология. 2010. Т. 1. № 1. С. 5–42.

Станиславский, К.С. Из записных книжек: в 2 томах. Т. 2: 1912-1938. М.: Всерос. театр. о-во, 1986. 446 с.

Станиславский, К.С. Мое гражданское служение России. М.: Правда, 1990. 656 с.

Станиславский, К.С. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. М.: Искусство, 1955. 502 с.

Станиславский, К.С. Собрание сочинений: В 9 т. / редкол.: О.Н. Ефремов (гл. ред.) и др. Т. 5. Кн. 1. М.: Искусство, 1993. 682 с.

Станиславский, К.С. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Искусство, 1998. 838 с.

Страхов, Н.Н. Мир как целое: черты из наук о природе. М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007. 569 с.

Титов, А.Ю. Творческий метод Станиславского и мысленный эксперимент: динамика начального этапа становления // Педагогика искусства: I Всерос. конф. школьной театральной педагогики памяти Л.А. Сулержицкого; Москва, 26-30 ноября 2012 г.; Сб. материалов / Кафедра эстетического образования и культурологии МИОО. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 400-415.

Титов, А.Ю. Театральная педагогика: динамика становления и развития театрально-образовательных систем в России (вторая половина XVII – начало XX вв.): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений культуры и искусств. В 2-х частях. Орел: Орловский гос. институт культуры; Издатель А. Воробьев, 2005. 505 с.

Хоружий, С.С. Очерки синергической антропологии. М.: Ин-т синерг. антропологии: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 407 с.

Черкасский, С.Д. Мастерство актера: Станиславский – Болеславский – Страсберг: История. Теория. Практика. СПб.: РГИСИ, 2016. 816 с.

Эйзенштейн, С.М. Станиславский и Лойола / Публикация и комментарии Н.И. Клеймана // Киноведческие записки. 2000. № 47. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kinopzapiski.ru/ru/print/sendvalues/384/> (дата обращения: 18.04.2022)

References

Bakhtin, M. M. (1997), “To the philosophical foundations of the humanities”, *Collection of works. in 7 volumes. V. 5. Works of the 1940s - early 1960s.*, Russkie slovari, Moscow, Russia [in Russ.].

Bakhtin, M. M. (1986), “Notes”, *Literaturno-kriticheskie stat'i*, [Literary critical articles], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 509-531 [in Russ.].

Barba, E. and Savareze, N. (2010), *Slovar teatralnoy antropologii: Tainoe iskusstvo ispolneniya* [Dictionary of Theatrical Anthropology: The Secret Art of Performance], Artist. Rezhissyor. Teatr, Moscow, Russia [in Russ.].

Bertalanffy, L. von, (1969), “General Systems Theory: A Critical Review”, *Issledovaniya po obshchey teorii sistem* [Studies in general systems theory], in V.N. Sadovsky and E.G. Yudin (ed.), Progress, Moscow, Russia, 23–82 [in Russ.].

Butrova, T. V. (1997), "Stanislavsky in America", *Dialog kul'tur: Problemy` vzaimodeystviya russkogo i mirovogo teatra XX veka* [Dialogue of Cultures: Problems of Interaction between Russian and World Theater of the 20th Century], Dmitry Bulanin, St. Petersburg, Russia, 120–132 [in Russ.].

Cherkassky, S. D. (2016), *Masterstvo aktyora: Stanislavsky – Boleslavsky – Strasberg: Istoriya. Teoriya. Praktika* [Actor's skill: Stanislavsky – Boleslavsky – Strasberg: History. Theory. Practice], Russian State Institute of Performing Arts, St. Petersburg, Russia [in Russ.].

Eisenstein, S. M. (2000), "Stanislavsky and Loyola", *Kinovedcheskie zapiski* [Film history notes], 47 [Online], available at: <http://www.kinozapiski.ru/ru/print/sendvalues/384/> (Accessed 18 April 2022) [in Russ.].

Ivanov, Vyach. Vs. (1999), "Eisenstein's aesthetics", *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kultury. Tom 1* [Selected works on semiotics and cultural history. Volume 1], Yazyki kultury, Moscow, Russia, 143–369 [in Russ.].

Khoruzhy, S. S. (2005), *Ocherki sinerghiynoy antropologii* [Essays on synergetic anthropology], Institute of Synergetic Anthropology: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, Moscow, Russia [in Russ.].

Koptelova, T. I. (2018), "The picture of the living world in the paradigm of organic philosophy", *Philosophical Thought*, 11, 1–15, DOI: 10.25136/2409-8728.2018.11.27606 [in Russ.].

Lossky, N. O. (1917), *Mir, kak organicheskoe tseloe* [The world as an organic whole], G. A. Leman and S. I. Saxarov, Moscow, Russia [in Russ.].

Rezhissyor v sovetskom teatre: Materialy Pervoy vsesoyuznoy rezhissyorskoy konferentsii [Director in the Soviet Theatre: Proceedings of the 1st All-Union Director's Conference], (1940), ed. by A. V. Solodovnikov et al., Iskusstvo, Moscow, Leningrad, Russia [in Russ.].

Ryzhov, B. N. (2010), "Systemic foundations of psychology", *Systems Psychology and Sociology*, 1 (1), 5–42 [in Russ.].

Stanislavsky, K. S. (1955), *Collected works: In 8 vols. Vol. 3*, Iskusstvo, Moscow, Russia [in Russ.].

Stanislavsky, K. S. (1993), *Collected works: In 9 volumes, vol. 5, book 1*, in O.N. Efremov et al. (ed.), Iskusstvo, Moscow, Russia [in Russ.].

Stanislavsky, K. S. (1998), *Collected works: In 9 volumes, vol. 9*, in O.N. Efremov et al. (ed.), Iskusstvo, Moscow, Russia [in Russ.].

Stanislavsky, K. S. (1986), *Iz zapisny`kh knizhek: v 2 tomakh. Vol. 2: 1912-1938* [From notebooks: in 2 volumes. Vol. 2: 1912-1938], All-Russian Theater Society, Moscow: Moscow, Russia [in Russ.].

Stanislavsky, K. S. (1990), *Moyo grazhdanskoe sluzhenie Rossii* [My civil service to Russia], Pravda, Moscow, Russia [in Russ.].

Strakhov, N. N. (2007), *Mir kak tseloe: cherty iz nauk o prirode* [The world as a whole: traits from the natural sciences], Ayris-press: Ayris-Didaktika, Moscow, Russia [in Russ.].

Titov, A. Yu. (2013), "Stanislavsky's creative method and thought experiment: the dynamics of the initial stage of formation", *Pedagogika iskusstva* [Art Pedagogy]: *Proceedings of the 1st All-Russian conference of school theater pedagogy in memory of L.A. Sulerzhitsky; Moscow, November 26-30, 2012*. MAKS Press, Moscow, Russia, 400–415 [in Russ.].

Titov, A. Yu. (2005), *Teatralnaya pedagogika: dinamika stanovleniya i razvitiya teatralno-obrazovatelnykh sistem v Rossii (vtoraya polovina XVII – nachalo XX vv.)* [Theatrical pedagogy: the dynamics of the formation and development of theatrical educational systems in Russia (second half of the 17th – early 20th centuries)], Publisher A. Vorobiov, Orel city, Russia [in Russ.].

Vygotsky, L. S. (1984), "On the question of the psychology of the actor's creativity", *Collected Works: In 6 volumes. Vol. 6. Scientific heritage*, in M.G. Yaroshevsky (ed.), Pedagogy, Moscow, Russia, 319–328 [in Russ.].

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Титов Александр Юрьевич, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры и мастерства актера, Орловский государственный институт культуры, ул. Лескова, д. 15, г. Орёл, 302020, Россия; vittoal@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexander Yu. Titov, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Directing and Acting Skills, Orel State Institute of Culture, 15 Leskov St., Orel 302020, Russia; vittoal@yandex.ru

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-6

Нанкевич А. А. | Цветовые системы как способ репрезентации категорий цвета

Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, д. 4, г. Смоленск,
214000, Россия; alena.nankevitch@yandex.ru

Аннотация. Цветовые системы имеют богатую историю и широко используются в производстве, искусстве и науке, однако философско-культурологические исследования цвета представлены в недостаточной мере. Цель статьи заключается в определении специфики репрезентации цвета в форме цветовой системы. Автором рассмотрены понятия «репрезентации» и «категоризации» как ключевые операции по выявлению отношений между категориями цвета, тем самым обеспечивающие основу для формирования цветовой системы. Результаты анализа авторских цветковых систем и современных цветковых пространств представлены в контексте культурно-исторического развития общества. Связь между перцептивным и номинативным аспектами категории цвета показана на примерах исследований цветообозначений русского и английского языков. В результате анализа различных цветковых систем установлено, что визуальная репрезентация цвета представляет собой сложный процесс осмысления категорий цвета, результатом которого выступает определенное геометрическое представление отношений между цветными материалами различной природы: красителями, пигментами, лучами света. Визуальные репрезентанты эволюционировали ввиду качественных изменений субъекта и объекта познания. С одной стороны, форма и содержание цветковых систем менялись по мере исторически и социально обусловленного развития субъекта познания. С другой стороны, появление новых оттенков, систем визуализации в технике, цветной печати – внесли свой вклад в совершенствование формы и содержания цветковых систем.

Ключевые слова: репрезентация; категоризация цвета; перцептивная категория; упорядочивание цвета; цветковая система

Для цитирования: Нанкевич А. А. Цветовые системы как способ репрезентации категорий цвета // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 77-93. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-6

A. A. Nankevich | Color systems as representatives of color categories

Smolensk State University, 4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia;
alena.nankevitch@yandex.ru

Abstract. Color systems have a rich history and are widely used in industry, art and science, but philosophical and cultural studies of color are not sufficiently presented. The purpose of the article is to determine the specifics of color representation in the form of a color system. The author considers the concepts of “representation” and “categorization” as key operations to identify relationships between color categories,

thereby providing the basis for the formation of a color system. The results of the analysis of the author's color systems and modern color spaces are presented in the context of the cultural and historical development of society. The connection between the perceptual and nominative aspects of the category of color is shown on the examples of studies of color names in Russian and English. By considering various color systems, it has been established that visual representation is a complex process of understanding the color categories, which results in a certain geometric representation of the relationship between colors of various origins: paints, dyes, and electromagnetic radiation. Visual representatives have evolved due to qualitative changes in the subject and object of cognition. On the one hand, the form and content of color systems changed due to the subject's historical and social development. On the other hand, the emergence of new shades, as well as development of visualization systems in technology and color printing have contributed to the change of the form and content of color systems.

Key words: representation; color categorization: perceptual category; color order; color system

For citation: Nankevich A. A. (2022), "Color systems as representatives of color categories", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 77-93, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-6

Цвет, являясь важной характеристикой окружающей действительности, долгое время находился вне поля пристального внимания философов, так как относился к числу вторичных качеств объекта. В настоящее время ситуация меняется, однако философско-культурологическое содержание цвета раскрыто не в достаточной мере. В предлагаемом исследовании анализу подвергаются цветовые системы как визуальные репрезентанты категоризации цвета посредством рассмотрения авторских цветовых систем. Авторские системы цвета прошли долгий путь культурной эволюции, заложив основы стандартизации и систематизации цвета во многих областях практической деятельности человека. Современные цветовые пространства – вершина современного этапа культурного генезиса способов репрезентации категорий цвета и отношений между ними.

Репрезентация как динамичный ментальный конструктор

В силу большого количества поступающих цветовых стимулов возникла потребность в их организации и преобразовании

таким образом, чтобы использовать полученные знания наиболее эффективно. Последнее невозможно без наличия ментальных операций высокого порядка, к которым относится репрезентация – «представление одного в другом посредством другого» (Кассирер, 2002: 35). Согласно Л.А. Микешиной, *репрезентация* – «это одна из фундаментальных операций любой познавательной деятельности, опирающаяся на представление идеальных и материальных объектов в акте сознания и знании с помощью их “заместителей” или “посредников” – символических, знаковых, в первую очередь языковых, систем, моделей, любых “когнитивных артефактов”, а также материальных объектов, выполняющих эти функции» (Микешина, 2007: 8). Создаваемые репрезентации оказывают большое влияние на то, как мы воспринимаем и познаем мир. Окружающая реальность неоднородна и содержит в себе многообразие «реальностей», существующих в разных обществах и в разное время, основной из которых является повседневная жизнь. Она воспринимается субъектом как данность, сложившаяся в результате принятия образцов понимания и

репрезентации, схем систематизации и типизации, закрепленных в соответствующем языке. Усвоение канонов репрезентации предписывается культурой посредством образования, воспитания и практики.

В этом ключе развивал свою концепцию исторической эпистемологии М. Вартофски. Согласно этой концепции человеческое восприятие, обладая универсальными предпосылками, такими как сенсорная система, является исторически обусловленным процессом. Характерным свойством восприятия как способа деятельности и процесса является его опосредованность репрезентацией. Все репрезентации делятся на внешние и внутренние. К внешним относятся артефакты – все созданное человеком как результат творческой и производственной деятельности, направленной на преобразование природы и самих себя. К внутренним – мыслительные модели, схемы и образы, возникающие в результате процессов мышления и воображения, отражающих эволюционирующие особенности человеческого познания. Вариативность форм репрезентации обеспечивает связь восприятия с другими видами человеческой практики (см.: Вартовски, 1988).

Мыслительная операция репрезентации охватывает как внешний, так и внутренний мир познающего субъекта. Цель репрезентации не в том, чтобы достичь подлинное и адекватное представление объекта, что позволяет говорить о таких свойствах репрезентации, как конструктивизм, плюрализм и релятивизм. С позиции конструктивизма мы не можем понять окружающий мир, поэтому создаем различные конструкции, которые затем проверяем на жизнеспособность, и репрезентация вполне гармонично вписывается в этот процесс (см.: Абрамов, 2012). Плюрализм предполагает множественность вариантов репрезентации одного и того же объекта или явления, а релятивизм, характеризующий репрезентанты, указывает на то, что они «регрессируют» к канонам и образцам, приня-

тым главным образом по соглашению, соответствующему эволюции различных форм деятельности (см.: Микешина, 2005: 106). Поэтому репрезентация является сложной многофакторной мыслительной операцией, но никак не пассивным отражением реального мира. Репрезентация цвета в субъективном опыте представлена в сенсорно-перцептивной, номинативной и семантической формах (см.: Сафуанова, 1994).

Категория цвета: ее структура и участие в процессе восприятия

Другой важной операцией познавательной деятельности выступает категоризация – процесс отнесения объекта к некоторой *категории (классу, типу, разряду)*, которая входит в естественную категориальную систему познающего, на основе существенных отношений объектов действительности, знаний и результатов практики. Категоризации подлежат сенсорные и перцептивные образы, социальные стереотипы, эталоны поведения. Соответственно, категории – это фундаментальные понятия, формы мысли, имеющие априорное значение для получения и обобщения опытного знания (см.: Микешина, 2020: 51). Наиболее продуктивно рассматривать проблему категоризации в контексте культурно-исторической и социальной эволюции. За долгое время изучения категорий были разработаны онтологические, гносеологические и логические концепции (см.: Лосев, 1975; Кант, 1994; Остин, 1999). В лингвистике принято разграничивать языковые и понятийные (логические и семантические) категории (см.: Болдырев, 2007).

Категориальная система человека включает в себя разнообразие научных (философских) и повседневных (естественных) категорий. Естественная категория представляет собой результат социально предписанной репрезентации объективной реальности наивными носителями языка (см.: Батыркаева, 2012), потому они субъективны и культурно и социально обуслов-

лены (см.: Леонтьев, 1975). Научные категории появляются в ходе «искусственной» категоризации, так как представляют собой результат систематизации накопленного опыта научных исследований. По способу формирования все перечисленные категории – это концептуальные объединения объектов. Выбор того или иного концептуального основания для выделения сходных характеристик у объектов определяет выбор соответствующих принципов и механизмов их объединения (см.: Болдырев, 2007: 7). Концепт – это лингвофилософская единица, появившаяся благодаря антропоцентрическому подходу в языкознании. Концепт, «квант структурированного знания» (Попова, Стернин, 1999: 30), является ментальным образованием, которое замещает в процессе мышления неопределенное множество предметов одного и того же рода (см.: Грибер, 2021: 20). Концепт может быть репрезентирован представлением, схемой, понятием, фреймом, сценарием и другими формами репрезентации. Категории, концепты и другие когнитивные конструкты образуются посредством редукции, упрощенной идентификации, частичного сходства, с целью реализации необходимых в познании обобщений и классификаций (см.: Микешина, 2020: 8).

В антропологических и психолингвистических исследованиях категория цвета определяется с точки зрения его объективных референтов, или денотатов, то есть диапазона цветовых образцов, которые она охватывает. Референты представляют собой либо стандартизированные цветовые чипы, например, те, что составляют атлас Манселла, либо цветовые стимулы, тон, яркость/светлота и насыщенность которых указаны в фотометрических терминах. С другой стороны, категория цвета – ментальная единица, которая представлена набором оттенков, объединенных одним цветообозначением. Ядро категории цвета представляет фокальный или эталонный оттенок, все остальные стимулы формируют периферию (см.: Грибер, 2021: 20). Таким

образом, содержание категории цвета соотносится с формами репрезентации цвета в сознании человека: сенсорно-перцептивной, номинативной и семантической – и формирует трехмерный психический образ (см.: Ломов, 1986; Забродин, Потемкина, Рубахин, 1986).

Дж. Брунер отмечает, что категоризация выступает базовым свойством восприятия, во время которого происходит сопоставление признаков объекта с имеющейся системой категорий, при этом верность сенсорной оценки зависит от предварительного усвоения категорий (см.: Брунер, 1977; Батыркаева, 2012). Категориальное восприятие цвета возникает, когда различие элементов, выходящих за границы категории, происходит быстрее или точнее, чем различие элементов внутри этой же категории (см.: Hanley, 2015). Например, зеленый и синий цвета легче различить, чем два разных оттенка зеленого. Вычленение перцептивных категорий цвета является базовой операцией, поэтому первые цвета младенцы способны различать довольно рано (см.: Сафуанова, 1994), и, хотя границы цветовых категорий у младенцев сформированы менее четко, чем у взрослых, их центры (прототипы) примерно совпадают (см.: Persaud et al., 2021). Тем не менее запоминание цветового словаря и безошибочное употребление цветоименований в речи происходит не сразу и требует значительных когнитивных усилий для связывания воедино перцептивного и языкового аспектов категории цвета. Кроме того, цвет выступает важным кодом культуры, с помощью которого происходит воссоздание окружающего мира в образно-символической форме (Грибер, 2022: 27). Таким образом, в основе категорий лежит определенная модель знания и нужно некоторое время для ее усвоения.

Парадигма авторских цветовых систем: от Аристотеля до Манселла

Репрезентация перцептивной стороны категории цвета получила широкое развитие в теории цвета в качестве различных

цветовых систем, которые в зависимости от размерности могут принимать форму градиентной линии, двумерной геометрической фигуры или объемной пространственной фигуры, называемой также цветовым пространством. Цветовая система – это систематический и рациональный метод расположения цветов в соответствии с определенными правилами (см.: Rhodes, 2002). Соответственно, цветовое пространство – это цветовая система, где цвета расположены в зависимости от значений трех измерений цвета: насыщенности, цветового тона и светлоты.

Ранние одномерные цветовые системы появились еще в эпоху Античности. Согласно Плутарху, пифагорейцы называли белый, черный, красный и желтый основными цветами. Примерно 200 лет спустя Аристотель расширил количество основных цветовых категорий с четырех до семи, добавив синий, зеленый и фиолетовый (см. рис. 1). Его категории были расположены в линейном, зависящем от освещенности порядке, от белого к черному. Система упорядочивания Аристотеля, возможно, задумывалась как шкала светлоты, учитывая его убеждение, что все цвета создаются из света и тьмы (см.: Лосев, 1975).

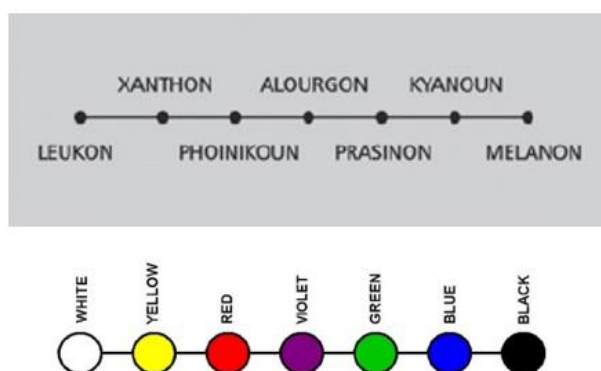
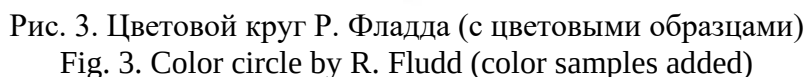
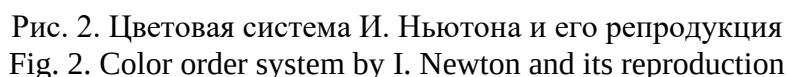

Рис. 1. Линейная цветовая система Аристотеля и ее репродукция¹
Fig. 1. Linear color system by Arisltotle and its reproduction

Парадигма аристотелевской линейной цветовой шкалы господствовала вплоть до XVIII века, когда появился первый цветовой круг в результате эмпирического исследования света И. Ньютоном (Ньютон, 1946) (см. рис. 2). В нем ученый графически представил результаты смещения спектральных лучей. Пангармонист И. Ньютон использовал музыкальные отношения, чтобы разместить семь основных цветов по окружности своего круга, а «белый» свет был помещен в его центр. Таким образом, в

круге был представлен не только цветовой тон, ограниченный спектральными цветами, но и насыщенность по линиям от окружности к центру. Круговая форма цветов использовалась и ранее, но ее значение было скорее символическим. Примером может послужить цветовой круг З.А. Фладда (см. рис. 3), который явно отсылает к образу уробороса, змеи, кусающей себя за хвост, и символизирует битву между светом и тьмой, добром и злом (см.: Kuehni, Schwarz, 2008).

¹ Здесь и далее, кроме случаев с особыми ссылками, используются репродукции авторских цветовых систем из работы Дж. Л. Каявано (Caivano, 2022).

системы А. Манселла (см. рис. 4) (Kuehni, Schwarz, 2008) и В. Оствальда (см. рис. 5) (Ostwald, 1918), созданные в начале XX века. Авторы продемонстрировали ясное понимание трех измерений цвета: насыщенности, цветового тона и светлоты – и предложили логически и визуально стройные цветовые пространства в виде асимметричного цветового тела и сферы соответственно. Помимо сфер в качестве геометрии визуальной репрезентации широко использовались конусы, пирамиды, кубы и другие фигуры со сложной формой (см.: Fairchild, 2010).

Рис. 4. Цветовая модель и атлас А. Манселла
Fig. 4. Color space and atlas by A. Munsell

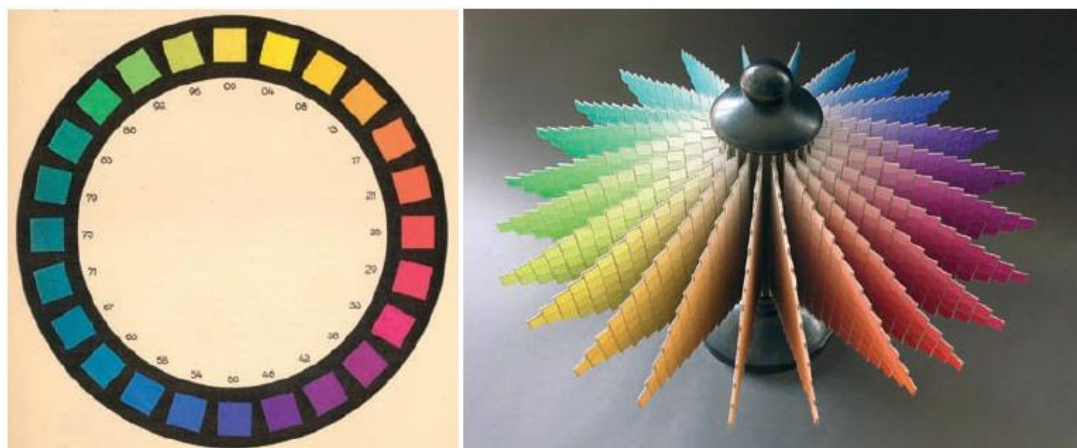

Рис. 5. Цветовой круг и цветовая модель В. Оствальда
Fig. 5. Color circle and color model by W. Ostwald

Важно отметить, что авторские модели репрезентации цвета разрабатывались с целью дальнейшего практического применения в различных областях. Основная цель И.Г. Ламберта состояла в том, чтобы показать, как выглядит систематическое расположение цветов (см. рис. 6) (Kuehni, Schwarz, 2008). Он также считал, что стандартную коллекцию цветов могут использовать портные и магазины тканей. И.Г. Ламберт видел в своей системе полезный инструмент и для красильщиков: они могли предварительно вычислить формулы для получения промежуточных цветов. Дж. Соверби, Ф.О. Рунге и М. Клотц (см.

рис. 8.1)² были художниками, и цель их цветовых систем была дидактической, включая создание систематических коллекций цветов для разработки и демонстрации предполагаемых законов цветовой гармонии. И.И. Шиффермюллер, М. Харрис (см. рис. 7)³ и Р. Риджуэй (см. рис. 8.2)⁴ были энтомологами или орнитологами, и их усилия, частично или полностью, сводились к созданию систематических коллекций оттенков для определения окраски насекомых и птиц. Специальные таблицы цветов также были разработаны, чтобы идентифицировать и указать цвета различных видов материалов (см.: Kuehni, Schwarz, 2008).

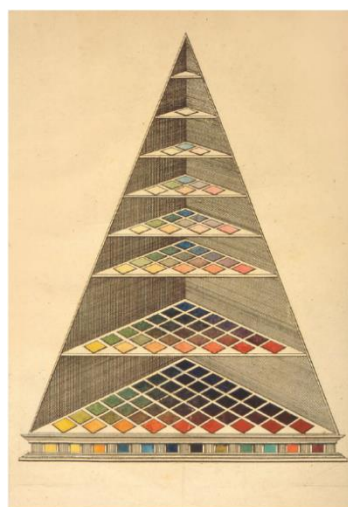

Рис. 6. Цветовая система И.Г. Ламберта
Fig. 6. Color system by I. G. Lambert

² The Dimensions of Colour by David Briggs, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.huevaluechroma.com> (дата обращения 26.04.2022).

³ Там же.

⁴ Там же.

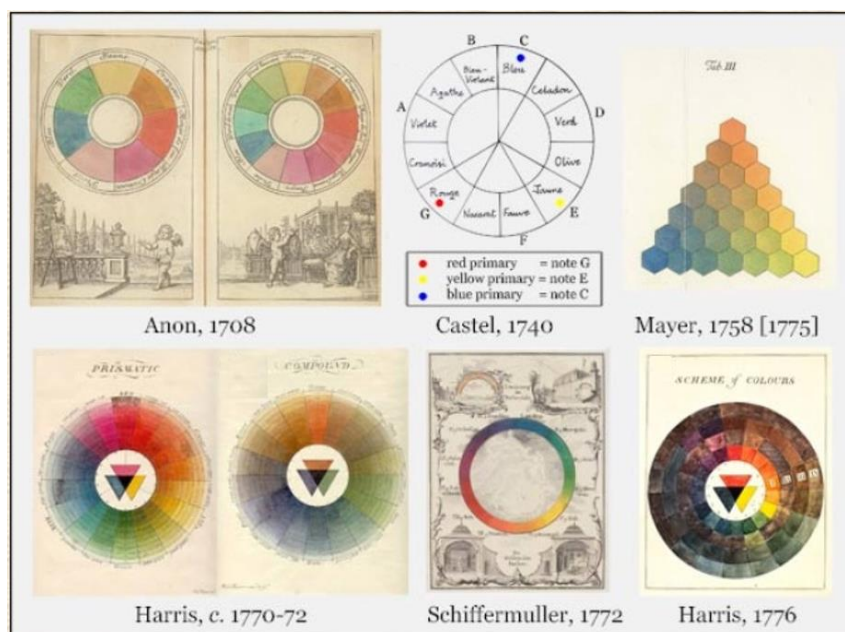

Рис. 7. Цветовые системы XVIII века

Fig. 7. Color systems of the 18th century

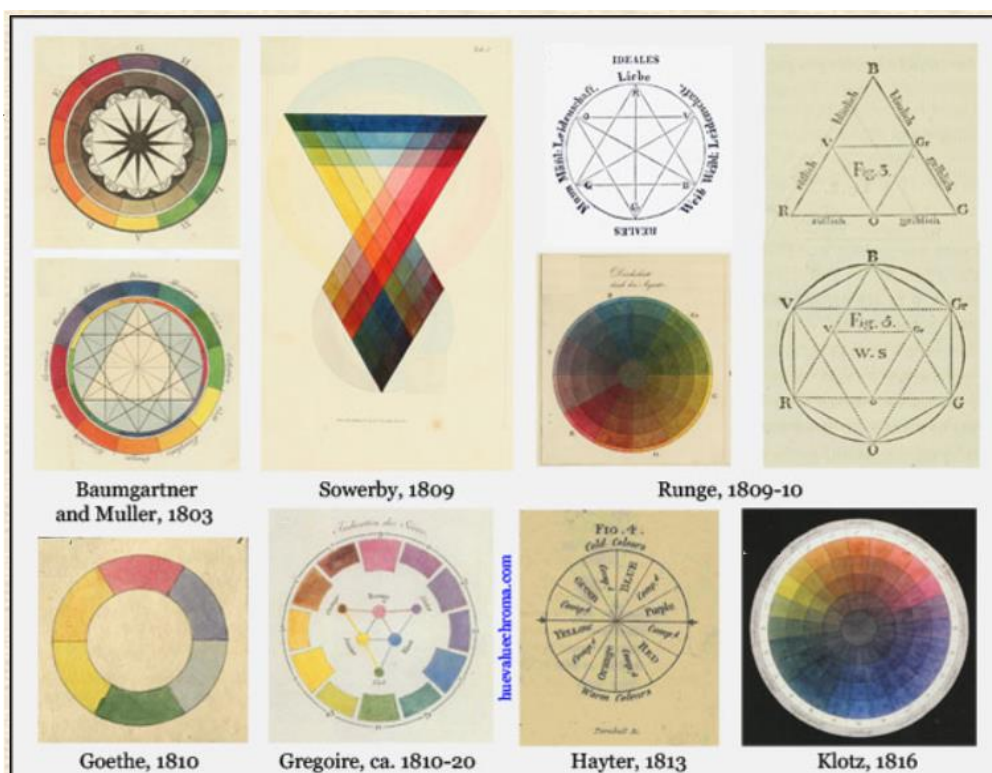

Рис. 8.1. Цветовые системы начала XIX века

Fig. 8.1. Color systems of the beginning of the 19th century

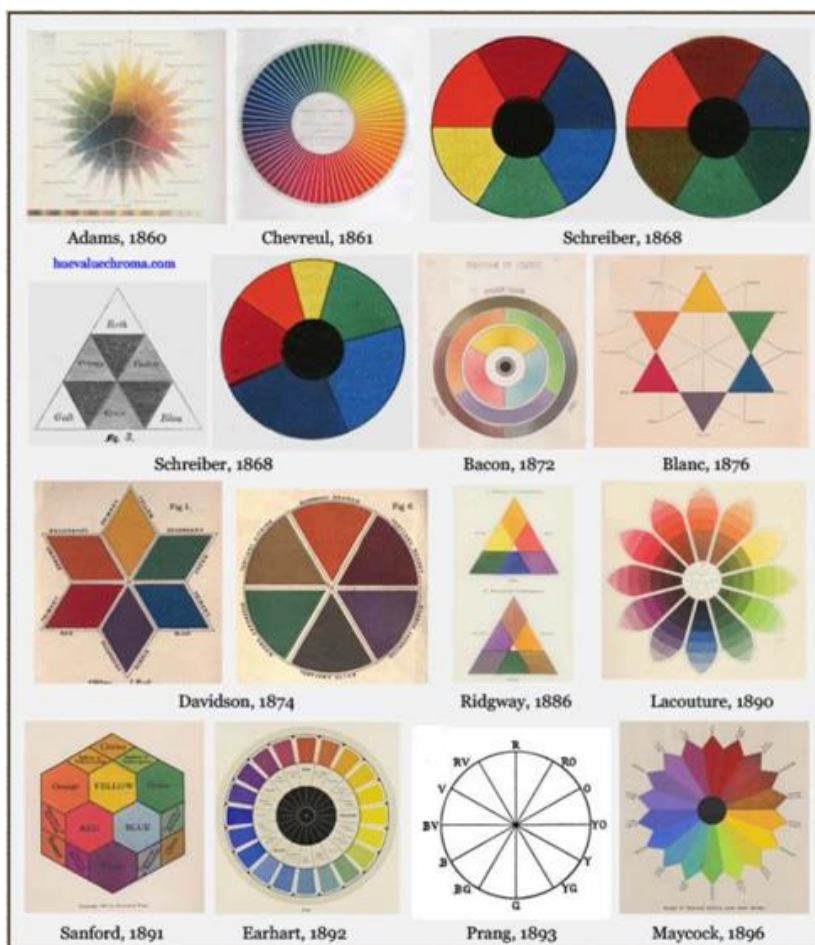

Рис. 8.2. Цветовые системы второй половины XIX века
 Fig. 8.1. Color systems of the second half of the 19th century

Только начиная с середины XX века промышленные организации разных стран стали предпринимать согласованные усилия по установлению формальных границ цветовых категорий в трех измерениях, в связи чем были созданы различные национальные и международные организации. В результате появились стандарт DIN 6164 (Германия), цветовая модель CIE 1931 (см. рис. 7), Атлас единых цветовых шкал, естественная цветовая система (Natural Color

System – NCS) и атлас (см. рис. 8.1 и 8.2)⁵. На основе модели CIE 1931 были получены две другие модели для цветов предметов (CIELAB) и для световых лучей (CIELUV). Современные цветовые стандарты и модели вобрали в себя идеи уже существовавших авторских систем, таких как системы Э. Геринга, А. Манселла, В. Оствальда, и широко применяются в различных сферах деятельности, связанных с цветом.

⁵ Virtual Colour Systems, 2022 [Электронный ресурс].
 URL: <https://www.vcsconsulting.uk> (дата обращения: 26.04.2022).

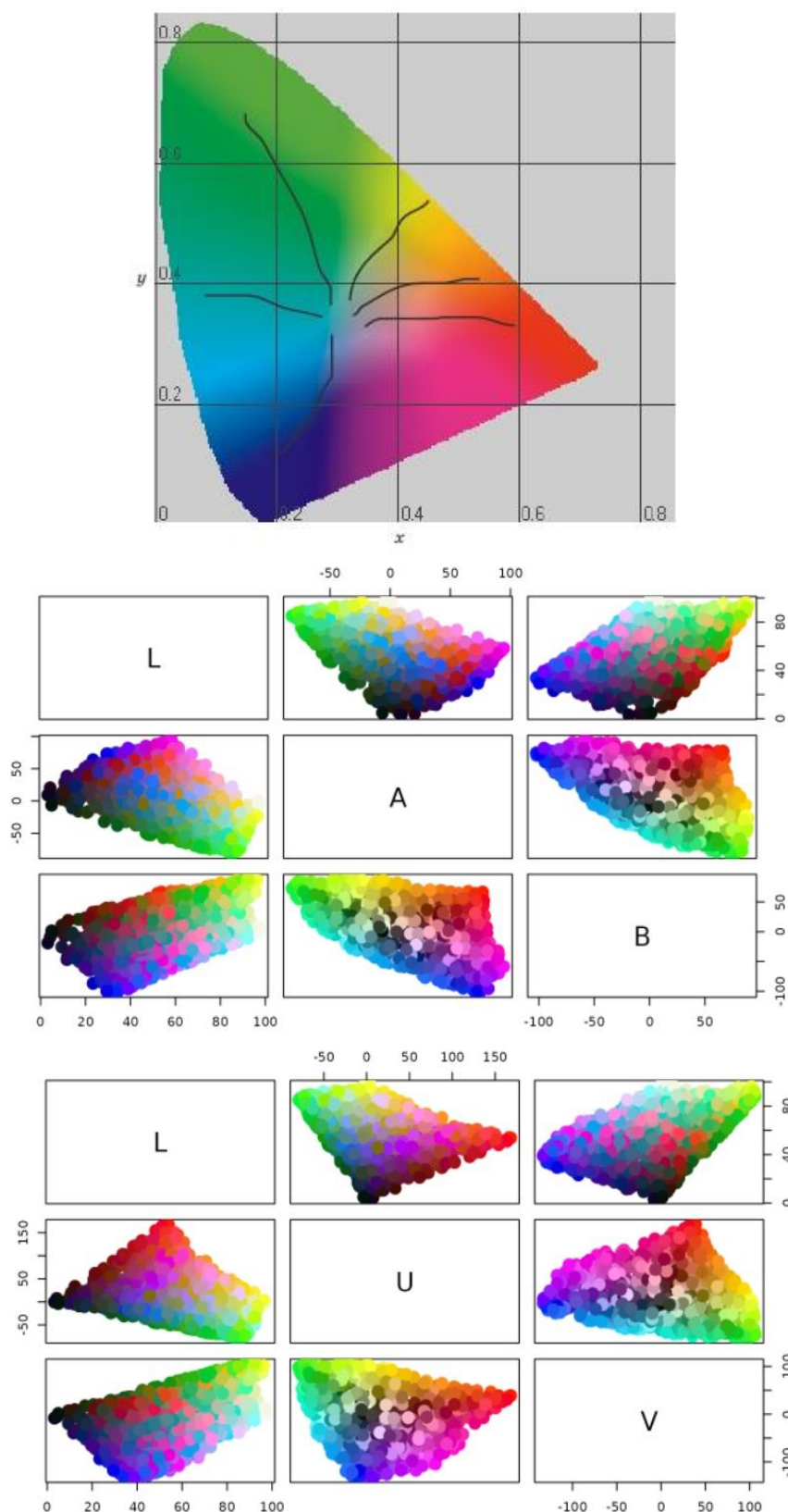

Рис. 9. Модели CIE 1931⁶ с линиями постоянной цветности, CIELAB и CIELUV⁷
 Fig. 9. CIE 1931 (lines of constant chroma added) CIELAB and CIELUV models

⁶ См.: (Fairchild, 2005).

⁷ См.: (Zeileis, Fisher, Hornik and al., 2020).

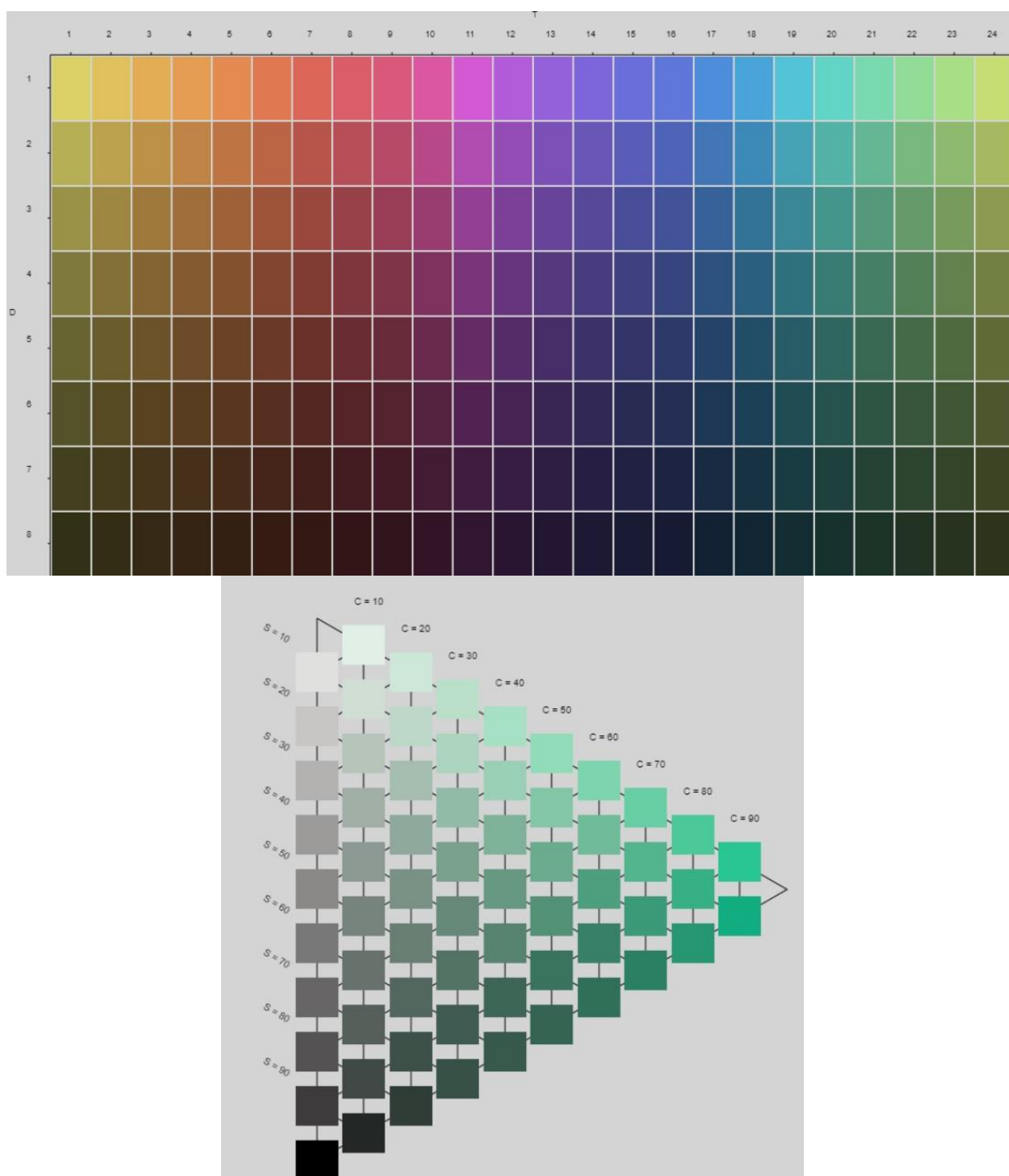

Рис. 10. Стандарт DIN 6164 и цветовая система NCS
Fig. 10. Standard DIN 6164 and color system NCS

Парадигма вышеизложенных цветовых систем отражает эволюцию научного изучения механизмов восприятия цвета. Основная цель таких систем заключалась в создании модели того, как человек видит

цвета, и того, как цветовые категории связаны между собой. Таким образом, в центр помещался субъект, воспринимающий цвет и категоризирующий оттенки для получения цветовой гармонии.

В другой группе цветовых систем цвет рассматривался как набор цветовых стимулов, которые необходимо было унифицировать для эффективного использования на производстве и в технике. Разработка таких систем началась с появлением цветной печати, телевидения, кинематографа и техники, использующих визуализацию данных посредством цвета. Примерами стимульных цветовых систем являются RGB и CMYK (см. рис. 11)⁸, которые различаются по способу смешения цветов и области применения. Цветные изображения создаются аддитивным смешением

красного, зеленого и синего лучей (RGB) в результате электрической активации трех разных люминофоров. Чтобы преобразовать стимулы, представленные на мониторе, в цветовые стимулы объекта в виде печатных изображений, используется субтрактивная схема формирования цветов на основе голубого, пурпурного, желтого и черного цветов (СМΥК) для получения сопоставимых результатов при печати с определенной системой чернил. Визуальная репрезентация указанных систем имеет форму куба (см.: Fairchild, 2005).

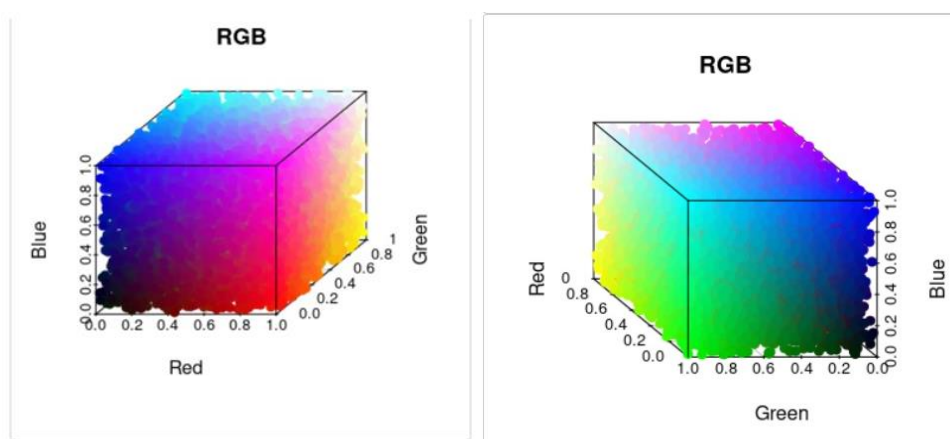

Рис. 11. Цветовая система RGB
Fig. 11. RGB color system

Соотношение номинативной и перцептивной репрезентаций категорий цвета

Исследования репрезентации цвета в цветовых системах и номинативной форме показали, что цветовое пространство неравномерно представлено на вербальном уровне. В частности, при сопоставлении разных участков системы NCS с 260-ю наименованиями цвета русского языка выяснилось, что максимально в вербальном плане представлен сектор пространства NCS, расположенный между желтым и красным цветами, а минимально — область, примыкающая к зеленому цвету (см.: Сафуанова, 1994).

Подобное исследование было проведено с использованием цветовой лексики английского языка. Данные о цветовых категориях собирались с помощью онлайн-краудсорсинга — более 1000 испытуемых привели почти 20 000 терминов цвета для 600 цветовых стимулов. Из этих данных, используя структуру информационной геометрии, была вычислена риманова метрика для куба RGB. В этой категориальной метрике расстояние между двумя близкими цветами определяется разницей в распределении цветообозначений. Такой подход контрастирует с предыдущими цветовыми метриками, которые определялись различиями

⁸ См.: (Zeileis, Fisher, Hornik and al., 2020).

мостью стимулов или приемлемостью цветового соответствия. 27 полученных категорий были представлены в цветовом пространстве RGB. Однако чаще всего при исследовании категоризации цвета используется цветовая система CIELAB или цветовые чипы Манселла (Грибер, Милонас, 2015; Paramei, Griber, Mylonas, 2018). Первая система позволяет достаточно точно представить трехмерную модель цветовых категорий, вторая – репрезентирует перцептивно однородные интервалы цветового тона, хромы и значения.

Заключение

В целом репрезентация представляет собой важную познавательную функцию, посредством которой происходит реконструкция образа окружающей действительности, интернализация отдельных фактов и построение осмысленных моделей. Последние не являются застывшими конструктами сугубо индивидуального порядка: в процессе коммуникации и познания они видоизменяются, приближаясь к общепринятым конвенциональным канонам. Репрезентанты тесно связаны с категоризацией, цель которой – упорядочить и выстроить в систему разрозненные данные, получаемые из различных каналов чувственного восприятия.

Репрезентация естественных категорий цвета происходит в трех формах: перцептивной, номинативной и семантической. Особым видом осмысления перцептивной репрезентации цвета выступает создание различных цветовых систем, которые группируют цвета таким образом, чтобы наглядно представить их взаимосвязь и отношения. При этом вербальная и перцептивная формы репрезентации категорий цвета не совпадают в полной мере ввиду избирательности лингвистической категоризации.

Цветовые системы делятся на две большие группы: системы восприятия и стимульные системы. Стимульные системы представляют собой набор цветовых стимулов, организованных таким образом, чтобы

унифицировать процесс производства или визуализацию данных на цифровых устройствах. Цветовые системы восприятия отражают субъективную классификацию цветовых категорий посредством визуальной репрезентации. Репрезентация категорий цвета в виде прямой линии, начиная с эпохи Античности, долгое время оставалась основной моделью, пока механистическая философия не поставила во главу всего эксперимент. Цветовой круг И. Ньютона запустил процесс геометрических трансформаций цветовых систем. Построение объемных цветовых систем стало возможным после выделения трех измерений цвета: цветового тона, насыщенности и светлоты. Сегодня цветовые системы широко применяются в науке, производстве, дизайне, архитектуре и искусстве. Таким образом, цветовые системы выступают культурными формами репрезентации цвета, геометрическое и понятийное выражение которых продиктовано социально-исторической эпохой, в которую они были созданы, мировоззрением их создателей, практической значимостью и общим пониманием природы цвета и цветовых отношений.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-00407 «Когнитивная культурология цвета: разработка научных основ формирования колористики культурного ландшафта».

Acknowledgment

The research was supported financially by the Russian Science Foundation, Research Project No. 22-18-00407 "Cognitive culturalology of color: development of the scientific foundations for the formation of the coloristics of the cultural landscape."

Литература

Абрамов, П.Д. Конструктивистские основания репрезентации: автореф. дис. ... канд. философских наук: 09.00.01. М.: МПГУ, 2012. 22 с.

Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.

Батыркаева, Т.В. Функционирование механизма категоризации у детей и взрослых: автореф. дис. ... канд. филологических наук. Пермь: ПГПУ, 2012. 21 с.

Болдырев, Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17-27.

Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / пер. с англ. К.И. Бабицкого. М.: Прогресс, 1977. 413 с.

Вартовски, М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988. 507 с.

Грибер, Ю.А. Картография цвета: диагностика развития цветоименований русского языка с использованием естественно-научных, историографических, социологических и психологических методов: Монография. М.: Согласие, 2021. 152 с.

Грибер, Ю.А. Цветовые репрезентации социального пространства европейского города. М.: Согласие, 2022. 480 с.

Грибер, Ю.А., Милонас, Д. Картография цвета: эмпирический анализ цветоименований русского языка // Человек и культура. 2015. № 6. С. 64-94.

Забродин, Ю.М., Потемкина, О.Ф., Рубахин, В.Ф. Слоистоступенчатая модель переработки информации человеком // Когнитивная психология. М.: Наука, 1986. С. 27-34.

Кант, И. Критика чистого разума. М.: Чоро, 1994. 741 с.

Кассирер, Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.

Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Ломов, Б.Ф. Когнитивные процессы как процессы психического отражения // Когнитивная психология. М.: Наука, 1986. С. 7-21.

Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.

Микешина, Л.А. Проблема ценностей в социологической науке: эпистемологический анализ // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 44-53.

Микешина, Л.А. Репрезентация: частный метод или фундаментальная операция познания? // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 11. № 1. С. 5-17.

Микешина, Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: Учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. 464 с.

Ньютон, И. Лекции по оптике / пер., комментарий и ред. акад. С.И. Вавилова. М.: АН СССР, 1946. 298 с.

Остин, Д. Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВГУ, 1999. 314 с.

Сафуанова, О.В. Формы репрезентации цвета в субъективном опыте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994. 12 с.

Caivano, J.L. Black, white, and grays: Are they colors, absence of color or the sum of all colors? // Color Research & Application. 2022. V. 47. No. 2. P. 252-270.

Choudhury, A.K.R. Colour order systems // Review of Progress in Coloration and Related Topics. 1996. V. 26. P. 54-62.

Davidoff, J. Color categorization across cultures // Handbook of Color Psychology / ed. by A.J. Elliot, M.D. Fairchild, A. Franklin. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 259-278.

Fairchild, M.D. Color appearance models. London: John Wiley & Sons, 2005. 478 с.

Hanley, J.R. Color Categorical Perception // Encyclopedia of Color Science and Technology / ed. by Luo R. Berlin, Heidelberg: Springer, 2015. DOI: 10.1007/978-3-642-27851-8_61-11

Kuehni, R.G., Schwarz, A. Color ordered: a survey of color systems from antiquity to the present. Oxford University Press, 2008. 407 p.

Ostwald, W. Die Farbenlehre, II. Buch, Physikalische Farbenlehre. Leipzig: Unesma, 1918. 129 S.

Paramei, G.V. Color Categorization: Patterns and Mechanisms of Evolution // Encyclopedia of Color Science and Technology / ed. by M.R. Luo. New York: Springer-Verlag New York, 2016. P. 397-403.

Paramei, G.V., Griber, Y.A., Mylonas, D. An online color naming experiment in Russian using Munsell color samples // Color Research & Application. 2018. No. 43. P. 358-374.

Persaud, K. et al. Evaluating recall error in preschoolers: Category expectations influence episodic memory for color // Cognitive psychology. 2021. V. 124. P. 101357-101424.

Rhodes, P.A. Colour notation systems // *Colour Engineering*. Chichester: John Wiley and sons, 2002. P. 307-331.

Zeileis, A., Fisher, J.C., Hornik, K., Ihaka, R., McWhite, C.D., Murrell, P., Stauffer, R. and Wilke, C.O. Colorspace: A Toolbox for Manipulating and Assessing Colors and Palettes // *Journal of Statistical Software*. 2020. V. 96. No. 1. P. 1-49. DOI: 10.18637/jss.v096.i01

References

Abramov, P. D. (2012), "Constructivist foundations of representation", Abstract of the Ph.D. dissertation, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia (in Russ.).

Austin, J. (1999), *Izbrannoe* [Selected works], Translated by Makeeva, L. B., Rudnev, V. P., Idea-Press, House of intellectual book, Moscow, Russia (in Russ.).

Batyrkaeva, T. V. (2012), "The functioning of the categorization mechanism in children and adults", Abstract of the Ph.D. dissertation, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia (in Russ.).

Boldyrev, N. N. (2007), "Representation of knowledge in the language system", *Issues of cognitive linguistics*, 4, 17-27 (in Russ.).

Bruner, J. S. (1973), *Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoy informatsii* [Beyond the information given: Studies in the psychology of knowing], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Caivano, J. L. (2022), "Black, white, and grays: Are they colors, absence of color or the sum of all colors?", *Color Research & Application*, 47 (2), 252-270.

Cassirer, E. (2002), *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 2. Mifologicheskoe myshlenie* [Philosophy of symbolic forms. V. 2. Mythological thinking], University book, Moscow, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Choudhury, A. K. R. (1996), "Colour order systems", *Review of Progress in Coloration and Related Topics*, 26, 54-62.

Davidoff, J. (2015), "Color categorization across cultures", *Handbook of Color Psychology*, in Elliot, A. J., Fairchild, M. D. and Franklin, A. (ed.), Cambridge University Press, Cambridge, UK, 259-278.

Fairchild, M. D. (2005), *Color appearance models*. John Wiley & Sons, London, UK.

Griber, Yu. A. (2021), *Kartografiya cveta: diagnostika razvitiya cvetonaimenovanij russkogo*

jazyka s ispol'zovaniem estestvenno-nauchnykh, istoriograficheskikh, sociologicheskikh i psihologicheskikh metodov [Color Cartography: Diagnostics of the Development of Russian Color Names Using Natural Science, Historiographic, Sociological and Psychological Methods], Soglasie, Moscow, Russia (in Russ.).

Griber, Yu. A. (2021), *Cvetovye reprezentacii social'nogo prostranstva evropejskogo goroda* [Color representations of the social space of a European city], Soglasie, Moscow, Russia (in Russ.).

Griber, Yu. A. and Mylonas, D. (2015), "Cartography of color: an empirical analysis of the color names of the Russian language", *Human & Culture*, 6, 64-94 (in Russ.).

Hanley, J. R. (2015), "Color Categorical Perception", in Luo, R. (ed.), *Encyclopedia of Color Science and Technology*, Springer, Berlin, Heidelberg, Germany. DOI: 10.1007/978-3-642-27851-8_61-11

Kant, I. (1994), *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], Choro, Moscow, Russia (in Russ.).

Kuehni, R. G. and Schwarz, A. (2008), *Color ordered: a survey of color systems from antiquity to the present*, Oxford University Press, London, UK.

Leontiev, A. N. (1975), *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality], Politizdat, Moscow, USSR (in Russ.).

Lomov, B. F. (1986), "Cognitive processes as processes of mental reflection", in Lomov, B. F. and others (ed.), *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology], Nauka, Moscow, USSR, 7-21 (in Russ.).

Losev, A. F. (1975), *Istoriya antichnoy estetiki. Aristotel' i pozdnyaya klassika* [History of ancient aesthetics. Aristotle and the Late Classic], Iskusstvo, Moscow, USSR (in Russ.).

Mikeshina, L. A. (2002), *Filosofiya nauki: Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya: Uchebnoe posobie* [Philosophy of Science: Modern Epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research: Textbook], Progress-Tradition, MPSI, Flinta, Moscow, Russia (in Russ.).

Mikeshina, L. A. (2007), "Representation: a particular method or a fundamental operation of cognition?", *Epistemology and Philosophy of Science*, 11 (1), 5-17.

Mikeshina, L. A. (2020), "The problem of values in sociological science: epistemological analysis", *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies], 12, 44-53 (in Russ.).

Newton, I. (1946), *Lektsii po optike* [Opticks (1704)], USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR, (in Russ.).

Ostwald, W. (1918), *Die Farbenlehre, II. Buch, Physikalische Farbenlehre* [The Color Theory, II. Book, Physical Color Theory], Unesma, Leipzig, Germany (in Germ.).

Paramei, G. V. (2016), "Color Categorization: Patterns and Mechanisms of Evolution", in Luo, M. R. (ed.), *Encyclopedia of Color Science and Technology*, Springer-Verlag, New York, 397-403.

Paramei, G. V., Griber, Y. A. and Mylonas, D. (2018), "An online color naming experiment in Russian using Munsell color samples", *Color Research & Application*, 43 (3), 358-374.

Persaud, K. et al. (2021), "Evaluating recall error in preschoolers: Category expectations influence episodic memory for color", *Cognitive psychology*, 124, 101357-101424.

Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (1999), *The notion of "concept" in linguistic research*, VGU, Voronezh, Russia (in Russ.).

Rhodes, P. A. (2002), "Colour notation systems", in Green, Ph., MacDonald, L. (ed.), *Colour Engineering*, John Wiley, Chichester, UK, 307-331.

Safuanova, O. V. (1994), "Forms of color representation in subjective experience", Abstract of the Ph.D. dissertation, Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia (in Russ.).

Wartofsky, M. W. (2012), *Modeli. Re-prezentatsiya i nauchnoe ponimanie* [Models: Representation and Scientific Understanding], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Zabrodin, Yu. M., Potemkina, O. F. and Rubakhin, V. F. (1986), "Layered model of human information processing", in Lomov, B. F. and others (ed.), *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology], Nauka, Moscow, Russia, 27-34 (in Russ.).

Zeileis, A., Fisher, J. C., Hornik, K., Ihaka, R., McWhite, C. D., Murrell, P., Stauffer, R. and Wilke, C. O. (2020), Colorspace: A Toolbox for Manipulating and Assessing Colors and Palettes, *Journal of Statistical Software*, 96 (1), 1-49. DOI: 10.18637/jss.v096.i01

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Нанкевич Алёна Анваровна, аспирант социологического факультета, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, д. 4, г. Смоленск, 214000, Россия; alena.nankevitch@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Alyona A. Nankevich, Postgraduate Student, Faculty of Sociology, Smolensk State University, 4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia; alena.nankevitch@yandex.ru

УДК 130: 2

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-7

Чеснокова Л. В.

**Утрата информационной приватности в социальных сетях
и проблема коллапса контекста**

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, пр. Мира, д. 55а, г. Омск,
644077, Россия; L.Tchesnokova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности нового типа коммуникации в социальных сетях, предоставляющих возможность интерактивного общения и самопрезентации перед широкой аудиторией. Актуальную проблему социальных сетей создает тот факт, что за попытку получить общественное признание пользователю приходится платить информационной приватностью – утратой контроля над доступом к своим личным данным. В отличие от раннего периода развития интернет-пространства, для которого была характерна анонимность, сейчас приходится все чаще выступать под настоящим именем. Социальные сети поощряют готовность делиться информацией о себе, однако, в отличие от офлайн-общения, когда человек взаимодействует с ограниченным количеством людей, видит их реакцию и ориентируется на контекст коммуникации, в социальных сетях зачастую возникает ситуация коллапса контекста: намеренное или случайное смешение разнородных сегментов аудитории, что может привести к недопониманию и конфликтам. В силу технических особенностей социальных сетей происходит размывание границ пространства и времени, когда заархивированный контент неожиданно всплывает в настоящем с непредсказуемыми для индивида последствиями. Следовательно, несмотря на такие преимущества коллапса контента, как возможность создавать «слабые связи» – контакты в широких социальных кругах, пользователям сетей следует соблюдать определенную осторожность при раскрытии личной информации.

Ключевые слова: социальные сети; самопрезентация в социальных сетях; коммуникация в социальных сетях; информационная приватность; контекст коммуникации; коллапс контекста

Для цитирования: Чеснокова Л. В. Утрата информационной приватности в социальных сетях и проблема коллапса контекста // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 94-105. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-7

L. V. Chesnokova

**Loss of information privacy in social networks and the problem
of context collapse**

Dostoevsky Omsk State University, 55a Mira Ave., Omsk 644077, Russia; L.Tchesnokova@mail.ru

Abstract. The article describes the features of a new type of communication in social networks, which provide an opportunity for interactive communication and self-presentation to a wide audience. An urgent problem of social networks is the fact that

in an attempt to gain public recognition the user has to pay for information privacy – the loss of control over access to their personal data. In contrast to the early period of the development of the Internet space, which was characterized by anonymity, nowadays it is necessary to appear more and more often under the real name. Social networks encourage the willingness to share information about oneself, but unlike offline communication, where one interacts with a limited number of people, sees their reactions and is guided by the context of communication, in social networks there is often a situation of context collapse: an intentional or accidental mixing of heterogeneous audience segments, which can lead to misunderstanding and conflicts. As a result of the technical features of social networks, the boundaries of space and time are blurred, when the archived content unexpectedly pops up in the present with consequences unpredictable for the individual. Therefore, despite the benefits of content collapse, such as the ability to create "weak ties" – contacts in wider social circles, users should exercise some caution when disclosing personal information.

Key words: social networks; self-presentation on social networks; social media communication; informational privacy; context of communication; collapse of the context

For citation: Chesnokova L. V. (2022), "Loss of information privacy in social networks and the problem of context collapse", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 94-105, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-7

В последние десятилетия наблюдается широкое распространение социальных сетей как нового коммуникативного пространства. Технологии Web 2.0 не только позволяют пользователю выступать в качестве читателя, но и предоставляют возможность интерактивной коммуникации. Социальные платформы предлагают всем желающим как проявить и продемонстрировать собственную индивидуальность, так и реализовать человеческую потребность в сопричастности, в принадлежности к социальной общности.

Социальные сети являются одним из наиболее популярных интернет-ресурсов. Согласно опросу ВЦИОМ, опубликованному 23 сентября 2021 г., «среди российской аудитории социальных сетей и мессенджеров почти каждый третий (29 %) тратит на них более трех часов в день (72 % среди 18-24-летних), 16 % – от двух до трех часов, 25 % – один-два часа в день, 19 % – полчаса, а 9 % – менее получаса»¹.

Социальные сети как площадка для самопрезентации индивида

Стремление к демонстрации себя, своего Я является психологической потребностью в современном индивидуалистическом обществе. Желание социального резонанса проявляется в стремлении представить себя публике путем участия в различных ток-шоу, реалити-шоу и других форматах интерактивных медиа. По мнению М. Альтмайера, целью участия в таких мероприятиях является самопрезентация, самораскрытие в обмен на социальное признание. Люди хотят социальной видимости как значимой части собственной идентичности. «Я видим, следовательно, я существую» (Altmeyer, 2012: 147). Если раньше возможность продемонстрировать себя широкой публике была доступна только для богатых и знаменитых, то сейчас социальные сети предоставляют всем желающим

¹ Медиапотребление и активность в интернете. Аналитический обзор [Электронный ресурс]. URL: [https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete)

[obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete) (дата обращения: 10.03.2022).

такую возможность. «Глобальная сеть позволяет обрести множество способов самовыражения, начиная от символического (разместить картинку на “стене” друга) до предельно конкретного (выразить эмоции словами)» (Карпова, Моница, 2018: 159).

Социальные сети сами поощряют делиться личной информацией: указывать настоящее имя, возраст, учебное заведение или место работы, хобби, события в личной жизни, дружеские связи, а также демонстрировать фотографии различных событий: семейных встреч, путешествий и т. п. Самораскрытие является важным компонентом поддержания отношений. Как утверждает Дж. Витак, «для получения доступа к всеобщему социальному капиталу, ресурсам (например, новым возможностям, новой информации), люди должны быть готовы раскрывать свои данные в сети» (Vitak, 2012: 452). В результате человек на протяжении длительного времени добровольно выкладывает о себе множество личной информации, на основе которой можно составить впечатление о нем. Жизнь в социальных сетях открыта и доступна для всех желающих. Новый канал коммуникации дал «возможность увидеть мир других, что вызвало интерес к чужому повседневному опыту, к многообразным практикам и стилям жизни, в том числе и к самым интимным, сокровенным ее сторонам» (Дроздова, 2019: 175).

Если Интернет 1990-х годов (Web 1.0) выступал в основном как хранилище информации, то с появлением блогов и социальных сетей коммуникация в современной интернет-среде (Web 2.0) стала интерактивной. Пользователи получили возможность выступать не только в роли пассивных потребителей информации, но и в качестве ее создателей и распространителей. В современных сетях приходится все чаще выступать под настоящим именем. Анонимные пользователи «вызывают подозрение как потенциальные источники информационных “вбросов” и “фейков”, анонимность приравнивается к стремлению уйти от ответственности. Сохранять анонимность в

современном Интернете становится практически невозможным – пользователь связан с целым набором различных цифровых идентификаторов: IP-адресов, цифровых подписей, логинов и паролей» (Труфанова, 2021: 20-21), что упрощает идентификацию личности.

Кроме того, в связи со стремлением к самопрезентации, к демонстрации своего «Я», «построение виртуального образа, наделенного реальными чертами, активизирует рефлексивность личности. Анонимность, равно как игры идентичностей, в социальных сетях возможны, но неактуальны» (Гримов, 2013: 61). Сегодняшние социальные сети совмещают в себе возможность личного общения и трансляцию своих мыслей на широкую и разнородную аудиторию.

Еще до возникновения современных телекоммуникационных технологий человеческие отношения и взаимосвязи в обществе понимались как социальные сети, в которых происходил обмен ресурсами и социальным капиталом между отдельными узлами сети. Чем больше размер сети и активнее связи, тем больше капитала в ней циркулирует. Социальная сеть – это «устойчивые социальные структуры, в которых их члены (акторы) взаимосвязаны, дополняют друг друга, обмениваются ресурсами и взаимодействуют с целью удовлетворения общих интересов и потребностей» (Шаповалова, 2013: 134).

В информационную эпоху возникает новый тип пространства: «пространство потоков». М. Кастельс определяет потоки как «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» (Кастельс, 2000: 386). Через виртуальные социальные сети распространяется поток капитала, идей, информации, происходит обмен товарами и услугами. В социальных сетях можно завязать новые зна-

комства, найти единомышленников, разделить с кем-то свои интересы и эмоции, получить доступ к информации и знаниям.

В результате глобальной распространённости виртуальных социальных сетей возникло сетевое общество, «структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий» (Кастельс, 2016: 41). Сети изменили наше общение и взаимодействие с другими людьми, выходя за границы пространства и времени.

Опасность утраты информационной приватности в социальных сетях

Цифровая революция принесла с собой беспрецедентные возможности для получения информации, общения с другими людьми, проведения досуга. Однако новые коммуникационные технологии не только предоставляют новые возможности, но и несут определенные проблемы. Возникает опасность размывания границ между приватной и публичной сферами в интернет-пространстве. С развитием технологий произошли глобальные перемены в обращении с информацией, которая собирается, передается, обрабатывается и хранится в цифровом виде. «Иногда информация остается актуальной в течение многих лет, в отдельных случаях она была открыта для публичного распространения, но позже у автора возникло желание дистанцироваться от нее» (Кравчук, 2016: 233). Все «цифровые следы» сохраняются в Интернете и становятся доступными как для государственных и коммерческих структур, так и для частных лиц.

Современный человек платит разглашением личной информации в соцсетях за возможность быть «увиденным» другими. «Один из главных абсурдов массового общества, общества, основанного на засилье прессы, телевидения и Интернета, – это добровольный отказ от privacy. В своей крайней форме отказ от privacy (а значит, и от сдержанности, вплоть до потери стыда)

граничит с патологией, с эксгибиционизмом» (Эко, 2007: 60).

Пользователи социальных сетей добровольно делятся интимной информацией, что может привести к утрате информационной приватности. Б. Рёслер определяет информационную приватность как право индивида контролировать доступ к своим личным данным. Индивид стремится иметь возможность контролировать то, что другие знают о нем. «Он должен иметь хорошо обоснованные предположения о том, какую информацию индивиды или институты, с которыми он имеет дело, имеют о нем, и действовать в соответствии с этими предположениями» (Rössler, 2018: 291). Контроль над знанием о собственной жизни, то есть возможность осознанно демонстрировать одни аспекты личности и скрывать другие, обеспечивает безопасность жизни в социуме.

Социальные сети характеризуются размыванием публичного и приватного пространства, так что приватная жизнь пользователя становится достоянием общестственности, а его личные данные – частью агрегированной базы данных. «В результате большого количества институтов, которые собирают информацию, уже невозможно осуществлять контроль над собственными личными данными. Прослушивание, видеоконтроль в публичных местах, сбор данных о потенциальных клиентах – все это становится привычным для современного человека» (Чеснокова, 2021а: 154).

Отказ от информационной приватности может привести к тому, что человек лишится своей свободы и независимости. Эта утрата приватности может быть и добровольной – когда человек в обмен на социальное признание в виде просмотров и «лайков» в социальных сетях делится интимными подробностями своей жизни. Однако проблема коммуникации в интернет-пространстве заключается в том, что зачастую люди не осознают, насколько приватными или публичными оказываются их действия и какую реакцию они вызовут у аудитории.

Управление впечатлениями в процессе коммуникации

Как социальное существо человек по-разному действует в разных социальных ситуациях. В одной сфере подчеркиваются одни аспекты личности, в другой – другие. Разным аудиториям человек предлагает разные версии себя. Присутствие других влияет на наше социальное поведение. Например, язык, который мы используем, меняется в зависимости от того, с кем мы разговариваем: с друзьями, коллегами, детьми и т. д. Успешно социализированный индивид умеет мгновенно оценивать ситуацию и собеседников, а также свой образ в глазах окружающих, постоянно корректируя свое поведение, чтобы соответствовать социальному контексту.

Каждый человек совершает ежедневно множество социальных взаимодействий, в которых он стремится самостоятельно управлять информацией о себе. В каждом из таких контактов, по словам Э. Гофмана, он разыгрывает так называемую «линию поведения», то есть «паттерн вербальных и невербальных актов, через которые выражается его видение ситуации и тем самым – оценка им участников контакта» (Гофман, 2009: 18). Придерживаясь определенной линии поведения, человек представляет соответствующее социальному контексту «лицо» – социально одобряемую версию самого себя. Гофман определяет лицо как «образ себя, описываемый на языке одобряемых социальных характеристик» (Гофман, 2009: 18). Лицо указывает на степень, в которой предоставленная индивидом о себе информация остается внутренне непротиворечивой и поддерживается окружающими в процессе коммуникации.

Самопрезентацию в процессе коммуникации Гофман называет «поддержанием лица». Когда мы сохраняем наше лицо, это означает, что наша линия поведения остается последовательной и подкрепляется суждениями и поведением других участни-

ков. Линия поведения принимает легитимную и институционализированную форму. Однако в ситуации социальной коммуникации существует опасность потери лица, что может привести к долгосрочным негативным последствиям для репутации, а также вызвать такие чувства, как смущение, гнев, стыд и страх. Человек испытывает негативные эмоции из-за неспособности сохранить желаемый образ себя и привычный ситуационный контекст.

Как правило, в повседневной жизни наша коммуникация сегментирована, разделена на несколько групп: «коллеги», «друзья», «родители», «работодатель» и т. п. С каждой группой мы общаемся по-разному в зависимости от контекста. В ситуациях лицом к лицу люди, как правило, могут управлять представлением о себе в зависимости от контекста и аудитории. Однако в социальных сетях, интегрирующих общение множества людей из самых разных социальных сред, процесс управления самопрезентацией претерпевает изменения. Размывание границ в виртуальном общении потенциально подвергает людей риску того, что эти разнородные группы превращаются в одинаковых «френдов», что усложняет управление впечатлениями. Пользователи социальных сетей испытывают затруднения, когда они «делятся друг с другом слишком личной информацией, используя навыки, разработанные в офлайн-общении, и им трудно найти грань между тем, что является приватным, и тем, что является публичным» (Wexler, Yu, Bridson, 2018: 6).

Встречи в общественных местах, публичные мероприятия, такие как свадьбы или похороны, также порой представляют собой площадку для смешения разнородных аудиторий, когда сталкиваются люди из разных социальных кругов. Однако наибольшее распространение это явление получило в социальных сетях, что связано с их особенностями: предоставлением единой площадки для общения людей из разных географических, социальных, возрастных групп, что порой вызывает проблемы,

связанные с непониманием участников коммуникации друг друга.

Коммуникативный контекст в офлайн- и онлайн-общении

Человек может осознанно и произвольно менять свой стиль поведения в зависимости от ситуации, приспосабливаясь к своему окружению и к определенной ситуации общения – контексту. «Люди общаются друг с другом с помощью разных социальных ролей и функций, каждый раз конструируя свою идентичность, специфическую для конкретной ситуации. Любая социальная ситуация влечет за собой разные нормы самопрезентации» (Gil-Lopez et al., 2018: 128-129). В условиях социального взаимодействия необходимо учитывать контекст, то есть коммуникативную ситуацию, включающую место и время, а также другие факторы, позволяющие правильно интерпретировать слова и действия участников. Потеря контекста коммуникации может привести к недопониманию между собеседниками из-за неверной интерпретации высказываний участников общения.

Контекстуализация – «форма социального действия, которая совместно выполняется людьми с привлечением имеющихся ресурсов и учетом нормативных ожиданий в отношении определенных форм социального действия» (Szabla, Blommaert, 2017: 21). Эта способность является гибкой и динамичной, позволяя нам приспосабливаться к самым разнообразным формам общения. Участники социального взаимодействия в конкретной коммуникативной ситуации пользуются «подсказками контекстуализации». «Такие подсказки существуют во всех формах коммуникации и проявляются как выбор языка, регистра, стиля, жанра, позы тела, жестов, выражения лица и глаз, взаимодействия в устной речи. В письменном общении, например, в социальных сетях, наряду с языковым разнообразием, играют роль аббревиатуры, сленг, смайлики и т. п.» (Szabla, Blommaert, 2017: 11).

Эти контекстуальные подсказки навязывают различные нормативные модели

поведения. В ситуации общения люди, зачастую даже не знакомые друг с другом, выстраивают, соблюдают и контролируют правила взаимодействия для поддержания социального порядка. Если происходит нарушение норм общения, участники коммуникации испытывают дискомфорт. Во избежание дискомфорта нарушителям делают замечания или же вовсе исключают их из общения. «При этом у субъектов могут активизироваться самые неожиданные контексты и формироваться непредсказуемые конфликты и мотивы, влияющие на поведение этих социальных субъектов» (Наумова, 2015: 44). В процессе коммуникации происходит сложная игра смыслов, постоянное маневрирование в системе взаимодействий между участниками. Имеются определенные нормативные ожидания от участников коммуникации, которые должны придерживаться определенных норм и правил поведения.

В ситуации лицом к лицу отправитель сообщения может адаптировать свой дискурс к ожиданиям получателя и общим социальным нормам. Однако в социальных сетях пользователь не знает точно, к каким именно социальным нормам он должен адаптироваться. Публичный характер многих сообщений делает невозможным их адаптацию для потенциально огромной аудитории. Таким образом, пользователь сетей стремится сделать свое сообщение отвечающим требованиям его воображаемой аудитории. Кроме того, «учитывая такие особенности сетей, как их доступность, постоянство существования и архивируемость контента, следует принимать во внимание как настоящие, так и будущие контексты и аудитории» (Guerrero-Solé, Suárez-Gonzalo, Rovira, Codina, 2020: 5).

Если в офлайн-общении человек имеет дело с ограниченным кругом знакомых, в онлайн-коммуникации его сообщения становятся известны неограниченно широкому кругу лиц. Люди, которых пользователь добавил в «друзья», обычно могут видеть все содержимое его страницы. В зависимости от настроек приватности лица,

не входящие в группу «друзей», также могут видеть контент пользователя, например, когда кто-то публикует его в общедоступной группе. Когда человек хотя бы приблизительно представляет себе, с кем имеет дело, визуально определяя возраст, пол, уровень образования, социальный статус и прочее, он может адаптировать свое коммуникативное поведение под социальные нормы и ценности той или иной группы, для того чтобы соответствовать социальному контексту.

В офлайн-общении мы имеем дело с более социально и культурно однородной аудиторией. Следовательно, если в офлайн-коммуникации, когда наши высказывания направлены на ограниченный круг пользователей, проще оценить обстановку, в социальных сетях это не так. Те модели поведения, которые подходят для одного социального контекста, могут быть неправильно восприняты в другом.

Еще одна особенность социальных сетей, способствующая коллапсу контекста, — это ее технические характеристики, которые размывают временные границы. В отличие от обычно анонимных социальных сетей в Интернете 1990-х годов, характеризующихся использованием псевдонимов и свободой коммуникации, современные профили в социальных сетях часто не анонимны. Многие пользователи социальных сетей в течение многих лет ведут хронику своей жизни в Интернете. Поскольку «Интернет помнит все», цифровые следы, связанные с их прошлой идентичностью, доступны в течение многих лет их друзьям и знакомым. Большинство сетей делают пользовательский контент постоянным и доступным для поиска, так что его можно восстановить в любой момент. Следствием этого является то, что информация может изменить свое значение при употреблении ее вне контекста, когда она была создана.

В частности, молодые люди, которые выросли в эпоху социальных сетей, могут столкнуться с тем, что их жизнь отмечена практиками самопрезентации в социальных

сетях с ранней юности до взрослого возраста. Однако, «поскольку идентичность не является полностью неизменной во времени, можно предположить, что пользователи станут опасаться последствий демонстрации своей жизни в социальных сетях» (Brandtzaeg, Lüders, 2018: 1-2). Заархивированный в социальных сетях контент может повлиять на сегодняшнюю жизнь пользователя.

В то время как большая часть событий, происходящих в реальном мире, со временем забывается окружающими, социальные сети архивируют и хранят всю когда-либо опубликованную информацию. Функция поиска прошлого контента может вызвать к жизни прошлые события. Например, фотография, размещенная в социальных сетях, может быть переиздана и прокомментирована другими людьми много лет спустя. Социальные сети способствуют размыванию времени и путанице прошлого и настоящего, в результате чего пользователи не могут контролировать доступ к старой информации о себе. Всегда есть возможность того, что цифровые следы прошлого случайно и непредсказуемо всплывут в настоящем как в результате целенаправленных поисков в архивах, так и благодаря алгоритмам сетей.

Отсюда берет начало идея «права на забвение» (англ. “right to be forgotten”), согласно которой люди должны иметь возможность вести свою жизнь без потенциальной стигмы, которая может быть связана с их прошлыми действиями. В целях предотвращения негативных последствий, связанных с хранением личной информации, Совет Европы и ЕС приняли правила, регулирующие хранение и изъятие информации о личных данных. В деле *Google vs Spain*, рассмотренном Судом ЕС, было предусмотрено «право субъекта информации и обязательство держателя информации уничтожать информацию, как только она перестает быть необходимой в целях, в которых она была сохранена» (Кравчук, 2016: 233).

Ситуации коллапса контекста в социальных сетях

В наибольшей степени беспокойство относительно информационной приватности связано с особенностями социальных сетей, когда в коммуникации участвует гораздо более обширная и разнородная аудитория, нежели в офлайн-общении. Это явление зачастую приводит к непониманию и конфликтам. В результате возникают проблемы, вызванные неправильными представлениями человека об аудитории, с которой он взаимодействует, перенося свои ожидания, связанные с общением с одним человеком или группой знакомых ему людей, на большую и неизвестную ему аудиторию.

Хотя пользователи зачастую действуют так, будто они обращаются к ограниченному, известному им кругу лиц, на самом деле в социальных сетях они обращаются к потенциально безграничной и неизвестной им аудитории. Более того, эти аудитории, как фактические, так и потенциальные, охватывают сразу несколько социальных сцен пользователя, обычно сегментированных в офлайн-пространстве.

Слияние множества разнородных аудиторий в одну, когда информация, рассчитанная на определенный сегмент аудитории, попадает в поле внимания другой аудитории, получило название «*коллапс контекста*». Коллапс контекста означает, что люди, информация и нормы из разных окружений сливаются в один контекст. В ситуации коллапса контекста происходит смешение нескольких различных аудиторий, и люди из разных контекстов сливаются в единую группу.

Индивид может принимать решения об опубликовании приватной информации, основываясь на неверных ожиданиях от своей аудитории. Конечно, на поведение пользователя в социальных сетях влияют многие факторы. Например, исследования показывают, что «более замкнутые и сдержанные люди воспринимают в качестве приватной большее количество информа-

ции и не делятся ею так активно в социальных сетях, как открытые общительные люди. Члены семьи и семейные традиции касательно сохранения приватности также влияют на индивидуальные решения об открытости в сети. Люди, которых больше беспокоит слежка в медиа, менее открыты в распространении информации» (Beam, Child, Hutchens, Hmielowski, 2017: 7).

Как полагают Дж. Л. Дэвис и Н. Юргенсон, существует два основных типа коллапса контекста: *context collusions* и *context collisions*. Ключевое различие между ними заключается в намеренности или непреднамеренности размывания коммуникативных границ. Ситуации *context collusions* (от англ. collusion – тайный сговор) считаются преднамеренными. Другими словами, конфликт контекста происходит, когда акторы намеренно объединяют различные контексты. *Context collusions* – «это процесс, когда социальные акторы намеренно разрушают, размывают и выравнивают контекст, особенно с использованием различных социальных медиа» (Davis, Jurgenson, 2014: 5). Примером *context collusions* в офлайн-общении может быть свадьба, на которой целенаправленно объединяются разные социальные круги. В Интернете *context collusions* наблюдается на сайтах социальных сетей, где можно создать пост, чтобы привлечь внимание различных социальных групп. Например, пользователи Facebook, которые намеренно публикуют в своей учетной записи информацию о разрыве отношений с партнером, дают сведения о ситуации, о которой в противном случае их подписчики не узнали бы.

Такой вид коллапса контекста, как *context collisions* (от англ. collisions – столкновение интересов, коллизия, противоречие), считается непреднамеренным. *Context collisions* «относятся к тем случаям, когда контексты объединяются без каких-либо усилий со стороны актора, а иногда и без ведома актора с потенциально хаотическим результатом» (Davis, Jurgenson, 2014: 6). *Context collisions* онлайн наблюдается в случае, когда кто-то подшучивает над

своим знакомым, не осознавая, что тот это тоже слышит. В Интернете примером *con-text collisions* является случай, когда пользователь публикует некую новость, предназначенную для его аудитории, и в результате ретвитов она получает известность в тех кругах, для которых это сообщение не предназначалось.

Социальные сети сами вносят вклад в коллапс контекста. Как отмечают исследователи, сами пользователи не являются владельцами контекста, но он определяется текущими отношениями между различными игроками, которые создают корпоративную платформу. «Сюда входят не только коммуникаторы, но также и владельцы платформ социальных сетей, спонсоры, информационные брокеры, майнеры данных, агрегаторы данных и регуляторы платформ. Социальные сети приглашают и стимулируют различных участников к созданию контента на этих платформах» (Wexler, Yu, Bridson, 2018: 2).

Преимущества коллапса контекста и стратегии снижения рисков

Несмотря на то что наличие гетерогенной аудитории в социальных сетях затрудняет возможность контроля над информацией, для пользователей существуют определенные выгоды наличия разнородных групп знакомых. Сюда можно отнести: «увеличение социального капитала, более простое установление новых связей, возможность донести свою точку зрения в разных кругах общества, более полное удовлетворение информационных потребностей, расширение социального опыта и кругозора» (Чеснокова, 2021б: 62-63).

Процесс самопрезентации и активное взаимодействие с другими пользователями служат поддержанию отношений и обеспечивают доступ к многочисленным ресурсам сетей. Согласно концепции М. Грановеттера, наличие большого количества поверхностных знакомств, то есть «слабых связей», с большей вероятностью предоставит людям дополнительные ресурсы социаль-

ного капитала. Косвенные контакты связаны с индивидами, с которыми сам субъект не имеет отношений. Следовательно, «они являются каналами, по которым к субъекту попадают социально удаленные от него идеи, влияние или информация. Чем меньше у субъекта не прямых контактов, тем более ограниченными будут его знания о мире, находящемся за пределами его дружеского круга» (Грановеттер, 2009: 41).

Коллапс контекста и разрушение социальных границ могут быть полезными для пользователя. Слабые связи важны для получения доступа к широкой информации, например, об имеющихся вакансиях при поиске работы. «В ситуации коллапса контекста происходит взаимодействие людей из разных сред и социальных кругов, что может способствовать установлению новых связей или удовлетворению имеющихся информационных потребностей» (Vitak, 2012: 465).

Однако чем разнообразнее может быть потенциальная аудитория, тем большие усилия и осознанность должен прикладывать отправитель сообщения. К числу стратегий преодоления проблем с приватностью можно отнести следующие действия:

- осторожность в высказываниях, заключающаяся в том, что люди осознанно ограничивают себя в выражениях и пишут в расчете на то, что любое их высказывание может стать публичным;
- самоцензура, когда пользователи отказываются публиковать потенциально опасный контент;
- ограничение доступа незнакомых пользователей, настройки приватности;
- сегментация аудитории: разделение всей аудитории на более мелкие и узкоспециализированные группы адресатов («друзей», «коллег» и т. п.);
- использование нескольких учетных записей для общения с разными сегментами аудитории;
- использование псевдонимов и фейковых аккаунтов для того, чтобы скрыть свою настоящую личность.

Таким образом, социальные сети, получившие широкое распространение в последние десятилетия, превратились в одну из важнейших площадок для коммуникации, предлагая возможности самопрезентации для всех желающих. Однако за шанс получить социальное признание пользователи социальных сетей зачастую вынуждены платить своей приватностью. В социальных сетях происходит утрата контроля над личными данными. Пользователь утрачивает возможность самостоятельно управлять информацией о себе. Слияние разнородных аудиторий в социальных сетях приводит к коллапсу контекста. При этом информация, предназначенная для определенного сегмента аудитории, становится известной всем, что может привести к непредсказуемым последствиям. Хотя возможность общения с разнородной аудиторией позволяет создавать «слабые связи» и увеличивает социальный капитал, потенциальная опасность коллапса контекста, размывания публичности и приватности и утраты контроля доступа к личным данным требует при размещении информации в социальных сетях соблюдать определенную осторожность.

Литература

Гофман, Э. Ритуалы взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ. под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. 319 с.

Грановеттер, М. Сила слабых связей / пер. с англ. З.В. Котельниковой // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31-50.

Гримов, О.А. Самопрезентация личности в социальных сетях // Социология. 2013. № 2. С. 59-66.

Дроздова, А.В. Новая темпоральность повседневных практик в онлайн-коммуникации // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 4 (109). С. 173-177.

Карпова, М.К., Мони́на, М.А. Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6 № 1 (21). С. 158-167 [Электронный ресурс]. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/karpova_mk_monina_ma_18_1_25.pdf (дата обращения: 06.01.2022).

Кастельс, М. Власть коммуникации / пер. с англ. А.И. Черных. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. 564 с.

Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2000. 608 с.

Кравчук, Н.В. Право на забвение: Интернет и проблема прав человека // Россия и современный мир. 2016. № 2 (91). С. 231-238.

Наумова, Е.В. О сущности контекста социальной коммуникации // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 1 (44-45). С. 33-38.

Труфанова, Е.О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. No. 1. С. 14-38.

Чеснокова, Л.В. Информационная приватность: защита свободы и автономии личности // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 2. С. 145-157.

Чеснокова, Л.В. Коллапс контекста и размывание публичности и приватности в социальных сетях // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 4. С. 51-68.

Шаповалова, Т.В. Соціальні мережі – детермінант соціального капіталу // Науковий вісник: Фінанси, банки, інвестиції. 2013. № 3. С. 131-135.

Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / пер. с итал. Е. Костюкович. М.: Эксмо, 2007. 592 с.

Altmeyer, M. Das Selbst im Blick des Anderen – die Modernisierung der Psyche // Der (un)durchsichtige Mensch. Wie weit reicht der Blick in die Person (hrsg. von C.R. Bartram). Heidelberg: Winter, 2012. S. 129-149.

Beam, M., Child, J., Hutchens, M.J., Hmielowski, J.D. Context collapse and privacy management: Diversity in Facebook friends increases online news reading and sharing // New media & society. 2017. June 2017. Pp. 1-19. DOI: 10.1177/1461444817714790.

Brandtzaeg, P.B., Lüders, M. Time Collapse in Social Media: Extending the Context Collapse // Social Media + Society. 2018. January-March. Pp. 1-10. DOI: 10.1177/2056305118763349.

Davis, J.L., Jurgenson, N. Context collapse: theorizing context collusions and collisions // Information, Communication & Society. 2014.

March. Pp. 1-12.
DOI:10.1080/1369118x.2014.888458.

Guerrero-Solé, F., Suárez-Gonzalo, S., Rovira, C.; Codina, L. Social media, context collapse and the future of data-driven populism // *Profesional de la información*, 2020. Vol. 29. No 5. Pp. 1-12 [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.3145/epi.2020.sep.06> (дата обращения: 10.03.2022)

Gil-Lopez, T., Shen, C., Benefield, G.A., Palomares, N.A., Kosinski, M., Stillwell, D. One size fits all: Context collapse, self-presentation strategies and language styles on Facebook // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2018. No. 23. Pp. 127-145. DOI: 10.1093/jcmc/zmy006.

Rössler, B. *Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben*. Berlin: Suhrkamp, 2018. 443 s.

Szabla, M., Blommaert, J. Does context really collapse in social media interaction? // *Tilburg Papers in Culture Studies*. 2017. Paper 201 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tilburguniversity.edu/sites/default/files/download/TPCS_201_Szabla-Blommaert_2.pdf (дата обращения: 06.01.2022).

Vitak, J. The Impact of Context Collapse and Privacy on Social Network Site Disclosures // *Broadcast Education Association Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2012. No 56 (4). P. 451-470. DOI: 10.1080/08838151.2012.732140.

Wexler, M., Yu, Y., Bridson, Sh. Putting Context Collapse in Context // *Journal of Ideology*. 2018. Vol. 40. No. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://scholarcommons.sc.edu/ji/vol40/iss1/3> (дата обращения: 06.01.2022).

References

Altmeyer, M. (2012), "The self in the view of the other – the modernization of the psyche", *Der (un)durchsichtige Mensch. Wie weit reicht der Blick in die Person*, [The (un)transparent man. How far does the view reach into the person], Winter, Heidelberg, 129-149 (in Germ.).

Beam, M., Child, J., Hutchens, M. J. and Hmielowski, J. D. (2017), "Context collapse and privacy management: Diversity in Facebook friends increases online news reading and sharing", *New media & society*, June, 1-19, DOI: 10.1177/1461444817714790

Brandtzaeg, P. B. and Lüders, M. (2018), "Time Collapse in Social Media: Extending the

Context Collapse", *Social Media + Society*, January-March, 1-10, DOI: 10.1177/2056305118763349.

Castells, M. (2000), *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obschestvo, kul'tura* [The information age. Economy, society and culture], Translated by Shkaratan, O., HSE University Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Castells, M. (2016), *Vlast` kommunikatsii* [Communication power], Translated by Chernykh, A., HSE University Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Chesnokova, L. V. (2021a), "Information privacy: protecting freedom and individual autonomy", *The Digital scholar: Philosopher`s Lab*, 4 (2), 145-157 (in Russ.).

Chesnokova, L. V. (2021b), "Context collapse and blurring of publicity and privacy on social media", *The Digital scholar: Philosopher`s Lab*, 4 (4), 51-68 (in Russ.).

Davis, J. L. and Jurgenson, N. (2014), "Context collapse: theorizing context collusions and collisions", *Information, Communication & Society*, March, 1-12, DOI: 10.1080/1369118x.2014.888458.

Drozdova, A. V. (2019), "New temporality of everyday practices in online communication", *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 109 (4), 173-177 (in Russ.).

Eco, U. (2007), *Polnyi nazad! "Goryachiye voyny" i populism v SMI* [A passo di gambero: guerre calde e populismo mediatico], Translated by Kostyukevich, E., Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Gil-Lopez, T., Shen, C., Benefield, G. A., Palomares, N. A., Kosinski, M. and Stillwell, D. (2018), "One size fits all: Context collapse, self-presentation strategies and language styles on Facebook", *Journal of Computer-Mediated Communication*, 23, 127-145, DOI: 10.1093/jcmc/zmy006.

Goffman, E. (2009), *Ritualy vzaimodeystviya. Ocherki povedeniya litsom k litsu* [Interaction Ritual: Essays on face-to-face behavior], Translated by Bogomolova, N., Leontyev, D., Smysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Granovetter, M. (2009), "The Strength of Weak Ties", *Journal of Economic Sociology*, 10 (4), 31-50.

Grimov, O. A. (2013), "Self-presentation of personality in social networks", *Sociology*, 2, 59-66 (in Russ.).

Guerrero-Solé, F., Suárez-Gonzalo, S., Rovira, C. and Codina, L. (2020), "Social media, context collapse and the future of data-driven populism", *Profesional de la información*, 29 (5), 1-12, DOI: 10.3145/epi.2020.sep.06.

Karpova, M. K. and Monina, M. A. (2018), "Social networks as a special channel for self-presentation of an individual", *Science. Society. State*, 6 (1), 158-167, [Online], available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/karpova_mk_monina_ma_18_1_25.pdf (Accessed 6 January 2022) (in Russ.).

Kravchuk, N. V. (2016), "The Right to Be Forgotten: The Internet and the Human Rights Issue", *Russia and the contemporary world*, 2, 231-238 (in Russ.).

Naumova, E. V. (2015), "On the essence of the context of social communication", *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* [Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history], 1, 33-38 (in Russ.).

Rössler, B. (2018), *Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben* [Autonomy. An attempt on a successful life], Suhrkamp, Berlin (in Germ.).

Shapovalova, T. V. (2013), "Social media as a determinant of social capital", *Scientific Bulletin: finance, banking, investment*, 3, 131-135 (in Ukr.).

Szabla, M. and Blommaert, J. (2017), *Does context really collapse in social media interaction?* *Tilburg Papers in Culture Studies*, 201 [Online], available at: https://www.tilburguniversity.edu/sites/default/files/download/TPCS_201_Szabla-Blommaert_2.pdf (Accessed 6 January 2022).

Trufanova, E. O. (2021), "Private and public in the digital space: blurring the boundaries", *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3 (1), 14-38 (in Russ.).

Vitak, J. (2012), "The Impact of Context Collapse and Privacy on Social Network Site Disclosures" *Broadcast Education Association Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 56 (4), 451-470, DOI: 10.1080/08838151.2012.732140.

Wexler, M., Yu. Y. and Bridson, Sh. (2018), "Putting Context Collapse in Context", *Journal of Ideology*, 40 (1) [Online], available at: <https://scholarcommons.sc.edu/ji/vol40/iss1/3> (Accessed 6 January 2022).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Чеснокова Леся Владимировна, кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра социологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, пр. Мира, д. 55а, г. Омск, 644077, Россия; L.Tchesnokova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Lesya V. Chesnokova, PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Sociology, Dostoevsky Omsk State University, 55a Mira Ave., Omsk 644077, Russia; L.Tchesnokova@mail.ru

УДК 316.35

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-8

Ясников Н. Н.¹,
Гужавина Т. А.²

Связь социального капитала с коллективными действиями
в молодежной среде. Кейс Вологодской области

¹Вологодский научный центр РАН, ул. Горького, д. 56а, г. Вологда, 160014, Россия;
nyasnikov94@mail.ru

²Вологодский научный центр РАН, ул. Горького, д. 56а, г. Вологда, 160014, Россия;
tanja_gta@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи уровня социального капитала молодежи Вологодской области с их участием в коллективных действиях. За последние десятилетия исследования в области социального капитала получили большую распространенность в научной среде, однако охватившая мир пандемия коронавируса дополнительно актуализировала проблему изучения особенностей формирования социальных связей (которые являются основным источником социального капитала) и поиска источников нематериальных ресурсов помощи общественному организму. Информационной базой для проведения исследования послужил массовый опрос общественного мнения, проведенный Вологодским научным центром РАН. Для анализа данных использована индикаторная модель измерения социального капитала. В процессе исследования обнаружено, что пандемия заметно сказалась на уровне социального капитала не только населения области в целом, но и молодежи в частности. На момент проведения исследования ситуация с уровнем социального капитала начала постепенно выправляться, однако все еще не вернулась на доковидный уровень. Подтверждено существование заметной связи социального капитала с участием в коллективных действиях. Люди с высоким уровнем социального капитала заметно чаще готовы ко включению в коллективную деятельность и чаще находят единомышленников для организации совместных действий, в то время как обладатели низкого уровня социального капитала чаще склонны ожидать, что общественные проблемы решит кто-нибудь другой без их вовлечения. Люди с высоким уровнем социального капитала не только чаще говорят о готовности к коллективным действиям, но и заметно чаще отмечают конкретные случаи своего участия в коллективных действиях. По мере накопления респондентами социального капитала они все чаще включаются в коллективные действия по причинам, не связанным с личной заинтересованностью.

Ключевые слова: социальный капитал; коллективные действия; молодежь; молодежная среда; Вологодская область

Для цитирования: Ясников Н.Н., Гужавина Т.А. Связь социального капитала с коллективными действиями в молодежной среде. Кейс Вологодской области // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 106-123. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-8

N. N. Yasnikov¹,
T. A. Guzhavina²

**Bonds of social capital with collective action
in the youth environment. Case study of the Vologda region**

¹Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 56a Gorky St.,
Vologda 160014, Russia; nyasnikov94@mail.ru

²Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 56a Gorky St.,
Vologda 160014, Russia; tanja_gta@mail.ru

Abstract. This article presents the results of a study of the relationship between the level of social capital of young people in Vologda Oblast and their participation in collective actions. Over the past decades, research in the field of social capital has become more widespread in the scientific community, however, the coronavirus pandemic that has swept the world has additionally actualized the problem of studying the features of the formation of social ties (which are its main source) and finding sources of intangible resources to help the social organism. The information base for the study was a mass public opinion poll conducted by the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. An indicator model for measuring social capital was used to analyze the data. During the study, it was found that the pandemic had a significant impact on the level of social capital not only of the entire population of the region as a whole, but also of young people in particular. At the time of the study, the situation with the level of social capital began to gradually improve, but still has not returned to pre-Covid levels. The existence of a noticeable connection between social capital and participation in collective actions has been confirmed. People with a high level of social capital are noticeably more willing to engage in collective activities and more likely to find like-minded people to organize joint actions, while those with a low level of social capital are more likely to expect that someone else will solve social problems without their involvement. People with high levels of social capital are not only more likely to talk about their readiness for collective action, but they also notice specific cases of participation in real collective action much more often. While self-interest remains the most common motivator for participating in collective action, as respondents build up social capital, they increasingly engage in collective action for reasons unrelated to self-interest.

Keywords: Social capital; collective action; youth; youth environment; Vologda region

For citation: Yasnikov N. N., Guzhavina T. A. (2022), "Bonds of social capital with collective action in the youth environment. Case study of the Vologda region", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 106-123, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-8

Введение

В последнее время концепция социального капитала все более активно применяется в исследованиях научным сообществом, а охватившая мир пандемия коронавируса, заставляющая людей в том числе держать дистанцию, лишь сильнее актуализировала эту идею. Подступы к проблематике социального капитала можно обнаружить уже в творчестве таких ученых как

М. Вебер (Вебер, 1990) и П. Сорокин (Сорокин, 1992), затем их мысли подхвачены Дж. Коулманом (Коулман, 2001), Р. Патнемом (Putnam, 1994) и Ф. Фукуямой (Fukuyama, 1995). Социологический анализ идеи первым произвел П. Бурдьё, определив социальный капитал как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями

связей более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания или, другими словами, с членством в группе» (Bourdieu, 1983). Он же обосновал теоретическую возможность конвертации социального капитала в другие формы капитала. Бурдьё рассматривал концепцию социального капитала в контексте классового анализа и, по его мнению, она служила инструментом (одним из) описания процесса социального структурирования современного общества. Основную популярность работы Бурдьё получили в конце 80-х годов XX в., после публикаций результатов исследования Дж. Коулмана (Coleman, 1988). Американский социолог рассматривал социальный капитал как как сеть взаимосвязей, которые могут быть использованы в качестве инструментов для производства товаров и услуг, и трактовал социальный капитал как культурный потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностных отношениях – обязательствах и ожиданиях, информационных каналах и социальных нормах (Коулман, 2001).

Продолжая исследования Бурдьё, профессор Дюкского университета Э. Лин описывает социальный капитал как «инвестиции в социальные отношения с ожидаемой доходностью на рынке»; по мнению исследователя, «он должен быть определен как ресурсы, встроенные в социальные структуры, которые доступны и/или мобилизуются в целенаправленных действиях» (Lin, 2001). «Мировой банк» относит социальный капитал к институтам, отношениям и нормам, которые определяют качество и количество социальных взаимоотношений в обществе и называет его «социальным клеем», способным удерживать общество в его единстве (Woolcock, 2003). Сторонники реляционного подхода описывают социальный капитал как способность акторов мобилизовать свои социальные контакты для достижения ценных и значимых ресурсов (материальных, информационных, социальной поддержки, общественного влияния и др.) (Brunie, 2009).

Социальный капитал, его структуры и эффекты активно и многообразно изучаются исследователями. Работа Э. Остром показала, что те общества, в которых образовались высокие запасы социального капитала, эффективнее производят общественные блага (в частности, при управлении ресурсами общего доступа) (Ostrom, 2000). Экономическую значимость социального капитала измеряли С. Нэк и Ф. Кифер (Knack & Keefer, 1997), чье исследование обозначило основные направления для многих других работ в этой сфере. Связь кооперации в обществе со стандартами, предъявляемыми к поведению, изучал Г. Табеллини (Nannicini et al, 2010). Социологи университета Бригама Янга (Юта, США) выяснили, что внутрисемейный социальный капитал является одним из доминирующих факторов в формировании подросткового поведения (Dufur, 2015). Изучением влияния формирующегося в университетской среде социального капитала на развитие идентичности занимались Dorthе H. Jensen и Jolanda Jetten (Jensen, 2015). Одной из причин роста интереса к проблематике социального капитала можно считать широкое признание того, что его отсутствие или недостаток составляет препятствие на пути экономического развития, и в последние годы исследователи все чаще уделяют внимание проблемам изучения и использования социального капитала (Региональный социальный капитал в условиях кризиса, 2018: 67). В частности, Р. Патнэм именно социальным капиталом обосновывал ускоренное развитие Северной Италии в сравнении с югом (Putnam, 1994). Стоит отметить, что значительная часть эмпирических исследований подтверждает существование положительного влияния социального капитала в целом и его компонентов в частности на развитие регионов; можно сказать, что выдвигающиеся ранее различными авторами гипотезы о позитивном влиянии социального капитала на экономическое развитие оказались подтверждены (Panebianco, 2013). Социальный

капитал сказывается на экономическом росте как минимум в такой же степени, что и капитал человеческий, уже давно и прочно укоренившийся в статусе актуальной проблемы для исследования (Dasgupta, 2000; Grootaert, 2002; Whiteley, 2000).

При этом сам термин «социальный капитал», несмотря на повсеместную

научную популярность, на данный момент не имеет общепризнанной трактовки. В качестве иллюстрации обширности трактовок концепции социального капитала можно использовать таблицу, отражающую самые распространенные направления в определении понятия «социальный капитал» (табл. 1).

Таблица 1

Определения и толкования понятия социального капитала
в работах социальных исследователей 1980-х – 2010-х гг.

Table 1

Definitions and interpretations of the concept of social capital in the works of social researchers
in the 1980s – 2010s

Автор (организация), год публикации / Au- thor (organization), year of publication	Определение (объяснение) понятия «социальный капитал» / Definition (explanation) of the concept of "social capital"
П. Бурдье, 1980	Социальные связи, которые могут выступать ресурсом получения выгод.
С. Нэк и П. Кифер, 1997	Доверие, нормы кооперации и ассоциации внутри групп.
Д. Нарайан и Л. Притчет, 1999	Количество и качество ассоциональной жизни и связанные с этим социальные нормы.
М. Вулкок, 2001	Социальный капитал, в отличие от других его форм, не является исключительной характеристикой индивида, он, скорее, описывает отношения между людьми, в которые включен данный индивид.
Н. Лин, 2001	Ресурсы, содержащиеся в социальных сетях, получаемые и используемые акторами для действий.
Дж. Соубел, 2002	Обстоятельства, в которых индивиды могут использовать членство в группах и сетях, чтобы гарантировать достижение выигрышей.
П. Шихирев, 2003	Качество социальных связей, основной качественной характеристикой которых является этический уровень.
Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) (Коут, Хили, 2001)	Сети вместе с общими нормами, ценностями и пониманиями, которые облегчают сотрудничество внутри групп и между группами.
Мировой банк, 2005	Нормы и сети, которые способствуют коллективному действию.
Л. Полищук, 2010	Способность общества или сообществ к самоорганизации и совместным действиям.
Т. Гужавина, 2018	Социальный капитал – это своеобразный результат синергетического слияния, включенности, доверия и социальной ответственности населения.
Источник: Составлено авторами статьи по материалам научной периодики.	

Результатом большого количества подходов к определению сущности социального капитала становится соответствующее разнообразие приписываемых ему эффектов. Социологическая традиция изучения социального капитала описывает широчайший спектр открываемых им возможностей, начиная от индивидуальных благ, порождаемых крепкими семейными отношениями, заканчивая эксклюзивными клубными благами внутри закрытой сети торговцев алмазами (Рожков, 2009).

Анализируя подходы исследователей, изучающих социальный капитал, мы выделили следующие аспекты, которые, с нашей точки зрения, необходимо должны присутствовать при описании его как изучаемого феномена. В первую очередь, социальный капитал создается внутри социальных сетей, в которые включен человек (носитель/обладатель социального капитала), за счет взаимодействия доверия, норм и ценностей, разделяемых внутри этой сети. Во-вторых, проявлением действия социального капитала являются положительные внешние эффекты для членов рассматриваемых групп и сообществ. Хотя некоторые исследователи подходят к изучению социального капитала со стороны только одного из его атрибутов (сети, ценности или доверие), мы считаем, что исключение любого из трех составляющих его аспектов делает понятие не полным и не позволяет в полной мере раскрыть всю концепцию социального капитала.

Эмпирическая практика многократно подтвердила положительные эффекты социального капитала для экономического развития территорий западных стран, однако аналогичные исследования на территории посткоммунистических стран (в том числе России) фрагментарны и довольно плохо сопоставимы (Региональный социальный капитал в условиях кризиса, 2018: 93). Примером продвижения можно считать исследование Е. Трубежиной, показавшей связь социального капитала и показателей валового регионального продукта (ВРП) в российских регионах (Трубежина,

2012). Всеобъемлющего изучения социального капитала в России, исследования, которое позволило бы провести анализ в межрегиональном и(или) временном разрезе, на данный момент проведено не было. Социальный капитал не изучен на временных и географических уровнях, нет полноценной базы данных, позволяющей проводить изучение в разрезе регионов. Не достает и методик стандартизированного измерения социального капитала, позволяющих проводить подобные измерения. В совокупности все это говорит о нерешенности проблемы исследования роли социального капитала в социально-экономическом развитии регионов и отдельных локаций России. Дополнительно эта проблема актуализируется для Вологодского региона из-за его исторических и структурных особенностей. Имеющиеся исследования позволяют предположить высокую значимость фактора социального капитала для реализации антикризисной стратегии Вологодской области в целом, для ее отдельных (депрессивных) районов, для задачи трансформации моноиндустриальных городов (Череповец, Сокol), а в перспективе – для глубокой модернизации региона в рамках перехода к новому экономическому укладу. Таким образом, изучение проблематики социального капитала является не только актуальным направлением общенаучного поиска, но и возможным способом решения сугубо практических задач развития регионов России (Гужавина, 2018a).

Если говорить о разностороннем влиянии социального капитала на общественную жизнь, то наиболее широко распространено восприятие его внешних эффектов, затрагивающих экономическую сторону деятельности людей, например, снижение транзакционных издержек, преодоление бюрократических препон, дешевизна кредита и облегченный доступ к информации, инновациям, лучшим рабочим местам. Однако следует понимать, что список внешних эффектов социального капитала не ограничивается только этим, сюда же входят и снижение уязвимости, получение

помощи в случае неудачи, кризиса и иного форс-мажора, и такие эффекты на уровне общества, как повышение социально-политической стабильности, качества управления, общее оздоровление социальной ситуации, расширение возможностей сотрудничества, коллективных действий ради общей цели, положительное социальное самочувствие индивидов, снижение порога риска при принятии решений в условиях неопределенности (Региональный социальный капитал в условиях кризиса, 2018: 85).

В современной литературе упрочилась мысль о том, что социальный капитал помогает в решении проблем коллективных действий. Не в последнюю очередь это связано с тем, что само по себе понятие «социальный капитал» основано на идее возможности посредством социальных отношений предоставлять доступ к ценным ресурсам, что позитивно сказывается на микро-, мезо- и макроуровне (Региональный социальный капитал в условиях кризиса, 2018: 75). Исследования показывают, что социальный капитал положительно отражается на качестве таких общественных услуг, как образование и здравоохранение, на состоянии здоровья и репродуктивном потенциале, растет общественная безопасность, а также качество госуслуг и госуправления. Отдельные его элементы способны облегчать жизнь в разнородном обществе и способствовать толерантности и принятию различий (Uslaner, 2000).

Изучение коллективных действий, в том числе и в контексте темы социального капитала, активно проводится отечественными исследователями. Т.А. Гужавина рассматривала такую разновидность коллективных действий, как гражданское участие в качестве экстерналии социального капитала (Гужавина, 2019); она же провела и импликацию концепций социального капитала и коллективных действий (Гужавина, 2020). О коллективных действиях в современной России, в том числе в сети интернет, писал А.В. Соколов (Соколов, 2019). Особенности коллективных действий в некоммерческих организациях изучала

К.Е. Косыгина (Косыгина, 2021; Косыгина 2021a). Коллективные действия в гражданском обществе и особенности гражданского участия в гендерном и региональном аспектах рассматривала Ю.В. Уханова (Уханова, 2019; Уханова 2018). Именно подход Ю.В. Ухановой к определению коллективных действий представляется нам наиболее перспективным для исследований, поэтому мы придерживаемся именно этой трактовки. Говоря о коллективных действиях, исследователь пишет, что «социальные потребности и проблемы отдельных людей превращаются в общественные проблемы, которые нужно решать через совместную деятельность» (Уханова, 2021: 92), а под коллективными практиками гражданского участия подразумеваются «формальные/неформальные совместные действия, предпринимаемые общественными организациями и инициативными группами, индивидуумами с общими целями, направленные на решение общественной проблемы» (Уханова, 2021: 92). В разрезе коллективных действий установка на готовность к объединению отражает практическую значимость социального капитала. Объединение с другими (готовность и стремление к этому), позволяет актору получать социально значимые эффекты от реализации коллективных действий (Региональный социальный капитал в условиях кризиса, 2018: 153).

Социальный капитал – важный ресурс общества, его запасы позволяют легче преодолевать кризисы, а те регионы, которые испытывают его нехватку, менее защищены от неблагоприятного воздействия макроэкономических изменений (Региональный социальный капитал в условиях кризиса, 2018: 88). Принимая во внимание существование исследований, показывающих, что накопление социального капитала наиболее эффективно происходит именно в молодом возрасте, мы считаем особенно важным изучить, как именно связан социальный капитал с жизнью молодежи.

Социальный капитал формируется у человека на протяжении всей его жизни, а

старт самостоятельного формирования приходится на пору молодости, когда бывшие школьники отправляются во взрослую жизнь, поступая в средние профессиональные и высшие учебные заведения, где преподаватели требуют самостоятельности, а бремя ответственности за свои решения ложится на плечи самих обучающихся. Зачастую с поступлением в вузы молодые люди вынуждены покинуть родительский дом и переехать в другой город, что дополнительно актуализирует проблему самостоятельности, в том числе самостоятельного формирования связей, являющихся основным компонентом социального капитала. (Ясников, 2019). Отметим дополнительно тот факт, что изучение социального капитала молодежи как значительной социальной группы является актуальной исследовательской проблемой, регулярно притягивающей научный интерес (Гужавина, 2017).

Выявление его положительной связи с различными благоприятными аспектами жизнедеятельности молодежи показывает, что социальный капитал не только полезен в «отдаленной перспективе», но и проявляет свои положительные внешние эффекты относительно рано после своего накопления. Исследования связи социального капитала и такой разновидности коллективных действий, как гражданское участие в молодежной среде, также представлены в современной научной литературе (Ясников, 2021).

Если говорить непосредственно о самой молодежи как объектной стороне исследований, то использующиеся в современной отечественной науке три основных подхода к ее изучению были представлены профессором В.А. Луковым. Изучив и систематизировав теоретико-методологические основы классических теорий, сформировавшихся во второй половине XX века, он выделил три принципиально различающихся подхода к определению сущности молодежи: социально-психологический, субкультурный и стратификационный (Луков, 2012). В своей работе мы опираемся на выдвинутое в рамках стратификационного

подхода определение, данное В.Т. Лисовским, и рассматриваем молодежь как «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» (Лисовский, 2000).

Методика исследования

Основным методом измерения социального капитала выступает социологический опрос населения; в этом случае индикаторами служат ответы респондентов. Для измерения основных структурных компонентов социального капитала был разработан соответствующий инструментарий. В опроснике есть собственно индикаторные вопросы, ответы на которые позволяют выявить уровень социального капитала респондента. В инструментарий включены и другие вопросы, не входящие в перечень составляющих индикаторной модели, что дает возможность более глубоко изучить характеристики социального капитала и его обладателей, проанализировать условия формирования социального капитала и его социально значимые внешние эффекты. В статье использованы данные опроса, проведенного в 2021 году. Опрос проводился по репрезентативной многоступенчатой квотной выборке среди населения Вологодской области с соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов, при соответствии половозрастной структуры участников опроса половозрастной структуре взрослого населения городов и районов. Объем выборочной совокупности данного опроса составил 1550 респондентов старше 18 лет. В статье представлены результаты и выводы относительно молодежи, возрастной порог – до 30 лет.

При аналитической обработке данных применялась методика построения индикаторной модели, основанная на индексном

методе. Методика была разработана научным коллективом в ходе реализации проекта РФФИ «Региональный социальный капитал в условиях кризиса» и апробирована в ходе опросов в 2016 и 2017 годах и показала свою валидность (Региональный социальный капитал в условиях кризиса, 2018). В дальнейшем при реализации проекта «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» модель была подвергнута некоторой доработке. В нее были включены несколько дополнительных индикаторов, что позволило расширить аналитические возможности интегрального индекса.

При расчете интегрального индекса социального капитала (ИСК) используется более 40 показателей. Расчет идет по каждому респонденту. Полученный индекс дает возможность объединять их в группы по уровню накопленного социального капитала. Люди с самым низким индексом, характеризующим уровень социального капитала, которые при ответе на вопросы в основном выбирали позицию типа «не доверяю»/«не участвовал»/«никак не могу повлиять» и т.п., вошли в первую группу, которая была обозначена как обладатели минимального социального капитала (ИСК < 2. Условное обозначение: тип 1). Во вторую группу были включены респонденты с более высоким индексом, обозначенные как обладатели социального капитала низкого уровня (ИСК ≥ 2 и при этом < 2,5. Условно: тип 2). Третья группа объединила респондентов с социальным капиталом среднего уровня (ИСК ≥ 2,5 и < 3. Условно: тип 3). В четвертую группу вошли носители относительно высокого уровня социального капитала (ИСК ≥ 3 и < 3,5. Условно: тип 4). И респонденты с социальным капиталом высокого уровня, были отнесены к пятой группе (ИСК ≥ 3,5. Условно: тип 5).

Таким образом, чем больше в сообществе (регионе, городе, поселке и т. д.) индивидов, обладающих социальным капиталом высокого уровня, тем выше социальный капитал данного социального сообщества.

Интегральный индекс социального капитала раскрывает широкие возможности не только по измерению социального капитала как латентной переменной, но и по выявлению ее взаимосвязей с другими объектами социального континуума. Кроме того, открывается возможность провести классификацию и сравнение различных объектов социальной реальности. Важно понимать при этом, что происходит интерпретация не только полученного значения индекса, но и его изменений во времени, колебаний в зависимости от происходящих в обществе социально-политических и экономических событий. Это открывает возможности построения различных прогнозов, что и является одной из важнейших функций науки.

Интегральный индекс социального капитала $I_{СК}$, согласно предлагаемой индикаторной модели, рассчитывается следующим образом:

$$I_{СК} = (I_{\text{доверие}} + I_{\text{сети}} + I_{\text{ценности и установки}}) / 3$$

Каждая составляющая интегрального индекса социального капитала так же представляет собой достаточно сложное образование, состоящее из более дробных индикаторов. Так, индекс, характеризующий доверие ($I_{\text{доверия}}$), представляет собой среднее арифметическое трех индикаторов, характеризующих разные типы доверия – обобщенное, межличностное и институциональное.

$$I_{\text{доверия}} = (I_{\text{инд обобщ. дов.}} + I_{\text{инд межл. дов.}} + I_{\text{инд инст. дов.}}) / 3, \text{ где}$$

$I_{\text{инд обобщ. дов.}}$ = Индикатор обобщенного доверия,

$I_{\text{инд межл. дов.}}$ = Индикатор межличностного доверия,

$I_{\text{инд инст. дов.}}$ = Индикатор институционального доверия.

Второй компонент интегрального индекса – индекс сетей ($I_{\text{сети}}$) – включает в себя индикаторы, позволяющие описать включенность в сети отношений ($I_{\text{инд включ./сети}}$), участие в сетевых взаимодействиях ($I_{\text{инд участия/сети}}$), наличие личных связей ($I_{\text{инд личн св.}}$) и доступ к материальным ресурсам ($I_{\text{инд мат. помощи}}$).

$I_{\text{сети}} = (I_{\text{нд с.включ.}} + I_{\text{нд с.уч.}} + I_{\text{нд с.связи.}} + I_{\text{нд с.мат.пом.}})/4$, где

$I_{\text{нд включ./сети}}$ = Индикатор включенности в сети отношений,

$I_{\text{нд участия/сети}}$ = Индикатор участия в сетевых взаимодействиях,

$I_{\text{нд личн св.}}$ = Индикатор личных связей,

$I_{\text{нд мат. помощи.}}$ = Индикатор материальной помощи.

Третий компонент интегрального индекса характеризует имеющиеся ценности, которые представляют собой базисное основание социальных отношений и оказывают влияние на формирование социального капитала. Индивиды при построении социальных отношений, их формировании должны быть ориентированы на готовность к объединению. Данная установка чрезвычайно важна, а готовность к взаимодействию при решении конкретных задач дает возможность ее реализации. Для взаимодействия в сетях отношений имеет значение понимание субъектом своих возможностей оказания влияния. Кроме того, важно учитывать локус ответственности того или иного индивида, что дает возможность понять, преобладает ли у него ориентация на себя или на внешние факторы.

$I_{\text{ценности}} = (I_{\text{нд гот. к объедин.}} + I_{\text{нд объедин./зад.}} + I_{\text{нд локус отв.}} + I_{\text{нд влияния}})/4$, где

$I_{\text{нд гот. к объедин.}}$ = Индикатор общей готовности к объединению,

$I_{\text{нд объедин./зад.}}$ = Индикатор готовности к объединению для решения конкретных задач,

$I_{\text{нд локус отв.}}$ = Индикатор локуса ответственности,

$I_{\text{нд влияния}}$ = Индикатор возможностей влияния.

Практическое использование индикаторной модели измерения социального капитала не только доказывает валидность модели, но и демонстрирует ее эвристические возможности.

Анализ результатов и обсуждение

Исследование показало, что до 2020 года, уровень социального капитала

молодежи опережал средний по региону (рисунок). Пандемия коронавируса заметно сказалась на уровне социального капитала жителей Вологодской области и понизила его до примерно одинаковых значений, лишив молодежь лидерства. Пережив первый год пандемии, в 2021 году население Вологодской области начало постепенно восстанавливать утраченные уровни социального капитала, однако на данный момент ни молодежь, ни население области в целом не смогли выйти на доковидные показатели социального капитала. Наиболее примечательна ситуация с обладателями минимального уровня социального капитала среди молодежи: в 2019 году их практически не было, во время пандемии их количество превысило 10 %, а спустя год положительной динамики снизилось лишь незначительно. В целом наблюдаемая динамика в сравнении с кризисным 2020 годом позволяет делать оптимистические прогнозы относительно будущего социального капитала молодежи. Это особенно важно в связи с тем, что именно в молодости социальный капитал формируется и накапливается наиболее эффективно (Ясников, 2019).

Учитывая, что социальный капитал формируется в сетях социальных отношений, стоит обратить внимание на окружение респондента. Именно в своем кругу люди находят единомышленников, тех, кто готов вместе с ними принять участие в каком-то виде деятельности. Полученные в исследовании данные показали прямую связь между уровнем социального капитала и качеством социального окружения. Было установлено, что молодые люди с высокими уровнями социального капитала заметно чаще сообщают о наличии в их окружении людей, готовых включаться в коллективные действия для решения общих проблем (табл. 2). Обращает на себя внимание тот факт, что несмотря на относительно небольшое количество респондентов с минимальным и максимальным уровнем социального капитала, распределение ответов среди них весьма показательно. Среди об-

ладателей самого высокого уровня социального капитала никто не сообщил о полном отсутствии в своем окружении людей, готовых к коллективным действиям, в то

время как среди обладателей самого низкого уровня – никто не смог уверенно сказать об их наличии.

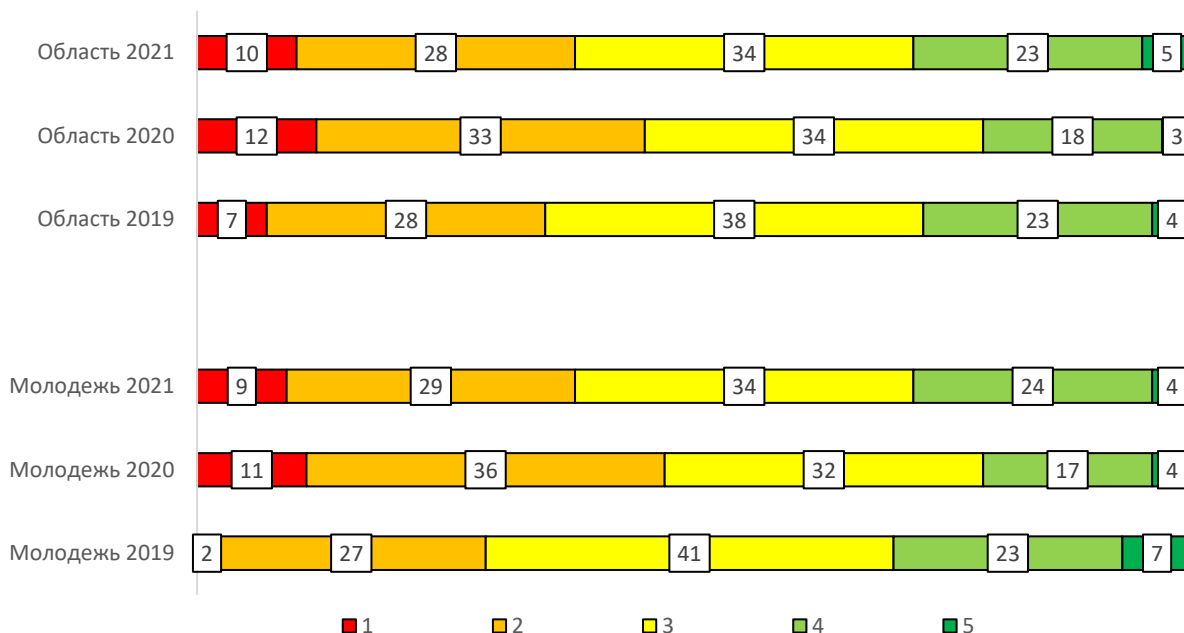

Рис. Изменение уровня социального капитала жителей Вологодской области в период пандемии (5 типов в %, 2019-2021 гг.)
Fig. Change in the level of social capital of the inhabitants of Vologda Oblast during the pandemic (in %, 2019-2021)

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, готовы ли люди из Вашего окружения объединиться для решения наиболее острых проблем современной жизни?» в зависимости от уровня социального капитала (в %)

Table 2

Distribution of answers to the question "Do you think people from your environment are ready to unite to solve the most pressing problems of modern life?" depending on the level of social capital (in %)

Вариант ответа / Answer option	Уровень социального капитала / Level of social capital				
	1	2	3	4	5
Да	0	7	16	22	50
Скорее да	24	37	54	41	42
Скорее нет	44	41	21	22	8
Нет	32	15	10	15	0

Участие в решении острых проблем современности требует от индивида прежде всего понимания возможных путей их решения. Анализ отношения респондентов к идее о самостоятельном участии в коллективных действиях, направленных на разрешение общественных проблем, показал, что

люди с меньшим объемом социального капитала значительно чаще склонны оставлять решение компетентным органам и/или другим заинтересованным лицам (табл. 3). В то же время среди молодых людей с высоким показателем социального капитала практически каждый второй был готов

самостоятельно включиться в коллективную деятельность. Они чаще выбирали

альтернативы «стать инициатором» или «обратиться в органы власти».

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Каким образом Вы могли бы принять участие в их решении?» в зависимости от уровня социального капитала (в %)

Table 3

Distribution of answers to the question “How could you participate in their solution?” depending on the level of social capital (in %)

Вариант ответа / Answer option	Уровень социального капитала / Level of social capital				
	1	2	3	4	5
Стану инициатором группы и соберу единомышленников для решения проблемы	0	2	9	4	27
Обращусь в органы власти	4	14	17	21	27
Постараюсь привлечь внимание через СМИ	8	14	24	21	9
Оставлю решение проблемы другим заинтересованным.	28	21	21	22	18
Проблему должны решать компетентные органы, а не общественники	60	48	29	32	18

Коллективные действия осуществляются в самых разных формах. В последние годы стали появляться новые формы, такие как волонтерство. Но продолжают сохраняться и устоявшиеся практики в виде митингов, демонстраций и т. п. Такие виды коллективной деятельности, как волонтерство и участие в различного рода демонстрациях, несмотря на относительную нераспространенность в молодежной среде,

также имеют некоторую связь с социальным капиталом (табл. 4-5). Наибольшую активность в них проявляет сравнительно малочисленная группа обладателей максимального уровня социального капитала. Анализ прочих групп показывает, что чем ниже уровень социального капитала респондента, тем чаще он отмечает, что никогда не принимал участие в подобных видах деятельности.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, как часто за последний год Вы занимались волонтерской работой?» в зависимости от уровня социального капитала (в %)

Table 4

Distribution of answers to the question “Please tell me, how often did you do volunteer work during the last year?” depending on the level of social capital (in %)

Вариант ответа / Answer option	Уровень социального капитала / Level of social capital				
	1	2	3	4	5
Регулярно	0	0	1	2	0
Иногда	0	5	14	15	42
Один раз	8	17	13	9	8
Никогда	92	78	71	75	50

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, как часто за последний год Вы ходили на митинги, демонстрации, пикеты?» в зависимости от уровня социального капитала (в %)

Table 5

Distribution of answers to the question "Tell me, please, how often did you go to rallies, demonstrations, pickets during the last year?" depending on the level of social capital (in %)

Вариант ответа / Answer option	Уровень социального капитала / Level of social capital				
	1	2	3	4	5
Регулярно	0	1	0	2	0
Иногда	0	2	3	0	8
Один раз	0	7	6	9	17
Никогда	100	89	91	90	75

Изучение причин участия респондентов в таких коллективных действиях, как акции и демонстрации, позволило обнаружить, что в большинстве случаев основной мотивации служит личная заинтересованность (как в значении лично значимой проблемы, так и в качестве досугового интереса). Однако по мере накопления социаль-

ного капитала респонденты все чаще отмечают у себя готовность к участию в коллективных действиях в условиях отсутствия сугубо личной заинтересованности (табл. 6). Обращает на себя внимание и факт влияния окружения. Многие готовы выйти на акцию, если в ней будут участвовать родственники, друзья, знакомые.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Если бы Вы решили принять участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста, с чем это могло быть связано?» в зависимости от уровня социального капитала (в %)

Table 6

Distribution of answers to the question "If you decide to take part in rallies, demonstrations, protests, what could be the reason for this?" depending on the level of social capital (in %)

Вариант ответа / Answer option	Уровень социального капитала / Level of social capital				
	1	2	3	4	5
Причиной акции станет проблема, которая лично меня сильно волнует	36	54	52	59	17
Причиной акции станет проблема, которая ставит под угрозу сохранение государства	16	13	25	32	50
Причиной акции станет проблема, угрожающая сохранению устойчивости существующего общества	12	24	21	16	58
На акцию выйдут мои родственники, друзья	8	13	24	18	33
На акцию выйдут мои знакомые, единомышленники	4	9	16	19	25
Отправляюсь по требованию работодателя	8	14	10	15	8
Откликнусь на призыв в соцсетях	12	7	8	9	17
Пойду ради интереса – посмотреть на людей	36	20	14	29	8
Другое	0	1	0	3	0

Анализ причин отказа от участия в такой разновидности коллективных действий, как акции и демонстрации, не показал наличия какой-либо устойчивой их связи с уровнем социального капитала респондентов (табл. 7). Основная причина заключается в убежденности в неэффективности (по мнению респондентов) предлагаемых методов достижения поставленных

целей. Так же респондентов беспокоят потенциальные правовые последствия от участия в каких-либо митингах, в том числе способные наступить, например, в результате провокаций. Однако любые рассматриваемые причины для неучастия не являются специфичными для различных групп носителей социального капитала.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Если бы Вы решили не принимать участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста, с чем это могло быть связано?» в зависимости от уровня социального капитала (в %)

Table 7

Distribution of answers to the question "If you decided not to take part in rallies, demonstrations, protests, what could be the reason for this?" depending on the level of social capital (in %)

Вариант ответа / Answer option	Уровень социального капитала / Level of social capital				
	1	2	3	4	5
Это бесполезно, так существующих проблем не решить	52	38	36	29	50
Участников акций могут привлечь к ответственности	20	26	31	21	58
Меня бы осудили, не поняли родные, близкие, друзья	0	7	17	13	17
Могут быть неприятные последствия на работе	20	14	13	19	25
Могут быть провокации	20	13	17	35	8
Не интересуют такие мероприятия	36	37	33	46	17
Другое	0	0	1	0	0

Более ярко влияние социального капитала респондента на его участие в коллективных действиях можно наблюдать, если проанализировать такую их форму, как выборы. Изучение вовлеченности в участие в выборах позволило выявить ее взаи-

мосвязь с накопленным уровнем социального капитала респондентов. Безотносительно уровня проводимых выборов респонденты с высоким уровнем социального капитала значительно чаще сообщают о своем участии в них (табл. 8-9).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Участвовали ли Вы в выборах в Государственную Думу 2016 года?» в зависимости от уровня социального капитала (в %)

Table 8

Distribution of answers to the question "Did you participate in the elections to the State Duma in 2016?" depending on the level of social capital (in %)

Вариант ответа / Answer option	Уровень социального капитала / Level of social capital				
	1	2	3	4	5
Да	8	30	34	37	58
Нет	92	70	66	63	42

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Участвовали ли Вы в выборах президента в 2018 году?» в зависимости от уровня социального капитала (в %)

Table 9.

Distribution of answers to the question "Did you participate in the presidential elections in 2018?" depending on the level of social capital (in %)

Вариант ответа / Answer option	Уровень социального капитала / Level of social capital				
	1	2	3	4	5
Да	17	43	47	54	67
Нет	83	57	53	46	33

Заключение

Социальный капитал, которым располагает молодежь Вологодской области, можно охарактеризовать как динамичное явление. Исследование показало, что пандемия, сопровождавшаяся различными ограничениями, привела к его значительному снижению. И только снятие ограничений позволило восстановить инвестиции в социальный капитал, в качестве которых выступает прежде всего общение. Исчезновение коммуникационных барьеров ведет к постепенному преодолению негативных последствий. Но очевидно, что это не быстрый процесс, поскольку доковидные показатели еще не достигнуты, что, на наш взгляд, сказывается и на уровне активности молодых людей.

И тем не менее, несмотря на имеющиеся негативные последствия пандемии для социального капитала, исследование показало наличие достаточно тесной его связи с вовлеченностью в коллективные действия. Респонденты из групп с высоким и относительно высоким уровнем накопленного социального капитала не только чаще говорят о готовности к коллективным действиям, но и заметно чаще отмечают конкретные случаи участия в реальных коллективных действиях.

Важным результатом исследования можно считать и связь уровня социального капитала с мотивацией участия. Несмотря на то, что самым распространенным мотиватором для участия в коллективных дей-

ствиях остается личная заинтересованность, по мере накопления респондентами социального капитала они все чаще включаются в коллективные действия по причинам, не связанным с личной заинтересованностью. В то же время какой-либо значимой связи социального капитала с мотивацией отказа от участия в такой разновидности коллективных действий, как участие в акциях и демонстрациях, обнаружено не было. Принимая во внимание многократно описанное в научной литературе положительное влияние социального капитала на жизнь индивида и общества, а также неоспоримую важность коллективных действий для построения и функционирования полноценного социума, мы находим крайне важным обратить внимание научного сообщества на изучение этой взаимосвязи.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Проект № 20-011-00326, «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00326, "Collective Actions and Social Capital in Russian Society".

Литература

Вебер, М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено; коммент. А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс. 1990. 804 с.

Гужавина, Т.А. Гражданское участие как экстерналия социального капитала // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 1 (25). С. 37-54. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6268

Гужавина, Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 191-203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11

Гужавина, Т.А. Нематериальные ресурсы адаптации населения в условиях кризиса // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 45–57. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3

Гужавина, Т.А. Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018(a). Т. 11. № 4. С. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16

Гужавина, Т.А. Социальный капитал молодежи: опыт социологического анализа // Социальное пространство. 2017. № 1 (8). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2187> (дата обращения: 08.02.2022).

Косыгина, К.Е. Деятельность некоммерческих организаций в контексте теории коллективных действий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 18-34. DOI: 10.37279/2413-1709-2021-7-1-18-34

Косыгина, К.Е. Институциональная среда коллективных действий граждан (на примере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций) // Society and Security Insights. 2021(a). Т. 4. № 2. С. 61-76. DOI: 10.14258/ssi(2021)2-05

Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121-139. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2780243?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21102278535341> (дата обращения: 08.02.2022).

Лисовский, В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб.: СПбГУП, 2000. 512 с.

Луков, В.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.

Региональный социальный капитал в условиях кризиса / Гужавина Т.А., Афанас

сьев Д.В., Воробьева И.Н., Мехова А.А., Морев М.В., Дементьева И.Н. Череповец: ЧГУ, 2018. 220 с.

Рожков, Г.В. Генезис инновационной экономики в России / Под ред. С.Г. Ерошенкова. М.: МАКС Пресс, 2009. 888 с.

Соколов, А.В. Коллективные действия в современной России: особенности организации и реакция власти // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 2. С. 45-59.

Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Трубехина, И.Е. Социальный капитал и экономическое развитие в регионах России // INEM – 2012: Труды II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. в сфере инноваций, экономики и менеджмента (Томск, 24 апр. 2012 г.). Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2012. С. 357–361.

Уханова, Ю.В. Гражданское участие регионального сообщества: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2019. № 1 (90). С. 16-27. DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.2

Уханова, Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 88-107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

Уханова, Ю.В. Состояние и перспективы развития гражданского общества в России: региональный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 5. С. 103-121. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.5.6

Ясников, Н.Н. Социальный капитал и гражданское участие молодежи: кейс вологодской области // Вопросы территориального развития. 2021. Т. 9. № 4. С. 5. DOI: 10.15838/ttdi.2021.4.59.5

Ясников, Н.Н. Факторы формирования социального капитала молодежи // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28392> DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.4

Bourdieu, P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). Goettingen: Otto Schwartz & Co. 1983. Pp. 183-198.

Brunie, A. Meaningful distinctions within a concept: Relational, collective and generalized social capital // *Social science research*. Amsterdam, 2009. Vol. 38. No. 2. P. 252.

Coleman, J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. Pp. 95–120. DOI:10.1086/228943

Dufur, M. J., Hoffmann, J. P., Braudt, D. B., Parcel, T. L., Spence, K. R. Examining the Effects of Family and School Social Capital on Delinquent Behavior // *Deviant Behavior*. 2015. Vol. 36. No. 7. Pp. 511-526. DOI: 10.1080/01639625.2014.944069

Fukuyama, F. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press. 1995. 457 p.

Grootaert, Ch., Narayan, D.; Nyhan Jones, V., Woolcock, M. *Measuring Social Capital: An Integrated Questionnaire*. WorldBank, Washington D.C. 2003. 61 p.

Grootaert, Ch., Van Bastelaer, Th. *Understanding and Measuring Social Capital. A Multidisciplinary Tool for Practitioners*. Washington, D.C.: The World Bank, 2002. 45 p.

Jensen, D.H., Jetten, J. Bridging and bonding interactions in higher education: social capital and students' academic and professional identity formation // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. No. 126. Pp. 1-11. DOI:10.3389/fpsyg.2015.00126

Knack, S., Keefer Ph. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112. No. 4. Pp. 1251–1288.

Lin, N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 294 p.

Nannicini, T., Stella, A., Tabellini, G., Troiano, U. Social Capital and Political Accountability // *CEPR Discussion Papers*. 2010 (April). No. DP7782. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1611438>

Ostrom, E. Collective Action and the Evolution of Social Norms // *Journal of Economic Perspectives*. 2000. Vol. 14. No. 3. Pp. 137–158.

Panebianco, S. The impact of social capital on regional economic development // *ACSP-AE-SOP Congress*. Germany: Universität Kassel Publ., 2013. Pp. 8–12.

Putnam, R. D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New

Jersey, USA: Princeton University Press, UK, 1993. 247 p.

Social capital: A multifaceted perspective / Dasgupta, P. and Serageldin, I. (ed.). Washington, District of Columbia: World Bank, 2000. 365 p.

Uslaner, E. M. *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge. N.Y.: Cambridge University Press, 2000. 298 p.

Whiteley, P. Economic growth and social capital // *Political Studies*. 2000. Vol. 48. № 3. Pp. 443–466.

References

Bourdieu, P. (1983), “Economic capital, cultural capital, social capital”, in: Kreckel, Reinhard (ed.) *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2)* [Social imbalances (social world, special issue 2)]. Otto Schwartz & Co, Goettingen, 183-198, (in German).

Brunie, A. (2009) “Meaningful distinctions within a concept: Relational, collective and generalized social capital”, *Social science research*, 38 (2), 252, Amsterdam, Netherlands.

Coleman, J. (2001), “Social and human capital”, *Social sciences and modernity*, 3, 121-139, available at: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2780243?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21102278535341> (Accessed 10 February 2022), (in Russ.).

Coleman, J. S. (1988), “Social Capital in the Creation of Human Capital”, *American Journal of Sociology*, vol. 94, Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure, 95–120, DOI:10.1086/228943

Dasgupta, P. and Serageldin, I. (ed.) (2000), *Social Capital: A Multifaceted Perspective*, World Bank, Washington, District of Columbia, USA.

Dufur, M. J., Hoffmann, J. P., Braudt, D. B., Parcel, T. L. and Spence, K. R. (2015), “Examining the Effects of Family and School Social Capital on Delinquent Behavior”, *Deviant Behavior*, 36 (7), 511-526, DOI: 10.1080/01639625.2014.944069

Fukuyama, F. (1995), *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*, Free Press, New York, USA.

Grootaert, Ch. and Van Bastelaer, Th. (2002), *Understanding and Measuring Social Capital. A Multidisciplinary Tool for Practitioners*. The World Bank, Washington, D.C., USA.

Grootaert, Ch., Narayan, D.; Nyhan Jones, V. and Woolcock, M. (2003), *Measuring*

Social Capital: An Integrated Questionnaire, WorldBank, Washington D.C., available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/15033>

Guzhavina, T. A. (2019), "Civic Engagement as an Externality of Social Capital", *Sociological science and social practice*, 7 (1), 37-54, DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6268 (in Russ.).

Guzhavina, T. A. (2020), "Collective Actions and Social Capital: Implication of Concepts", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13 (1), 191-203, DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11. (in Russ.).

Guzhavina, T. A. (2018), "Non-material resources of adaptation of the population in a crisis", *Problems of development of the territory*, 3, 45-57, DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3 (in Russ.).

Guzhavina, T. A. (2018a), "Social capital of the urban community: trust, solidarity, responsibility", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11 (4), 252-268, DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16 (in Russ.).

Guzhavina, T. A. (2017), "Social capital of young people: experience of sociological analysis", *Social area*, 1, available at: <http://socialarea-journal.ru/article/2187> (Accessed 8 February 2022), (in Russ.).

Guzhavina, T. A., Afanasiev, D. V., Vorobyova, I. N., Mekhova, A. A., Morev, M. V. and Dementieva, I. N. (2018), *Regional'nyy sotsial'nyy kapital v usloviyakh krizisa* [Regional social capital in times of crisis], Cherepovets State University Publishing House, Cherepovets, Russia (in Russ.).

Jensen, D. H. and Jetten, J. (2015), "Bridging and bonding interactions in higher education: social capital and students' academic and professional identity formation". *Frontiers in Psychology*, 6 (126), 1-11, DOI:10.3389/fpsyg.2015.00126

Knack, S. and Keefer, Ph. (1997), "Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation", *Quarterly Journal of Economics*, 112 (4), 1251-1288.

Kosygina, K. E. (2021), "Activities of non-profit organizations in the context of the theory of collective actions", *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 7 (1), 18-34, DOI: 10.37279/2413-1709-2021-7-1-18-34 (in Russ.).

Kosygina, K. E. (2021a). The institutional environment of collective actions of citizens (on the example of the activities of socially oriented non-profit organizations), *Society and Security Insights*, 4 (2), 61-76, DOI: 10.14258/ssi(2021)2-05 (in Russ.).

Lin, N. (2001), *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*, Cambridge University Press, Cambridge.

Lisovsky, V. T. (2000), *Dukhovnyy mir i tsennostnyye oriyentatsii molodezhi Rossii* [Spiritual world and value orientations of the Russian youth], St. Petersburg State University of Trade Unions, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Lukov, V. A. (2012), *Teorii molodezhi: Mezhdistsiplinarnyy analiz* [Theories of youth: Interdisciplinary analysis], Kanon + ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, Russia (in Russ.).

Nannicini, T., Stella, A., Tabellini, G. and Troiano, U. (2010), "Social Capital and Political Accountability", *CEPR Discussion Papers*, DP7782, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1611438>

Ostrom, E. (2000), "Collective Action and the Evolution of Social Norms", *Journal of Economic Perspectives*, 14 (3), 137-158.

Panebianco, S. (2013), "The impact of social capital on regional economic development", *ACSP-AESOP Congress*, Universität Kassel Publ., Germany, 8-12.

Putnam, R. D. (1993), *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton, New Jersey, Princeton University Press, USA, UK.

Rozhkov, G. V. (2009), *Genezis innovatsionnoy ekonomiki v Rossii* [Genesis of the innovation economy in Russia], MAKS Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Sokolov, A. V. (2019). "Characteristic features of collective actions movement in modern Russia and the authorities' reaction to their activity", *South-Russian Journal of Social Sciences*, 20 (2), 45-59 (in Russ.).

Sorokin, P. A. (1992), *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society], in A. Yu. Sogomonov (ed.), Politizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Trubekchina, I. E. (2012), "Social capital and economic development in the regions of Russia", *INEM – 2012: Tomsk, April 24, 2012*, Publishing House of the Tomsk Polytechnic university, Tomsk, 357-361, Russia (in Russ.).

Ukhanova, Yu. V. (2019), "Civil Participation of Regional Community: Gender Dimension", *Woman in Russian Society*, 1, 16-27, DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.2

Ukhanova, Yu. V. (2021). "Collective practices and potential for civic participation of local community (sociological research in Russian regions)" *Problems of Territory Development*, 25 (1), 88-107, DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

Ukhanova, Yu. V. (2018). "State and prospects of civil society development in Russia: the regional aspect", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 21 (5), 103-121, DOI: 1031119/jssa.2018.21.5.6

Uslaner, E. M. (2000), *The Moral Foundations of Trust*, Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., USA.

Weber, M. (1990), *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works], Translated from German, Yu. N. Davydov (ed.), Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Whiteley, P. (2000), "Economic growth and social capital", *Political Studies*, 48, 3, 443–466.

Yasnikov N.N. (2019), "Factors in the formation of youth social capital", *Social area*, 5, available at: <http://socialarea-journal.ru/article/28392> DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.4

Yasnikov, N. N. (2021), "Social capital and civic participation of young people: the case of the Vologda oblast", *Territorial Development Issues*, 9 (4), 5, DOI: 10.15838/tdi.2021.4.59.5

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Ясников Николай Николаевич, магистр социологии, аспирант Череповецкого государственного университета по направлению

«Социальная философия»; инженер-исследователь, лаборатория экономико-социологических исследований, отдел исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр РАН, ул. Горького, д. 56а, г. Вологда, 160014, Россия; nyasnikov94@mail.ru

Гужавина Татьяна Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией экономико-социологических исследований, отдел исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр РАН, ул. Горького, д. 56а, г. Вологда, 160014, Россия; tanja_gta@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Nikolai N. Yasnikov, Master in Sociology, Post-Graduate Student in Social Philosophy, Cherepovets State University; Research Engineer of the Laboratory of Economic and Sociological Research, Department for the Studies of Lifestyles and Standards of Living, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 56A, Gorky St., Vologda, 160014, Russia; nyasnikov94@mail.ru

Tatyana A. Guzhavina, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Leading Research Fellow, Head of the Laboratory of Economic and Sociological Research, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 56A, Gorky St., Vologda, 160014, Russia; tanja_gta@mail.ru

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 37.01

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-9

Соколова Е. Е.

Дискуссии о методологических основаниях обучения
и воспитания в послевоенной советской школе

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9,
г. Москва, 125009, Россия; ees-msu@mail.ru

Аннотация. В статье на основе неопубликованных материалов из архива Российской академии образования осуществляется реконструкция одной из линий дискуссии 1948 года по работе А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики», имеющей отношение к вопросам методологии обучения и воспитания в школе, которые сохраняют до сих пор свою актуальность. Показано, как представители деятельностно ориентированной психологии и педагогики (А.Н. Леонтьев и его научная школа, а чуть позже и Э.В. Ильенков) в противостоянии господствующей «учебно-трансляционной» парадигме образования теоретически и эмпирически опровергали положения последней о том, что 1) знания (значения) порождают смыслы и тем самым воспитывают, 2) главное – сформировать правильное мировоззрение (систему знаний), а не культуру мышления. Делается вывод, что, в отличие от указанной парадигмы, названной впоследствии «педагогикой необходимости», «педагогика свободы» А.Н. Леонтьева – Э.В. Ильенкова нацелена на формирование личности в самом узком и точном значении этого слова, а не социального индивида, некритично и часто весьма формально усваивающего ограниченный круг значений (знаний), что может привести к дезинтеграции его сознания при столкновении с реальной жизнью и порождаемыми ею смыслами. В заключение приводятся примеры реализации некоторых принципов «педагогики свободы» в практике обучения и воспитания студентов факультета психологии МГУ в первые годы его существования.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев; Э.В. Ильенков; значение; смысл; сознание; личность; педагогика свободы

Для цитирования: Соколова Е. Е. Дискуссии о методологических основаниях обучения и воспитания в послевоенной советской школе // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 124-137. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-9

E. E. Sokolova

Discussions on the methodological foundations of education
and upbringing in the post-war soviet school

Lomonosov Moscow State University, 11/9 Mokhovaya St., Moscow 125009,
Russia, ees-msu@mail.ru

Abstract. The article reconstructs one of the discussion lines concerning A.N. Leontiev's work "Essay on the Development of the Psyche" (1948), basing on the unpublished material from the archives of the Russian Academy of Education. It deals with the methodology of school teaching and education, which is still topical. The author demonstrates how the representatives of the activity-oriented psychology and pedagogy (Leontiev and his scientific school, and Ilyenkov sometime later) opposed the dominating "educational-translational" paradigm of education by refuting key statements of the latter in theoretical and empirical planes. This paradigm stated that 1) knowledge (meanings) produces values and hence educates; 2) the main thing is to form the right worldview (system of knowledge), rather than the culture of thinking. The conclusion is made that, unlike the mentioned paradigm, called later "pedagogy of necessity", A.N. Leontiev's and E.V. Ilyenkov's "pedagogy of freedom" is aimed at forming a personality in the narrowest and most exact sense of this word, not a social individual who uncritically and often very formally assimilates a limited range of meanings (knowledge), which can lead to disintegration of his mind when confronted with real life and the meanings it generates. In conclusion, some principles of "pedagogy of freedom" implementation in the upbringing and education of students at the Faculty of Psychology of Moscow State University in the early years of its existence are exemplified.

Keywords: A.N. Leontiev; E.V. Ilyenkov; meaning; consciousness; personality; pedagogy of freedom

For citation: Sokolova E.E. (2022), "Discussions on the methodological foundations of education and upbringing in the post-war soviet school", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 124-137, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-9

Введение

Вопрос о соотношении и методологических основаниях обучения и воспитания в средней школе был и до сих пор остается предметом ожесточенных споров в психологической и педагогической литературе. Данная проблематика была поднята и в ходе дискуссии 1948 г. по книге А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики» (Леонтьев, 1947а) в контексте обсуждения концепции сознания, предложенной автором книги. В опубликованной ранее работе (Соколова, 2020), в которой были представлены результаты первоначального анализа массива архивных стенограмм данной дискуссии, проходившей в течение пяти осенних дней 1948 года в Институте психологии АПН РСФСР (ныне Психологический институт РАО), мы затронули указанную проблематику лишь вскользь. Настоящая статья

имеет своей целью более подробно и углубленно рассмотреть обсуждаемые А.Н. Леонтьевым методологические основания обучения и воспитания в школе, вызвавшие огонь критики его оппонентов, в контексте социокультурных условий второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. и в соотнесении с некоторыми другими проходившими в это время дебатами.

На наш взгляд, анализ давних дискуссий по указанной проблематике сохраняет свою абсолютную актуальность, во-первых, для рефлексии методологических оснований современной педагогики, которые в последние годы стали опять весьма часто обсуждаться в печати. Во-вторых, в контексте возникшего в XXI веке нового всплеска интереса представителей самых разнообразных наук к проблеме сознания, пред-

ставляется значимым актуализировать обсуждение концепции структуры сознания в трудах школы А.Н. Леонтьева, в рамках которой предлагается определенное решение проблемы соотношения обучения и воспитания в средней и высшей школе.

В силу труднодоступности архивных материалов (стенограмм указанной дискуссии), которые до сих пор не опубликованы, текст настоящей статьи будет специально насыщен, как правило, точными цитатами из выступлений ее участников для более полного представления позиций выступавших и для более адекватного понимания содержания и формы проходившей дискуссии. Для полноты анализа будут привлечены и другие источники, в том числе те, которые имеют отношение к более позднему времени, но определенным образом связаны с изучаемыми архивными материалами.

Что воспитывает: значения или смыслы?

Во вступительном докладе, предваряющем обсуждение его книги, А.Н. Леонтьев объяснил, почему он так настаивает на представленном в ней (равно как и в других его работах тех лет) различении значений и личностных смыслов в структуре сознания. Это различие, по мнению А.Н. Леонтьева, имеет прямое отношение к механизмам внесения идеологии в сознание людей, в частности, школьников, об обучении и воспитании которых главным образом и шла речь в ходе обсуждения. Если резюмировать содержание выступлений участников дискуссии, которые затрагивали данную тематику, то оно в целом сводилось к вопросу о том, что именно воспитывает: значения или смыслы?

В отличие от его критиков, считавших, что смысл порождается общественно фиксированными значениями, т. е. знаниями, получаемыми, например, на школьных уроках, что учитель, преподавая, одновременно и воспитывает, А.Н. Леонтьев утверждал, что смысл порождается не «зна-

чением», а прямо и непосредственно жизнью, жизненными отношениями субъекта: «Знание – это мощное средство воспитания, без знания нельзя воспитывать человека, но нужна почва для того, чтобы знания, воспринимаемые ребенком, были действительными; и эта почва есть правильно организованная жизнь ребенка, школьника» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948. Л. 233). Для А.Н. Леонтьева было совершенно очевидно, что возможно несовпадение того, как некое явление отражено «идеологически», а именно в общественном сознании в форме значений, знаний как таковых, и того, «как к человеку повертывается это явление, как он воспринимает его по условиям практики своих собственных отношений к нему» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948. Л. 25), то есть того, что было названо А.Н. Леонтьевым личностным смыслом данного явления для субъекта. Этот разрыв значений и смыслов выражается, по А.Н. Леонтьеву, например, в том, что человек на словах проповедует великие идеи, а в своей повседневной жизни фактически поступает по совсем иным принципам.

Не принимая упреков в исключительной «субъективности» смысла и настаивая на тесной связи категории смысла с понятием мотива, А.Н. Леонтьев подчеркнул, что «психолог не может игнорировать идеологическое содержание, но само по себе оно не есть предмет психологии» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948. Л. 28). Отсюда очевиден его вывод: «Единственный путь подлинного конкретно-психологического исследования сознания есть путь смыслового анализа – путь анализа мотивации, в развитии которой и выражается с субъективной стороны развитие психической жизни человека» (Леонтьев, 1947б: 29).

Однако с такой постановкой вопроса не согласились многие критики А.Н. Леонтьева. Задал тон в этом отношении Н.Х. Швачкин, который не только в более ранней полемике с А.Н. Леонтьевым, но и в

ходе данной дискуссии упрекал А.Н. Леонтьева в том, что в его теории отношение отрывается от знания, а смысл от значения, что приводит в педагогической практике к отрыву воспитания от обучения (см.: Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948. Л. 33). По мнению А.Н. Соколова, Леонтьев перевернул отношение значений и смыслов, так как «“жизненные смыслы” порождаются общественно фиксированными значениями, т. е. общественным сознанием как таковым» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948. Л. 95), и, соответственно, именно «под влиянием знаний, идей, представлений», то есть «общественно-фиксированных значений», могут не только изменяться уже имеющиеся смыслы, но и рождаться новые, то есть происходить «переоценка ценностей» (см.: Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948. Л. 95)¹. Аналогичное утверждали в своих выступлениях В.М. Коган, подчеркивавший, что у А.Н. Леонтьева смыслы конкретизируются в значениях, а должно быть наоборот (см.: Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948. Л. 126), и Б.В. Беляев, считавший, что А.Н. Леонтьев внушает учителю ложную мысль, что приобретаемые знания не воспитывают, что воспитывать можно каким-то иным путем, путем обретения только личностного смысла в учении (см.: Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948. Л. 120).

Однако главным оппонентом А.Н. Леонтьева и его сторонников в обсуждаемом вопросе была Н.А. Менчинская (и в основном именно ей А.Н. Леонтьев отвечал в своем заключительном выступлении в дискуссии), настаивая на том, что

А.Н. Леонтьеву следует радикально пересмотреть основные положения его концепции и преодолеть ошибки «большого принципиального порядка» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948. Л. 130), в частности, «отрицание воспитывающей роли знаний» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948. Л. 136). «Правильно указал Александр Николаевич Соколов, – говорила она в ходе дискуссии, – что отношения смысла и значения автором перевернуты. Справедливо обратное положение: смысл порождается, в основном, исторически сложившимися “значениями” – знаниями, отражающими действительность» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948. Л. 133). По ее мнению, прямолинейное применение положений концепции А.Н. Леонтьева может привести к смыканию с левацкими теориями «отмирания школы», ибо, если ребенок воспитывается жизнью как таковой и главное – формирование его мотивов, то зачем тогда нужно систематическое обучение в школе (см.: Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948. Л. 136-137)?

Впрочем, по мнению Н.А. Менчинской, не только А.Н. Леонтьев «непомерно раздувает» роль мотивов; это делают и его соратники. В качестве примера такого «раздувания» она привела в своем сообщении разработанную Д.Б. Элькониным, также выступавшим в дискуссии 1948 года, программу военной психологии. Солидаризируясь с другими критиками этой программы (например, Н.Х. Швачкиным), она утверждала, ссылаясь на опыт недавно закончившейся Великой Отечественной войны, что мотивы – не основа, а производный от знаний момент военного воспитания², а переоценка мотивов и низведение к

¹ Эта точка зрения благополучно дожила до нашего времени. По мнению ряда авторов, изучение таких гуманитарных предметов, как история и обществознание, *предопределяет* формирование в сознании школьников некоторой ценностной системы координат, необходимой для жизни в обществе, ибо изучаемые события оставляют в этом сознании тот или

иной «эмоциональный след» (Крутова, Разбегаева, 2016).

² «Какое действительное место занимают мотивы в военной деятельности, – говорила Н.А. Менчинская, – можно легко увидеть, если внимательно изучить приказы товарища Сталина в период Великой Отечественной войны. В одном из более ранних

частным условиям знаний о враге, «вида боя», места личности в иерархии военной деятельности и в боевом расчете, уровня технической оснащенности и т. п. является неправомерным и «может привести к прямым политическим ошибкам!» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948. Л. 135).

Такое же неправомерное «раздувание» мотивов применительно к школьному обучению Н.А. Менчинская увидела в исследованиях Л.И. Божович, Л.С. Славиной, Н.Г. Морозовой 1940-х гг., в которых, на ее взгляд, изучались лишь высказывания учащихся о мотивах учения в отрыве от «конкретных школьных условий и независимо от того, как реально учатся эти дети» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948. Л. 137). Последнее утверждение, впрочем, несправедливо. Еще в 1945 году, то есть до рассматриваемой нами дискуссии, Л.И. Божович опубликовала в журнале «Советская педагогика» статью «Психологический анализ формализма в усвоении школьных знаний», где были представлены результаты исследований мотивов (установок) учебной деятельности именно в соотношении с успешностью усвоения знаний, и убедительно доказала, что без соответствующих изучаемому материалу мотивов это усвоение будет совершенно формальным. Ею были выделены несколько типов такого формализма, которые были характерны для школьников не только того времени, но и многих последующих десятилетий, что, в частности, привело к тому, что Л.И. Божович внесла результаты исследований 1940-х гг. в свою знаменитую книгу «Личность и ее формирование в детском возрасте», первое издание которой вышло в свет в 1968 году.

Так, к примеру, у учащихся с ярко выраженной «узкоучебной установкой»

(твердо знающих, что «надо хорошо учиться», добивающихся похвалы учителя, определенного места в классе, хороших оценок и т. п.), обнаруживается склонность к вербализму, пристрастие к заученным штампам и формулировкам, и при этом эти школьники совершенно равнодушны к тому, что они изучают, иначе говоря, у них формируются не научные убеждения, а привычка хитрить, ловчить, хранить в памяти зазубренный учебный материал (см.: Божович, 2008: 237-238). Второй тип формализма наблюдается у тех школьников, которые уже способны не просто зазубривать формулировки законов изучаемой реальности, но и понимать их. Однако и они не считают, что эти законы имеют какое-то отношение к действительности, и не применяют полученные знания для ее объяснения, прибегая для данных целей к житейским представлениям. Когда одного из таких школьников спросили, почему он не использует знания, полученные в школе, он ответил: «А разве вы хотите, чтобы я, как в школе, отвечал? Хорошо, вещи плавают потому, что их удельный вес меньше удельного веса воды» (см.: Божович, 2008: 239).

Впоследствии Н.А. Менчинская несколько смягчила свою позицию, признав необходимость исследования и формирования мотивационной сферы школьников, ссылаясь при этом на более поздние публикации по данной проблематике Л.И. Божович, Н.Г. Морозовой, Л.С. Славиной, а также на работы А.Н. Леонтьева, которые она так остро критиковала в дискуссии 1948 года (см.: Менчинская, 2004: 166). Однако и в ее последующих трудах (равно как и в исследованиях ее школы) сохранялась все та же формула, соответствующая принятой в то время парадигме образования: от значений – к смыслам, от знаний – к их при-

казов от 1 мая 1942 года товарищ Сталин начинает с разъяснения – с кем мы воюем, кто они – наши враги, немецкие фашисты; далее анализирует, какие изменения произошли за период войны в положении Германии и в положении нашей страны, в

частности, в Красной Армии, и затем только формулирует цель войны: “Мы хотим освободить нашу советскую землю от немецко-фашистских мерзавцев”. Вот где только встал вопрос о мотивах – после того, как было дано определенное знание» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948. Л. 135).

менению в практике и развитию мотивационной сферы личности. По ее мнению, именно сложившееся мировоззрение, ядром которого являются «знания», обладает свойством «цементировать» мотивы и тем самым детерминировать деятельность, поведение человека (см.: Менчинская, 2004: 351). Именно формирование мировоззрения «как системы обобщенных взглядов на природу, общество, на нормы морали» (Менчинская, 2004: 171) и есть то главное, что должна давать школа учащимся³.

Выступая с ответом на высказанные замечания в последний день дискуссии 1948 года, А.Н. Леонтьев самокритично признал, что недооценивал «воспитывающую роль знаний»: «Я чрезвычайно односторонне подчеркивал роль мотивации, роль личностного смысла. Я согласен в этом отношении с тем, что напечатанной в “Советской педагогике” рецензией Г.С. Костюка, где говорится, что я впадаю в односторонность, недооцениваю значение образовательного процесса» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948. Л. 233-234)⁴. Однако для А.Н. Леонтьева всегда было совершенно очевидно, что «учащийся – не сосуд, в который чья-то чу-

жая рука вливает знания. И не машина, способная записать определенный объем информации и выдавать ее по требованию... <...>. Надо не просто набрать знания, надо найти в них то, от чего ты становишься мудрее, человечнее, богаче. Этот поиск и делает учение в известной мере процессом самодетельным⁵. Я говорю: “в известной мере”, потому, что обучение всегда управляется. Его всегда кто-то ведет – по определенной программе, в определенной последовательности» (Леонтьев, 2009: 408). Согласно учению школы А.Н. Леонтьева, эта программа должна предусматривать не просто приобретение обучающимся знаний, а формирование его мышления.

Вспоминая при этом неоднократно упоминаемое соратником А.Н. Леонтьева Э.В. Ильенковым (и известное еще со времен Гераклита) различие между способностью мыслить и процессом усвоения знаний как таковых, обратимся к представлению и анализу тех дискуссий, которые велись в послевоенное время на этот счет.

Обсуждение соотношения «усвоения знаний» и «умения мыслить»

С несовпадением указанных процессов Э.В. Ильенков столкнулся именно в

³ Мы отвлекаемся сейчас от подробно расписанных в трудах Н.А. Менчинской и ее последователей способов формирования такого мировоззрения, обеспечивающих не только усвоение знаний школьниками, но и выработку «правильного» эмоционального отношения к ним, а также умения защищать сформированные таким образом убеждения и проявлять их в практической деятельности, в поступках. Такой практической деятельностью, необходимой «для формирования марксистско-ленинского мировоззрения <...>, может служить (и служит) пропаганда научных, политических знаний среди населения» (Менчинская, 2004: 360).

⁴ Впоследствии А.Н. Леонтьев неоднократно подчеркивал, что было бы неправильно отделять воспитательную работу от учебной. Так, обсуждая проблемы обучения и воспитания в вузе, он утверждал, что сама личность студента формируется благодаря повседневному труду по овладению им той наукой, которую студент избрал делом своей жизни, и что сами усвоенные им знания ведут к изменению мотивации (Леонтьев, 2009: 397-398). Вместе с тем он всегда настаивал на том, что самой «человеческой»

проблемой является проблема воспитания, то есть проблема формирования мотивации, нравственных норм поведения, социальных эмоций (см.: Леонтьев, 2009: 389). В связи с этим можно вспомнить также примечательную дискуссию между А.Н. Леонтьевым и П.Я. Гальпериным о сложном соотношении мотивационно-смысловых и операционально-технических моментов любой деятельности, в том числе учебной (Леонтьев, 2005: 324-335; Соколова, 2021б: 627-629).

⁵ В этих рассуждениях обнаруживается очевидная параллель с идеями С.Л. Рубинштейна, высказанными им в ранней статье 1922 года, о необходимости организовывать в школе «творческую самодетельность» учащихся (Рубинштейн, 1986). В учебной деятельности присвоение ребенком знаний человечества и способов его получения сможет быть успешным только в том случае, когда ребенок, говоря словами Э.В. Ильенкова, будет поставлен педагогом «в такую ситуацию, внутри которой он вынужден был бы действовать как “самость”, как субъект» (Ильенков, 2002: 69).

рассматриваемое нами время, когда в 1946 году стал студентом философского факультета МГУ. На нем, по его признанию, его «учили запоминать фразы, а не понимать классиков марксизма-ленинизма» (Ильенков, Коровиков, 2016: 42). Однако подобное понимание (не говоря уже о полном усвоении результатов двухтысячелетнего развития философии), как уже тогда формулировал молодой философ, требует «правильно, грамотно мыслить в ходе теоретического анализа явлений» (Ильенков, Коровиков, 2016: 46).

Сам Э.В. Ильенков, став после защиты кандидатской диссертации преподавателем, пытался проводить подобный «способ воспитания» на своих занятиях со студентами, а затем, как известно, вместе с В.Н. Коровиковым представил свое видение предмета философии как теоретического мышления в форме ставших знаменитыми «Тезисов», подвергшихся в 1954–1955 годах бурному обсуждению и суровому осуждению как «антимарксистских» и «антипартийных». На одном из таких обсуждений тогдашний декан философского факультета В.С. Молодцов, как вспоминал об этом, в частности, очевидец и участник тех событий Л.К. Науменко, в ярости восклицал: «Куда они тащат нас? Они тащат нас в душную область мышления!» (Ильенков, Коровиков, 2016: 16)⁶.

В условиях, когда философия, вместо культуры мышления, превратилась в мировоззрение (см.: Мареев, 2008: 162), формированию собственно мышления как в средней, так и в высшей школе практически не оставалось места, ибо мышление, напоми-

нал Л.К. Науменко, «это радикальное сомнение» (см.: Ильенков, Коровиков, 2016: 16). Но сомневаться в «единственно верном» учении тогда было весьма рискованно⁷. «Разве вопрос о предмете философии – это дискуссионный вопрос?» – вопрошал проф. А.П. Гагарин, один из участников второго заседания ученого совета философского факультета от 29 марта 1955 года, где в очередной раз обсуждались «антипартийные» тезисы Э.В. Ильенкова и В.Н. Коровикова. И безапелляционно утверждал: «Это дискуссионный вопрос для врагов нашей партии. Это вопрос, раз и навсегда запечатленный в первых строках четвертой главы “Истории партии”» (Ильенков, Коровиков, 2016: 47). Авторам тезисов особенно вменялось в вину то, что они со своими идеями «полезли в студенческую среду. За это они заслуживают сурового наказания» (Ильенков, Коровиков, 2016: 38)⁸.

Мы не случайно обратились к данной дискуссии философов, происходившей на несколько лет позже, чем обсуждение книги А.Н. Леонтьева, дабы показать их существенное сходство. Дело даже не в похожей атмосфере их проведения и практически тождественной лексике выступавших с критикой; дело в сходстве предъявляемых обвинений в адрес «фигурантов». В дискуссии 1948 года А.Н. Леонтьева обвинили в том, что его книга, проникнутая духом «буржуазного объективизма» и «безродного космополитизма» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948. Л. 85 об.), не воспитывает «марксистско-ленинское мировоззрение, чувство национальной гордости за свою великую русскую

⁶ Справедливости ради отметим, что слова «душную» в стенограмме обсуждения нет (см.: Ильенков, Коровиков, 2016: 59). Однако очевидцы того памятного события тем не менее запомнили эту фразу именно в приведенной выше форме.

⁷ Хотя и тогда сомневающиеся находились. Так, к примеру, одна из студенток философского факультета, защищая взгляды Э.В. Ильенкова и В.Н. Коровикова, заявила, что марксистская точка зрения – одна из возможных, что ее можно «свободно» при-

нимать или не принимать, и что студенты не согласны с тем, что «существуют какие-то недискуссионные вопросы. Дискуссии нельзя запретить» (цит. по: Ильенков, Коровиков, 2016: 58). Однако эти редкие голоса тонули в хоре всеобщего осуждения авторов «Тезисов», посмеявших дать «не наше понимание предмета философии» (Ильенков, Коровиков, 2016: 53).

⁸ В апреле 1955 г. Э.В. Ильенков и В.Н. Коровиков были отстранены от преподавания (см.: Ильенков, Коровиков, 2016: 256).

науку» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948. Л. 84 об.), а его критика «лже-научных буржуазных концепций» выглядит «крайне беззубой и беспомощной» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948. Л. 89). В 1954–1955 гг. Э.В. Ильенкова и В.Н. Коровикова резко критиковали за попытку доказать, что «диалектический материализм не выступает как мировоззрение» (Ильенков, Коровиков, 2016: 29), что являлось, по мнению оппонентов «Тезисов», «ревизией марксизма» (Ильенков, Коровиков, 2016: 27).

Однако А.Н. Леонтьев и его школа, равно как и молодые сотрудники философского факультета Э.В. Ильенков и В.Н. Коровиков, вовсе не отрицали необходимость формирования мировоззрения у школьников и студентов, но настаивали на том, что систему знаний о мире (выступающую в сознании как система значений) нужно всегда рассматривать вместе с процессом (способами) получения этих знаний (операционально-техническим составом деятельности). Именно вопрос о *способах формирования* мировоззрения, адекватного сложнейшей и постоянно изменяющейся действительности, в которую включен и сам деятельный человек, – самый существенный вопрос для обучения и воспитания. Эта проблематика обсуждалась А.Н. Леонтьевым и его школой еще с 1930-х гг. в рамках теоретической и эмпирической разработки вопроса о соотношении «образа» и процесса⁹, а Э.В. Ильенков, обосновывая свое понимание предмета философии в начале 1950-х гг., подчеркивал, что «лишь делая

своим предметом теоретическое мышление, процесс познания, философия включает в свое рассмотрение и наиболее общие характеристики бытия, а не наоборот, как это часто изображают» (Ильенков, Коровиков, 2016: 54)¹⁰.

Согласно общепсихологической теории деятельности школы А.Н. Леонтьева и учению Э.В. Ильенкова и его последователей, *полноценное* мировоззрение не может быть результатом усвоения школьниками транслируемых учителями «готовых» знаний как таковых и одновременного специального формирования у обучающихся «позитивного эмоционального отношения» к этому знанию, как предполагалось в соответствии с педагогическими установками того времени, озвученными, например, в упомянутых работах Н.А. Менчинской. Определенная картина мира у школьников, безусловно, формировалась и в рамках, как ее называли позже, «учебно-трансляционной парадигмы» образования¹¹, но эта картина была неполной и односторонней, поскольку транслируемые школьникам знания несли строго определенные и идеологически «освященные» значения, которые должны были породить соответствующие данной идеологии смыслы и превратиться в защищаемые убеждения. Возможные альтернативные точки зрения, скажем, на историю нашей страны жестко критиковались как «антинаучные, фальсификаторские попытки буржуазной историографии исказить и смазать величие истории русского народа» (Никонов, Панченкова, 1951: 106), преувеличить «влияние иноземной культуры на культуру нашей страны» (Никонов,

⁹ Процесс (текущая деятельность, связывающая познающего субъекта с действительностью) всегда оказывается «умнее» образа, воплощающего в себе в свернутой форме опыт предыдущей деятельности (см.: Леонтьев, 1994: 47), и рано или поздно перестраивает образ в соответствии с «новыми вызовами» действительности.

¹⁰ Впоследствии в своих многочисленных работах по педагогике Э.В. Ильенков четко формулировал соответствующее требование к школьному обучению и воспитанию («школа должна учить мыслить», необходимо «воспитывать ум») и весьма подробно

изложил возможные пути реализации поставленной задачи.

¹¹ Эта парадигма, до сих пор господствующая в современной школе, приводила и приводит, как отмечает ряд авторов (см., например: Осин, 2015), к появлению самых разнообразных форм отчуждения в образовании (переживаниям бессмысленности изучаемого материала, ощущениям собственного бессилия при решении определенных учебных задач, неприменимости полученных знаний в жизни и т. п.) и все того же формализма в усвоении знаний, о котором писала Л.И. Божович.

Панченкова, 1951: 109) и т. п. или просто замалчивались. В таком случае формировался, говоря словами Э.В. Ильенкова, «догматически-окостеневший интеллект» (Ильенков, 2002: 20), носитель которого, столкнувшись с противоречием (обнаружив, например, иную точку зрения на изучаемую реальность), бежит от него, поскольку «не выносит напряжение противоречия» и пытается избавиться от него любыми способами¹², охраняя ранее сформированное «мировоззрение». Э.В. Ильенков неоднократно отмечал, что о подлинном мировоззрении, то есть действительном знании реальных предметов, здесь не может быть и речи, поскольку человек фактически знает не предметы, а те фразы, которые о них сказали другие люди.

Но А.Н. Леонтьев и Э.В. Ильенков видели еще более серьезные противоречия, неизбежно возникающие в жизни школьников (и не только школьников) послевоенного времени и приводящие к дезинтеграции их сознания¹³, о чем А.Н. Леонтьев открыто говорил в своих работах 1940-х гг. и в выступлениях в дискуссии 1948 года: сформированное путем трансляции строго определенных значений мировоззрение могло существенно расходиться с теми впечатлениями, которые люди получали в реальной жизни. И действительно, возвращавшиеся с Великой Отечественной войны много чего повидавшие люди обогатили свое сознание совсем не теми значениями и смыслами, которые внушались тогдашними формами школьного обучения и средствами пропаганды, и могли транслировать

их в семье, своим детям-школьникам, нести их в студенческие аудитории и т. д.

В связи с этим отвечающие за идеологическую работу в конце и после Великой Отечественной войны не без основания опасались, что «нахождение солдат Советской армии за границей может породить нездоровые тенденции в советском массовом сознании», и осознавали необходимость изменения идеологической работы в послевоенное время, чтобы удержать общественное сознание «в фокусе партийной идеологии» (Бабюк, 2011: 109). Сравнивая ситуацию 1945 года с обстоятельствами возникновения декабризма после заграничных походов 1813–1814 гг., главный идеолог того времени Л.З. Мехлис признавал, что победа в войне породила к тому же неоправданные ожидания резкого улучшения жизни в стране, как в материальном, так и в духовном планах, и посчитал важнейшей целью пропаганды «разъяснять сложности» при переходе к мирной жизни.

Однако, несмотря на все усилия специалистов по разработке способов формирования и удержания мировоззрения в должных идеологических рамках, в стране нашлось немало людей, которые в послевоенное время смогли радикально перестроить сложившийся у них ранее образ мира, чему в свою очередь способствовали еще больше изменившиеся после смерти Сталина социокультурные условия. В целом все происходило в соответствии с подтвержденной в школе А.Н. Леонтьева, в том числе многочисленными эмпирическими

¹² Э.В. Ильенков продолжал доносить эту мысль до своих слушателей и критиков вплоть до своего трагического ухода из жизни. В последнем своем докладе на методологическом семинаре под руководством В.В. Давыдова 12 февраля 1979 года он красочно описал, как именно догматик, «мозг которого не выносит данного противоречия», старается от него избавиться: «то ли за счет религии, то ли за счет водки, то ли за счет произвольного изменения терминологии <...>, то ли путем насильственного устранения противоречащих мнений вместе с их носителем, путем уничтожения книг, в которых написано не то, что я вот думаю» (Ильенков, 2018: 88).

¹³ В подобную дезинтеграцию свой вклад могут внести: 1) смыслы, которые не всегда могут выразить себя в адекватных значениях; 2) лишённые смысла (поскольку они не соответствуют реальным мотивам человеческой деятельности) значения (знания, понятия, взгляды), усваиваемые индивидом, например, в процессах школьного обучения; 3) противоречия между различными мотивами-целями субъекта (Леонтьев, 2005: 120).

исследованиями, закономерностью: в диалектике образа и процесса «процесс» (в данном случае – реальная практическая деятельность) выступает «революционной» стороной, рано или поздно перестраивая ранее сложившийся образ (в данном случае – мировоззрение человека), причем зачастую эта перестройка образа происходит «скачкообразно» (см.: Леонтьев, 1994: 43-45; Соколова, 2021a)¹⁴.

Так возник феномен шестидесятничества, который нашел свое определенное воплощение и в теории педагогики, и в педагогической практике. Но анализ данного вопроса не входит в задачи настоящей статьи.

Заключение

Подводя итоги проделанного нами анализа архивных текстов и печатных материалов второй половины 1940-х гг., принадлежащих А.Н. Леонтьеву и его соратникам, в контексте социокультурных условий того времени и в сопоставлении с некоторыми трудами Э.В. Ильенкова, можно сделать вывод о том, что этими авторами разрабатывались совершенно иные методологические основания воспитания и обучения, нежели те, которые были приняты в официальной педагогике того времени. Эти две противоречащие друг другу системы идей и практик были впоследствии метко названы «педагогикой свободы» и «педагогикой необходимости» (см.: Газман, 2002: 55). Результатом педагогических воздействий в рамках последней было формирование лишь «социального индивида»¹⁵ со

строго определенным мировоззрением, не сомневающегося в тех значениях и смыслах, которые транслировали ему в школе и через СМИ в интересах прежде всего государства, в силу чего обучающийся фактически был лишен персональной ответственности за свои поступки, ибо они оценивались «по степени соответствия навязанному обществом эталону» (Леонтьев А.А., 2016: 31). В таком случае, отмечал А.Н. Леонтьев еще в 1947 году, «самые лучшие внушенные нами воспитаннику намерения могут стать у него такими намерениями, о которых было сказано: добрыми намерениями вымощена дорога в ад» (Леонтьев, 1947б: 6).

В отличие от «педагогики необходимости», «педагогика свободы» предполагает создавать условия для рождения собственно личности в самом узком и точном смысле этого слова, которая сама на свой страх и риск принимает решения, определяясь в своих отношениях к миру, обществу, государству и собственной жизни. Критерием рождения такой личности является, согласно учению школы А.Н. Леонтьева, поступок как свободное и ответственное действие в результате выбора из «борющихся» между собой значимых для человека социальных мотивов того или тех, которые станут основанием для совершения этого действия (подробнее см.: Соколова, 1999; Sokolova, 2021). При этом в школе А.Н. Леонтьева подчеркивалось, что поскольку образование в рамках «педагогики свободы» предполагает активное сотрудни-

¹⁴ Правда, согласно А.Н. Леонтьеву, указанный «скачок» по отношению к мировоззрению не происходит автоматически: «Усвоенные человеком значения, представления, мысли вовсе не изменяются сами по себе, автоматически, как только они теряют почву в объективных условиях жизни. Они могут сохранить для человека силу предрассудков, иногда требующих упорной борьбы для того, чтобы развенчать их в его сознании» (Леонтьев, 1947а: 115). Таким образом, даже при изменении внешних условий требуется специальная работа по расширению, с одной стороны, сложившейся ранее у индивида системы значений (в частности, путем знакомства с

разными точками зрения на мир и раскрытия их исторической необходимости), а с другой – по организации такой осмысленной деятельности воспитуемых, которая привела бы к формированию у них новых мотивов, адекватных изменившимся общественным условиям, и, соответственно, к перестройке ранее сложившихся отношений к миру.

¹⁵ Здесь мы используем терминологию учеников А.Н. Леонтьева В.В. Петухова и В.В. Столина, которые более точно, на наш взгляд, обозначили то психологическое новообразование в онтогенетическом развитии человека, которое сам А.Н. Леонтьев называл «первым рождением личности».

чество ребенка и взрослого и ориентировано прежде всего на личностное развитие ребенка, постольку противопоставление воспитания и обучения в известной степени снимается (Леонтьев А.А., 2016: 31).

Конечно, лежащая в основе «педагогики свободы» теория личности, контуры которой сложились у А.Н. Леонтьева уже к 1940-му году, не могла найти тогда свое полноценное и развернутое изложение в печати. Однако проницательные читатели работ А.Н. Леонтьева второй половины 1940-х гг. увидели в них некоторые намеки на важнейшую категорию психологии личности – категорию поступка. Так, выступавший в дискуссии 1948 года Н.И. Жинкин в заключении своего доклада сделал следующий вывод: «Алексей Николаевич подходит близко к одной проблеме – проблеме поступка. <...> Я думаю, что дальнейшие исследования заставят его заняться этой проблемой и приведут к положительным результатам» (Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948. Л. 113).

А.Н. Леонтьев впоследствии, действительно, обращался к категории поступка как формы свободного личностного действия, и не только в теоретическом плане, но обсуждая в том числе заботившие его методологические вопросы образования и воспитания человека. Так, выступая в 1973 году на круглом столе, организованном редакцией журнала «Вопросы философии», он четко сформулировал свою позицию, противостоящую «педагогике необходимости», но, естественно, с учетом социокультурных условий того времени: «Какие бы усовершенствования мы ни вносили в работу школ и вузов, мы не можем отвлекаться от вопроса о том, а какому человеку,

какому человеческому назначению должны служить даваемые нашим образованием знания и умения? Ибо одно дело – формировать человека в качестве персонифицированной функции, а другое дело – формировать человека-созидателя, активного строителя жизни общества, вооруженного знаниями, подготовленного к коммунистическому труду, к труду, не подчиняющему себе человека, а к труду свободному, освобождающему человека» (Леонтьев, 2009: 405-406)¹⁶.

И А.Н. Леонтьев не ограничивался декларациями, а пытался реализовать методологию «педагогики свободы», нацеленной именно на личностное развитие, в тех рамках, какие задавались тогдашней системой обучения. Это и резкое противостояние системе зазубривания, заучивания в полном соответствии с ильенковским требованием «школа должна учить мыслить»¹⁷, и организация летних психологических школ (ЛПШ), где студенты 3-4 курсов факультета психологии МГУ вместе с преподавателями могли в совершенно неформальной обстановке учиться ставить и пытаться решать вопросы, как говорил сам А.Н. Леонтьев, не по-обывательски, а по-научному, обсуждать при этом не только научные, но и интимные, житейские, а также общественно-политические проблемы по принципу «контроверзы между тем, что они слышат, и между тем, что они видят, противоречия, которые имеются в жизни – обыкновенно реальные противоречия» (Леонтьев, 2004). «Я следил тщательно за тем, – вспоминал А.Н. Леонтьев о первой в истории факультета психологии ЛПШ в 1967 году, – чтобы ни один вопрос, ни одно

¹⁶ Об этом же очевидном для него идеале воспитания говорил и Э.В. Ильенков еще в 1960 году: этим идеалом должно быть превращение «индивидуума из пассивного объекта внешних воздействий, из “винтика” механизма общественной жизни – в самостоятельного субъекта исторического действия» (Ильенков, 2011: 92).

¹⁷ Обучение ни в коем случае, утверждал А.Н. Леонтьев, не должно превращаться в тренировку памяти

как таковой, и предлагал разрешить пользоваться школьникам и студентам различными справочниками на контрольных работах и даже на экзаменах, поскольку для педагога главным при проверке усвоения материала должно являться не то, «помнит ли ученик точную дату события, а то, как он понимает значение данного события; не то, помнит ли он формулу, а то, какой смысл она имеет» (Леонтьев, 2009: 413).

высказывание не было предметом, так сказать, нигилистического отношения или (тем более – Боже упаси!) осуждения в форме, хотя бы и легкого, высмеивания. Я всегда поправлял, стараясь найти в неверно поставленном вопросе верное зерно. Здесь культивировалось уважение ко всякому мнению, к мысли. Это стояло как внутренняя задача уже не перед студентами, а перед преподавательским составом» (Леонтьев, 2004).

Конечно, это было уже другое время, более благоприятное для реализации методологических принципов «педагогики свободы», но складывались эти принципы в школе А.Н. Леонтьева еще в 1930–1940-е годы. И несмотря на очевидное преобладание в настоящее время «педагогики необходимости», будущее, на наш взгляд, именно за «педагогикой свободы», ибо только она способна обеспечить человеку адекватное понимание сути и возможностей разрешения противоречий современного мира и своей собственной жизни, помочь ему осуществить осознанный, самостоятельный и ответственный выбор своего жизненного пути, соответствующий прогрессивным тенденциям общественного развития.

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта 20-18-00028 «Культурно-историческая психология в архивах ее творцов».

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Science Foundation, grant number 20-18-00028 “Cultural-historical psychology in the archives of its creators”.

Источники

Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948.

Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948.

Литература

Бабюк, М.И. К вопросу о задачах советской пропаганды в послевоенный период (по

архивным документам фонда Л.З. Мехлиса) // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 3. С. 107-113.

Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.

Газман, О.С. Неклассическое воспитание: От авторитарной педагогики к педагогике свободы. М.: МИРОС, 2002. 296 с.

Ильенков, Э., Коровиков, В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955) / авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. 272 с.

Ильенков, Э.В. Историзм в психологии // Вопросы философии. 2018. № 4. С. 79-89.

Ильенков, Э.В. Об эстетической природе фантазии. Что там, в Зазеркалье? М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 128 с.

Ильенков, Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: Изд-во Московского психологосоциального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. 112 с.

Крутова, И.В., Разбегаева, Л.П. Воспитательный потенциал уроков истории и обществознания // Преподавание истории в школе. 2016. № 6. С. 10-16.

Леонтьев, А.А. Педагогика здравого смысла. Избранные работы по философии образования и педагогической психологии / Сост., предисл., коммент. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2016. 528 с.

Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд., стер. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.

Леонтьев, А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.

Леонтьев, А.Н. Очерк развития психики [на правах рукописи]. М.: Военный Педагогический Институт Советской Армии, 1947а. 120 с.

Леонтьев, А.Н. Первая летняя психологическая школа // Психология в вузе. 2004. № 4. С. 109-122 [Электронный ресурс] URL: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/summer/1967/index.htm> (дата обращения: 08.05.2022).

Леонтьев, А.Н. Психологические вопросы сознательности учения // Известия АПН РСФСР. Вып. 7. 1947б. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР. С. 3-40.

Леонтьев, А.Н. Психологические основы развития ребенка и обучения / под ред.

Д.А. Леонтьева, А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. 423 с.

Мареев, С.Н. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. М.: Культурная революция, 2008. 448 с.

Менчинская, Н.А. Проблемы обучения, воспитания и психического развития ребенка: Избранные психологические труды / под ред. Е.Д. Божович. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. 512 с.

Никонов, А., Панченкова, М. Журнал «Преподавание истории в школе» в 1949–1950 годах // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 105-114.

Осин, Е.Н. Категория отчуждения в психологии образования: история и перспективы // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 4. С. 79-88.

Рубинштейн, С.Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) [1922] // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101-108.

Соколова, Е.Е. Диалектика образа и процесса в изготовительной деятельности (предисловие к публикации текста А.И. Розенблюма) // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021а. Т. 7. № 4. С. 43-58.

Соколова, Е.Е. Идеи А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии (школа А.Н. Леонтьева) / под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999б. С. 80-117.

Соколова, Е.Е. Некоторые моменты дискуссии 1948 г. по книге А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики» // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 5. С. 109-118.

Соколова, Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии: Учебное пособие для высшего профессионального образования. 7-е изд., перераб. М.: Смысл, 2021б. 701 с.

Sokolova, E.E. Psychology “in terms of drama” project: The origins, the essence, the implementation // Russian Studies in Philosophy. 2021. Vol. 59. No. 4. P. 326-337.

Sources

Nauchnyy arkhiv RAO [Scientific Archive of RAE (Russian Academy of Education)] (1948a), coll. 82. Aids 1, item 102.

Nauchnyy arkhiv RAO [Scientific Archive of RAE (Russian Academy of Education)] (1948b), coll. 82. Aids 1, item 103.

References

Babyuk, M. I. (2011), “On the tasks of Soviet propaganda in the post-war period (from the archival documents of the L.Z. Mekhlis Foundation)”, *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya. 10, Zhurnalistika* [Bulletin of the Moscow University. Series. 10. Journalism], 3, 107-113 (in Russ.).

Bozhovich, L. I. (2008), *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation during childhood], Piter, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Gazman, O. S. (2002), *Neklassicheskoe vospitanie: Ot avtoritarnoy pedagogiki k pedagogike svobody* [Non-classical education: From authoritarian pedagogy to pedagogy of freedom], MI-ROS, Moscow, Russia (in Russ.).

Ilyenkov, E. and Korovikov, V. (2016), *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955)* [Passionate debates around theses on the subject of philosophy (1954-1955)], in Illesh, E. (ed.), *Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”*, Moscow, Russia (in Russ.).

Ilyenkov, E. V. (2018), “Historicism in psychology”, *Voprosy filosofii*, 4, 79-89 (in Russ.).

Ilyenkov, E. V. (2011), *Ob esteticheskoy prirode fantazii. Chto tam, v Zazerkal'e?* [On the Aesthetic nature of fantasy. What is behind the looking-glass?], Knizhnyy dom LIBROKOM, Moscow, Russia (in Russ.).

Ilyenkov, E. V. (2002), *Shkola dolzhna učit' myslit'* [School must learn to think], MPSI, Moscow; NPO MODEK, Voronezh, Russia (in Russ.).

Krutova, I. V. and Razbegaeva, L. P. (2016), “Educational potential of history and social studies lessons”, *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching history at school] 6, 10-16 (in Russ.).

Leont'ev, A. A. (2016), *Pedagogika zdavogo smysla. Izbrannye raboty po filosofii obrazovaniya i pedagogicheskoy psihologii* [Pedagogy of common sense. Selected works on philosophy of education and educational psychology], in Leont'ev, D. A. (ed.), *Smysl*, Moscow, Russia (in Russ.).

Leont'ev, A. N. (2005), *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality], 2th ed., Smysl; Akademiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Leont'ev, A. N. (1994), *Filosofiya psikhologii: Iz nauchnogo naslediya* [Philosophy of psychology: From scientific heritage], in Leontiev, A. A. and Leontiev, D. A. (eds.), *Izd-vo Mosk. un-ta*, Moscow, Russia (in Russ.).

Leont'ev, A. N. (1947a), *Ocherk razvitiya psikhiki [na pravakh rukopisi]* [Essay on the development of the psyche (A manuscript)], *Voyenny Pedagogicheskiy Institut Sovetskoy Armii*, Moscow, Russia (in Russ.).

Leont'ev, A. N. (1947b), "Psychological issues of conscious learning", *Izvestiya APN RSFSR*, 7, 3-40 (in Russ.).

Leont'ev, A. N. (2009), *Psikhologicheskie osnovy razvitiya rebenka i obucheniya* [Psychological foundations of child development and learning], in Leontiev, D. A. and Leontiev A. A. (eds.), *Smysl*, Moscow, Russia (in Russ.).

Leont'ev, A. N. (2004), "The first Summer psychological school", *Psychological Science and Education*, 4, 109-122 [Online], available at: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/summer/1967/index.htm> (Accessed 8 May 2022) (in Russ.).

Mareev, S. N. (2008), *Iz istorii sovetskoy filosofii: Lukach – Vygotsky – Ilyenkov* [From the history of Soviet philosophy: Lukács – Vygotsky – Ilyenkov], *Kul'turnaya revolyutsiya*, Moscow, Russia (in Russ.).

Menchinskaya, N. A. (2004), *Problemy obucheniya, vospitaniya i psikhicheskogo razvitiya rebenka: Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Problems of teaching, education and mental development of the child: Selected psychological works], in Bozhovich, E. D. (ed.), *MPSI*, Moscow; *NPO MODEK*, Voronezh, Russia (in Russ.).

Nikonov, A. and Panchenkova, M. (1951), "Journal Teaching History at School in 1949–1950", *Voprosy istorii* [History issues], 4, 105-114 (in Russ.).

Osin, E. N. (2015), "The concept of alienation in educational psychology: History and perspectives", *Cultural-Historical Psychology*, 11 (4), 79-88 (in Russ.).

Rubinshtejn, S. L. (1986), "The principle of creative self-activity (To the philosophical foundations of modern pedagogy) [1922]", *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 4, 101-108 (in Russ.).

Sokolova, E. E. (1999), "A. N. Leontiev and his school about action as a unit of analysing

personality. The significance of their ideas for historical psychology", in Voyskunskiy, A. E., Zhdan, A. N. and Tihomirov, O. K. (eds.), *Traditsii i perspektivy deyatel'nostnogo podkhoda v psikhologii (shkola A. N. Leont'eva)* [Traditions and perspectives of the Activity approach in psychology (A. N. Leont'ev's school)], *Smysl*, Moscow, Russia (in Russ.).

Sokolova, E. E. (2021a), "Dialectics of image and process in craftsmanship activity (Preface to the publication of the text by A. I. Rosenblum)", *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 7 (4), 43-58 (in Russ.).

Sokolova, E. E. (2021), "Psychology 'in terms of drama' project: The origins, the essence, the implementation", *Russian Studies in Philosophy*, 59 (4), 326-337 (in Russ.).

Sokolova, E. E. (2020), "Some points of the 1948 debate around the book "Essay on the development of the psyche" by A. N. Leont'ev", *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 66 (5), 109-118 (in Russ.).

Sokolova, E. E. (2021b), *Trinadtsat' dialogov o psikhologii: Uchebnoe posobie dlya vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Thirteen dialogues on psychology: Textbook for higher professional education], 7th ed., *Smysl*, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Соколова Елена Евгеньевна, доктор психологических наук, доцент кафедры общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, улица Моховая, д. 11, стр. 9, г. Москва, 125009, Россия; ees-msu@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Elena E. Sokolova, D.Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, 11/9 Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russian Federation; ees-msu@mail.ru

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ, ЭССЕ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 111; 165

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-10

Харченко В. К. | Н. Н. Страхов как критик: уроки сегодняшнего дня

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается суть феномена Н.Н. Страхова как критика, а именно уникальная широта охвата материала в сочетании с углубленностью анализа, доброжелательное отношение к литераторам и высокая степень ответственности перед русской национальной литературой. Демонстрируются эти черты на примерах из работ Н.Н. Страхова, мало привлекаемых в обычном цитировании. Проводится мысль, что качества критика были обусловлены тем, что Н.Н. Страхов был не только выдающимся критиком, но и выдающимся философом. Его отношение к человеку, эмпирике, к смерти, поэзии – ко всему, что им изучалось, было поистине философским, что хорошо заметно на материале различных статей Н.Н. Страхова. Проводятся аналогии с современной критической литературой, подчеркивается ее философский посыл, однако говорится об отсутствии обобщающих работ уровня Страхова.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов; современная литературная критика; критические статьи Н.Н. Страхова; философия Н.Н. Страхова

Для цитирования: Харченко В. К. Н. Н. Страхов как критик: уроки сегодняшнего дня // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 138-148. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-10

V. K. Kharchenko | Nikolay Strakhov as a critic: today's lessons

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
wera_kharchenko@mail.ru

Abstract: The article reveals the essence of the phenomenon of Nikolay Strakhov as a critic, namely, the unique breadth of coverage of the material combined with the depth of analysis, a benevolent attitude towards writers and a high degree of responsibility towards Russian national literature. This is demonstrated using examples from the works of Nikolay Strakhov, little involved in the usual citation. It is thought that the qualities of the critic were due to the fact that Nikolay Strakhov was not only an outstanding critic, but also an outstanding philosopher. His attitude to man, empiricism, death, poetry – to everything that he studied, was truly philosophical. This is shown on the materials of various articles by N. Strakhov. Analogies are made with

contemporary critical literature, emphasizing its philosophical message, but it is said that there are no generalizing works of Strakhov's level.

Key words: Nikolay Strakhov; modern literary criticism; critical articles by N.N. Strakhov; N.N. Strakhov's philosophy

For citation: Kharchenko V. K. (2022), "Nikolay Strakhov as a critic: today's lessons", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 138-148, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-10

Литература всегда оказывается на острие проблем и интересов общества, и именно в литературоведении нередко раздавались и сейчас раздаются алармистские голоса. Нет книг, отвечающих запросам времени, падает интерес к чтению, толстые журналы уже не выполняют своей функции, критика исчезла, а ситуация с пандемией усилила эти печальные факты и неутешительные прогнозы. Однако задумаемся всего над одним фактом: критика действительно исчезла или здесь есть некая недоработка нашей гуманитаристики в целом? И сразу же ответим: нет, не исчезла критика, однако и сейчас, как и ранее, желательно усиливать ее телеологический, пассионарный потенциал, видеть в ней примеры великих критиков прошлого и, в частности, Николая Николаевича Страхова.

Как образец для подражания Н.Н. Страхов смотрится ли? И да, и нет. Точнее, и нет, и да. Нет, поскольку это был человек весьма сдержанный, стремившийся к равновесию, не претендующий на всеобщее внимание и почитание. Да – поскольку его деятельность до сих пор востребована, оставляет впечатление, будто его работы написаны под сегодняшний, столь неуловимый и противоречивый день.

Остановимся на двух моментах в критической деятельности Н.Н. Страхова. Их сейчас остро недостает, и их можно положить в основу подражания Страхову.

Первое – это широта подхода к материалу, широкий охват того, что составляет настоящее чудо русской литературы, в сочетании с углубленностью анализа. А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев,

Л.Н. Толстой, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский... И здесь же Н.Я. Данилевский, Ап. Григорьев. За всеми происходящими в русской словесности процессами нужно было следить и, наблюдая, поощрять успехи литературы. Такой, можно сказать, глобальный подход соответствовал самой идее русской литературы. «На литературоведах лежит большая и ответственная задача – воспитывать “умственную восприимчивость”. Вот почему сосредоточенность литературоведов на немногих объектах и вопросах изучения, на одной и той же эпохе или на немногих проблемах противоречит основному общественному смыслу существования нашей дисциплины. <...> В литературоведении нужны разные темы и большие “расстояния” именно потому, что оно борется с этими расстояниями, стремится уничтожить преграды между людьми, народами и веками. Литературоведение воспитывает человеческую социальность – в самом благородном и глубоком смысле этого слова» (Лихачёв, 1974: 8).

Умственная восприимчивость и человеческая социальность воспитываются не сразу, не вдруг, и здесь внимательное отношение критиков литературы чрезвычайно важно. Существует ли в наше время такая широта взгляда? Примеров почти нет, но в качестве одного из немногих можно привести позицию А. Немзера, который регулярно пишет в «Литературной газете» критические обзоры на художественные публикации своих коллег, и каждую неделю мы ждем этих обзоров.

Глобальность, широта охвата забирает время критика, но дарует ему, критику,

полновесный взгляд, доверие читателя и талант чуткости. Эта широта подхода у Н.Н. Страхова сочетается с углубленностью анализа. Внимательнейшее отношение к эмпирическому материалу позволило Н.Н. Страхову ранее других оценить гениальное произведение в русской литературе, мы имеем в виду известный роман Л.Н. Толстого «Война и мир». «Какая громада и какая стройность! Тысячи лиц, тысячи сцен, всевозможные сферы государственной и частной жизни, история, война, все ужасы, какие есть на земле, все страсти, все моменты человеческой жизни, от крика новорожденного ребенка до последней вспышки чувства умирающего старика, все радости и горести, доступные человеку, всевозможные душевные настроения, от ощущения вора, укравшего червонцы у своего товарища, до высочайших движений героизма и дум внутреннего просветления – все это есть в этой картине... “Война и мир” произведение гениальное» (цит. по: Басинский, 2015: 14). Это мнение высказывалось задолго (подчеркнем это!) до общего признания романа как гениального произведения. Эта мысль – свидетельство той неуловимой работы сознания, которая характеризовала Н.Н. Страхова и была следствием его широкого и вместе с тем углубленного взгляда на литературу. Уловить гениальность Льва Толстого, написавшего роман-эпопею, увидеть в этом романе черты великого произведения – это значит быть на острие проблем.

Казалось бы, это очевидно, однако для Н.Н. Страхова защищать великие произведения с молодости было делом важным и почетным, несмотря на всевозможные оспаривания образцов. Касается это, например, «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Приведем самый конец статьи Н.Н. Страхова: «Что скажем в заключение? Заговорим ли об “Истории государства Российского”? Но величие предмета изумляет меня и внушает мне дерзость безмолвия. Ужели и это дело, эта пирамида, воздвигнутая египетским трудом несравненного таланта, нуждается в

какой-либо защите? Ужели нельзя отвечать одним презрением на все выходки, нельзя просто сказать, что ничто так разительного не обнаруживает скудости умственной и сердечной, как сомнение в пользе и величии “Истории государства Российского”?»

Бессмертное, непостижимое дело! Нужна была гениальная прозорливость, чтобы угадать важность и силу государственного характера нашей истории; нужен был ум, бесконечно ясный и чуткий, чтобы понять, что точка зрения нравственная и художественная, то есть вековая точка зрения, одна могла быть твердою опорою для создания нашей истории, что всякая иная точка зрения неминуемо увлекла бы историка во взгляды ложные и поверхностные. Но что я говорю? Столь высоких даров не нужно было, или правильнее – нужно было сверх этих даров нечто большее, – нужна была простота и чистота младенца, посрамляющая, как мы знаем, мудрость мудрых и разум разумных!» (Страхов, 2006: 397).

Говорится, что хорошо оценить книгу может человек, способный написать такую же. Показательно, что Н.Н. Страхов не только анализирует то или иное произведение как один из многочисленных критиков, но нередко и становится на точку зрения читателей этого произведения, подчеркивая его невидимую пока еще актуальность. Покажем это на примере романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»: «Если роман Тургенева повергает читателей в недоумение, то это происходит по очень простой причине: он приводит к сознанию то, что еще не было сознаваемо, и открывает то, что еще не было замечено. Главный герой романа есть Базаров; он и составляет теперь яблоко раздора. Базаров есть лицо новое, которого резкие черты мы увидели в первый раз; понятно, что мы задумываемся над ним. Если бы автор вывел нам опять помещиков прежнего времени или другие лица, давно уже нам знакомые, то, конечно, он не подал бы нам никакого повода к изумлению, и все бы дивились разве

только верности и мастерству его изображения. Но в настоящем случае дело имеет другой вид. Постоянно слышатся даже вопросы: да где же существуют Базаровы? Кто видел Базаровых? Кто из нас Базаров? Наконец, есть ли действительно такие люди, как Базаров?» (Страхов, 1862).

Этот двойной взгляд Н.Н. Стрхова с позиций критического анализа и с позиций читателя произведения создавал платформу для соединения широты охвата материала и глубины его анализа, а в основе всего этого лежала уникальная начитанность Н.Н. Стрхова. Приведем в качестве примера следующий отрывок: *«Рюккерта же не сам я открыл. Его замечательная книга о всемирной истории вообще мало читается, и у нас, можно сказать, вовсе неизвестна. О ее достоинствах я узнал лет двадцать тому назад, от давно уже покойного Мстислава Викторовича Прахова, отличного филолога, большого любителя и ценителя книг (М.В. Прахов ничем не известен в литературе, если не считать нескольких переводных стихотворений; но он оставил по себе прекраснейшую память у всех, кто знал его, – своей чистой и любящей душой, глубиной научного понимания и тонкостью эстетического вкуса. Он же мне указал тогда на первую книгу Ницше, который теперь так знаменит). Он мне указал на нее, как на книгу, единственную в своем роде, именно содержащую в большой полноте не факты, а одни общие взгляды на все области и периоды истории. Потом я слышал, что А.И. Георгиевский, когда был профессором в Одессе, в начале шестидесятых годов, в основание своего курса средней и новой истории полагал Рюккерта. Эта книга, которую немцы причисляют к ценным достояниям своей литературы, признается ими особенно пригодной именно для руководства при преподавании, для того, чтобы, изучая факты, не терять из виду общих точек зрения, с которых открывается смысл фактов. И сам Рюккерт дал ей название учебной книги, Lehrbuch, хотя она вовсе не похожа на обыкновенные учебники (Страхов, 2010: 482-483). Показательно, что*

Н.Н. Страхов отрицает принадлежность книги только к учебной литературе, подчеркивая ее значимость, прежде всего, для понимания истории.

У нас сейчас немало обзорных книг, например: биобиблиографический словарь в двух объемистых частях «Русские писатели: XX век» (Русские писатели..., 1998); «Барды» Льва Аннинского (Аннинский, 2005); «Простодушное чтение» Сергея Костырко (Костырко, 2010); «Сто поэтов начала столетия» Д.П. Бака (Бак, 2015). Интересные статьи находим у Ю. Щербининой: «Литературные Моцарты и Робертино» (Щербинина, 2013а), «Писательский стол как гинекологическое кресло. Литература в зеркале перинатальной метафоры» (Щербинина, 2013b). Что бы ни писал К.Г. Фрумкин, мы будем читать этого ученого – настолько все, написанное им, ново и интересно, например: «Трудности перехода. Размышления в связи со столетием 1913 года (Фрумкин, 2013). На столе у нас всегда открытый М.Н. Эпштейн. Здесь тоже просматриваются глубины анализа литературы, например, в статье «Проективная теория в естественных и гуманитарных науках» (Эпштейн, 2021). О проблемах фантастики читаем в статье В.А. Ковалева «Новации в отечественной политике и попытки их освоения силами отечественной фантастики» (Ковалев, 2008). Итак, даже небольшой обзор позволяет выделить ряд выдающихся критиков литературы сегодняшнего дня. Это Сергей Костырко и Павел Басинский, Ольга Балла и Михаил Эпштейн, Константин Фрумкин и Николай Скатов. Но у нас нет фигуры, равной Н.Н. Стрхову, нет человека, чутко и глубоко анализирующего постоянно пополняющуюся литературу сегодняшнего дня. Выступая на конференции в Швейцарии, нобелевский лауреат биолог Гюнтер Блобель, вслед за Микеланджело Буонарроти, отметил: «Для многих из нас опасность состоит не в том, чтобы не достичь очень высокой цели, а в том, чтобы поставить мелкую цель и ее достичь» (цит. по: Скулачев, 2009: 39).

Отечественная литература требует большого расклада, и зияющая пустота в этом вопросе на сегодняшний день оставляет желать лучшего.

Почему нет обобщающих работ? Мы дадим ответ, но сначала остановимся еще на одном качестве Н.Н. Страхова.

Второе его ценное качество – это быть рядом с писателями, способствовать их росту, доброжелательно относиться к их подчас экспериментальным попыткам писать по-своему, не как все. Именно широта охвата материала давала возможность уловить поначалу неуловимое начало, даровала доброжелательность к людям, стоящим с открытым сердцем перед современностью, то есть к писателям. Сейчас, сегодня, в первой четверти XXI века наблюдается иллюзия контакта. «Авторам все реже пишут отзывы в гостевые книги, все меньше задают интересных вопросов, все реже приглашают к разговору. Творческие вечера собирают все более скудную аудиторию. Кажется, что все уже выложено в Сетях и все оттуда можно добыть» (Щербина, 2015: 171). Поразительно, но Страхов был хорошо знаком и с Л.Н. Толстым, и с Ф.М. Достоевским, хотя эти писатели между собой не общались.

«Да половина моих взглядов – ваши взгляды!» – говорил Достоевский Н.Н. Страхову в начале 60-х годов. Интенсивный обмен мнениями по самым животрепещущим вопросам между Толстым и Страховым длился двадцать пять лет. «Только часть писем вошла во внушительный по объему том их переписки, изданный еще до Первой мировой войны», – подчеркивает исследователь критического творчества Н.Н. Страхова У. Гуральник (Гуральник, 1972: 138).

А вот оценка другого романа, «Анны Карениной»: «Вы не моралист, Вы истинный художник; но нравственное мирозерцание всегда отзывается в художественных произведениях, и я с изумлением и радостью вникаю в Ваши образы, следя за этим мирозерцанием... Отвлеченные,

нравственные правила всегда узки и одно-сторонни, и в Ваших созданиях выражается гораздо больше, чем кто-нибудь (даже Вы сами) может формулировать отвлеченным языком» (Переписка Л. Толстого с Н.Н. Страховым, 1913: 69).

Прочитируем самый конец статьи, чтобы еще раз убедиться в объективности взгляда Страхова на недопустимость обозначения «дымом» всего русского: «Эти два ветра не случайны, как видит читатель. Существование именно их, а не каких других ветров, всего лучше показывает, что не дым все русское, что не каприз случая вертит нами. Напротив, кто живет среди борьбы этих направлений, для кого она составляет насущную задачу, радость и горе, для того должны показаться дымом слова и рассуждения, отрицающие серьезность нашей жизни» (Страхов, 1885: 86).

Показательно и отношение Н.Н. Страхова к человеку. «Но о человеке должно судить не потому, что он есть в данную минуту, а потому, чем он был и чем он может быть. Кстати заметить здесь, что взгляд, подобный лакейскому, встречается часто в суждениях о требованиях искусства. ... Человек не бывает всем самим собою каждую минуту; но есть минуты, когда он бывает тем, чем только может быть в другое время, и на такие минуты должно быть обращено все внимание художника. Иначе – его произведение будет величайшею ложью на действительность» (Страхов, 1872: 160). Эта доброжелательность у Н.Н. Страхова сочеталась с великой ответственностью перед русской литературой, требовавшей к себе постоянного, причем профессионального внимания.

«Он говорил, например, что мы гораздо богаче крупными талантами, чем второстепенными, которые могли бы, по-видимому, являться чаще первых, что у нас много является писателей, подающих надежды, но редко эти надежды сбываются, что самые большие наши деятели, по какой-то таинственной судьбе, рано

умирают, чему доказательство – Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, что, наконец, наша литература развивается необыкновенно быстро, что в какие-нибудь десять лет вкусы и требования читателей успевают совершенно измениться. Все это совершенно верно, и каждая из этих черт имеет глубокий смысл, представляет указание на существенные особенности нашего литературного развития. Ясно, что это развитие имеет некоторый судорожный, неправильный, как бы чем-то подавленный и, однако, неудержимо рвущийся ход; это литература, почему-то не могущая ни на чем остановиться, не дающая зреть своим талантам, не успевающая крепнуть и развиваться в определенных формах. Только сильные таланты, крепкие сами собою, успевают делать свое дело в такой литературе; мелкие она сбивает с толку, ибо не дает образоваться никакой рутине и быстро доходит до конца всякой раз проторенной дороги» (Страхов, 1984: 51).

«Известна затем история с Гоголем. Даже малосведущим в нашей словесности, конечно, памятливы упреки, которые делались Гоголю за сальность его изображений, за то, что в его произведениях нет лиц добродетельных и светлых, а один только подлецы и дураки. Но тут сила того таинственного процесса, который порождает у нас произведения, по-видимому, недостойные великой литературы, обнаружилась гораздо яснее. Известно, что Гоголь сам пытался покинуть ту низменную сферу явлений, которая выпала на долю его таланта, пытался подняться в более высокие области и изобразить нам людей добродетельных и светлых, представителей “несметного богатства русского духа”. Попытка эта должна была совершиться во второй части “Мертвых душ”. Известно далее, что Гоголь не совладал с этою попыткой и умер в то самое время, когда она лежала на его душе, так что неудача в его усилиях в той или другой степени, очевидно, содействовала его смерти» (Страхов, 1984: 54)

«Таковы три самые крупные произведения нашей литературы за последнее время. В каждом из них есть по самоубийству и вообще много отчаяния; каждое из них изображает нравственный хаос, жестокое колебание человеческой совести; два последние – Анна Каренина и Братья Карамазовы указывают на религию, как на выход из хаоса и отчаяния» (Страхов, 1984: 406).

Когда мы говорим о связи критика и философа в одном лице, то на ум приходит, конечно же, Н.Н. Страхов.

Н.Н. Страхов стал выдающимся критиком, потому что был... выдающимся философом (Харченко, 2021а: 204-216). Н.Н. Страхов призывал избегать крайностей через создание философии, равно обеспечивающей смыслы и толерантной, терпимой к жизни. «Жизнь, как оказывается, совсем не то, что мысль. Она заключает в себе что-то крепкое, тяжелое, глубокое, нечто более едкое и жгучее, чем бесплотные и тихие движения нашей мысли. Жизнь не дает собой распоряжаться, и в этом случае она права, потому что сила на ее стороне» (Страхов, 1890: 100). Н.Н. Страхов ищет взгляда на мир, «который позволил бы нам жить на нашей прекрасной планете, не слишком торопясь к геологическому перевороту и не слишком убиваясь о заблуждениях человечества», который «давал бы надлежащую меру и нашей вражде, и нашей печали, давал бы хотя некоторый смысл той кутерьме, которую мы видим вокруг себя» (Страхов, 1861: 55).

Вот характерный пассаж из статьи философа и критика Н.Н. Страхова: «Сколько было писано, например, по польскому вопросу! Казалось, все стороны его были взвешены и разобраны. А между тем, едва ли сделались ходячими и прочно утвердились в наших умах те черты его, в силу которых видно, что польское дело решено историей в нашу пользу вследствие нашего нравственного превосходства над поляками, а не вследствие одного перевеса внешней силы. Еще недавно, на славянском

съезде, каким ярким и неожиданно-решительным показался простой аргумент князя Черкасского: пусть поляки в Галиции сделают для крестьян то, что русские сделали для польских крестьян в Польше! <...> Итак, первая наша бедность есть бедность сознания нашей духовной жизни. Мы одинаково не знаем ни ее дурных, ни ее хороших сторон и осуждаем ее огулом, без разбора. Драгоценнейшие черты этой жизни, прекраснейшие ее зачатки для нас неясны и потому все равно что не существуют» (Страхов, 1984).

Спросим себя: это литературоведческий или более общий, философский пассаж? *Бедность сознания, нравственное превосходство...* Именно философия сделала Страхова выдающимся критиком, именно благодаря философии в суждениях Страхова оживали великие тайные смыслы. И такое отношение Страхова к литературе заслуживает всяческого уважения и признания. В подтверждение этому приведем следующие слова.

«Нельзя даровать того, чего не существует; очевидно, само общество, сам народ должны создать свою серьезную науку, твердое и ясное направление своего просвещения. Так Ломоносов, Державин и т. д. создали русскую художественную литературу не в силу правительственных программ и указаний, а по внушению своего гения» (Страхов, 1885: 419).

И сейчас, анализируя статьи Ольги Балла, Михаила Эпштейна, Константина Фрумкина, мы отдаем себе отчет, что здесь лежит в основе серьезный философский посыл, обеспечивающий большой эффект этих статей. Вообще осознание автора как литературоведа и философа, критика и философа, эстетика и философа требует личного отношения к реальной, действенной философии, без чего не может быть полноценного отражения жизни. Творчество свободно, и мы не вправе приывать уважаемых авторов писать обобщающие книги, однако в то же время мы не можем не осознавать, что без таких книг недостает чего-

то весьма важного в осмыслении сегодняшней литературы, вбирающей в себя имена Татьяны Толстой, Евгения Водолазкина, Людмилы Улицкой, Дины Рубиной, Гузели Яхиной и многих других авторов.

Времена Страхова – это были времена весьма суровые: забраковывали Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Кольцова. Словом, *«вся ваша литература устарела, отстала, не содержит ничего годного и полезного для настоящей минуты, и современный русский человек имеет право наслаждаться только одними стихотворениями г. Минаева и романами г. Решетникова»*, – цитирует Н.Н. Страхов своих оппонентов (Страхов, 1885: 301). *«Отсюда, как необходимое следствие – неверие во все то, где действуют таинственные силы, более широкие и глубокие, чем разум с его бедными логическими доводами (слова Л.Н. Толстого), – неверие в жизнь, которую они готовы были ломать и перестраивать по своим понятиям, – неверие в народное творчество, в литературу, в искусство, в национальность» (Страхов, 1885: 300-301).* Приведем здесь и отношение к поэзии: *«Правильно судить о словесном художестве есть дело трудное; многим и многим вовсе недостает способностей, которые для этого требуются. Но это не значит еще, что область поэзии есть нечто неопределенное, что в суждениях об ней простительна всякая произвольность и разноречивость» (Страхов, 1888: XIII).*

Нам приходилось писать о феномене смерти в трактовке Н.Н. Страхова (Харченко, 2021b), однако эта трактовка распространяется и на художественные тексты, например, на поэму А. Голенищева-Кутузова «Дед простил». *«В поэме “Дед простил” самая история рассказана не в столь конкретных и ясных чертах, как в “рассвете”; но развязка – превосходна. Это – “Дед простил!” – невольно напоминает русскую поговорку о скончавшихся: “Бог его уже простил”; смысл этой смерти есть настоящее, радостное освобождение от земного ига, не простой выход, не наказание, а именно прощение. Мы*

остановились на той черте музы нашего поэта, которая показалась нам ясною и выдающеюся; да и предмет, о котором шла речь, показался нам достойным внимания читателей. Ибо смерть имеет свою важность даже по сравнению с внешнею и внутреннею политикою. Размышлениям о смерти издавна приписывается особая сила; они ведут нас в высокие области» (Страхов, 1888: 247).

Говоря о современной критике, мы не можем обойти стороной вопроса родного русского языка, на что требуется обратить самое серьезное внимание. У нас есть блестящие с точки зрения языка авторы: Евгений Носов, Борис Екимов, Лариса Шульц, и внимание к языку именно сейчас, в эпоху падения престижа русского языка, чрезвычайно важно. И критики могут сказать здесь свое слово. Как в смысле однозначного (да-да!) отвержения инвектократии, так и в смысле признания некоторых малоизвестных публикаций: например, статья Ю.В. Щербининой «Оскорбительная критика: опыт отражения» (Щербинина, 2013с) (текст этой статьи включает нецензурные слова, что недопустимо!); или роман «Поленька» Анатолия Санжаровского, написанный прекрасным русским языком (Санжаровский, 2016).

Критика не бывает безликой. В ней немало пафоса, и часто этот пафос вызван горькими размышлениями, как в следующем фрагменте: *«Очевидно, мы переживаем некоторый внутренний перелом, имеющий, судя по указанным чертам, величайшую важность и глубину. Беспокойное чувство этого нравственного переворота смутно отзывается в душах. Но до сознания, до настоящего понимания далеко; для господствующих понятий и вкусов, для того, что нынче называется образованием и просвещением, разумение дела трудно, почти недоступно; и ветреное племя, как выразился Гоголь, еще не содрогается...»* (Страхов, 1885: 457). Однако критик намечал и пути необходимого переворота в сознании. В своих «Заметках о текущей лите-

ратуре» Н.Н. Страхов писал: *«Таким образом мы потеряли чувство свободного, искреннего, прямого отношения к предметам. Тяжелая историческая задача налегла на нас своим гнетом и исказила наши умы. Работать против этого искажения есть одна из высоких задач, предлагающих литературе, а между тем литература, раз сбившись с дороги, сама усиливает зло, сама усиливает и укрепляет направление, ее же убивающее. Учение, никогда не достигающее своей цели – зрелой мысли, и неверие, никогда не могущее перейти в веру, – вот наша доля, вот настроение, вследствие которого мы так бесплодны, так бессильны в мышлении и творчестве. Повторяем: нужно выбиться из этой колеи, нужно постараться возвыситься над обстоятельствами, которые нас в нее толкают; нужно сознать свое положение и постепенно воспитывать в себе дух независимости, дух умственной свободы»* (Страхов, 1873).

Позиция настоящего, действенного философа весьма способствовала таким прогнозам.

Широта охвата и углубленность анализа, доброжелательное отношение к писателям и великая ответственность перед русской литературой – все это делает фигуру критика Н.Н. Страхова уникальной и престижной. Быть одновременно выдающимся философом и выдающимся литературоведом – на это наталкивало развитие русской литературы, оснащенной замечательными именами, но требующей к себе и тогда, и сегодня профессионально значимого, теоретически высокого отношения.

Литература

- Аннинский, Л. Барды. 2-е изд. Иркутск: Издатель Сапронов, 2005. 384 с.
- Бак, Д.П. Сто поэтов начала столетия: Пособие по современной русской поэзии. М.: Время, 2015. 576 с.
- Басинский, П. Лев в тени Льва. История любви и ненависти. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 509 с.

Гуральник, У. Н. Н. Страхов – литературный критик // Вопросы литературы. 1972. № 7. С. 137-164.

Ковалев, В.А. Новации в отечественной политике и попытки их освоения силами отечественной фантастики // ПОЛИС. Политические исследования. 2008. № 3. С. 166-173.

Костырко, С. Простодушное чтение. М.: Время, 2010. 368 с.

Лихачёв, Д.С. Об общественной ответственности литературоведения // Контекст: Литературно-теоретические исследования: Сборник. М.: Наука, 1974. С. 6-10.

Переписка Л. Толстого с Н.Н. Страховым / предисл. и примеч. Б. Модзалевского. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1913. 458 с.

Русские писатели: XX век: Биобиблиографический словарь: В 2 ч. / под ред. Н.Н. Скатова. М.: Просвещение, 1998. Ч. 1. А–Л. 783 с. Ч. 2. М–Я. 656 с.

Санжаровский, А. Поленька // Подъем. 2016. № 8. С. 20-109.

Скулачев, В. В поисках фонтана молодости // Знание – сила. 2009. № 12. С. 35-39.

Страхов, Н.Н. Бедность нашей литературы // Страхов, Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. С. 44-95. То же [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0070.shtml (дата обращения: 10.03.2022).

Страхов, Н.Н. Вздох на гробе Карамзина (Письмо в редакцию «Зари») // Н.М. Карамзин: pro et contra: личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, исследователей: антология. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. С. 377-400.

Страхов, Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1888. I-XVII, 281 с.

Страхов, Н.Н. Заметки о текущей литературе, 1873 [Электронный ресурс]. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/21mayN21.htm> (дата обращения: 10.03.2022).

Страхов, Н.Н. Из истории литературного нигилизма (1861–1865). СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. XII, 596 с.

Страхов, Н.Н. И. С. Тургенев. Отцы и дети, 1862 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0050.shtml (дата обращения 14.03.2022).

Страхов, Н.Н. Исторические взгляды г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Страхов

Н.Н. Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 480-512.

Страхов, Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1885. 484 с.

Страхов, Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1872. 505 с.

Страхов, Н.Н. Содержание жизни // Светоч. 1861. № 1. Отд. II. С. 37-58.

Фрумкин, К.Г. Трудности перехода. Размышления в связи со столетием 1913 года // Знамя. 2013. № 9. С.180-188.

Харченко, В.К. Гносеологическая культура нации в свете идей Н.Н. Страхова // Нева. 2021. № 4. С. 204-216. (а)

Харченко, В.К. Н.Н. Страхов о феномене смерти // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 78-85. (b)

Щербинина, Ю. Десять мифов о пиратстве // Октябрь. 2015. № 6. С. 162-174.

Щербинина, Ю. Литературные Моцарты и Робертино // Нева. 2013. № 6. С. 201-213. (а)

Щербинина, Ю. Писательский стол как гинекологическое кресло. Литература в зеркале перинатальной метафоры // Нева. 2013. № 12. С. 193-203. (b)

Щербинина, Ю.В. Оскорбительная критика: опыт отражения // Нева. 2013. № 1. С. 159-172. (c)

Эпштейн, М.Н. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание – сила. 2021. № 4. С. 55-62.

References

Anninsky, L. (2005), *Bardy*. [Bards], 2nd edition, Publisher Saprionov, Irkutsk, Russia (in Russ.).

Bak, D. P. (2015), *Sto pojetov nachala stoletija: Posobie po sovremennoj russkoj poezii* [One Hundred poets of the beginning of the century: A Handbook on Modern Russian poetry], Vremya, Moscow, Russia (in Russ.).

Basinsky, P. (2015), *Lev v teni L'va. Istoriya lyubvi i nenavisti* [Lev in the shadow of Leo. A story of love and hate], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Frumkin, K. G. (2013), “Difficulties of transition. Reflections on the Centennial of 1913”, *Znamya*, 9, 180-188 (in Russ.).

Guralnik, U. (1972), “N. N. Strakhov – literary critic”, *Voprosy literatury* [Questions of literature], 7, 137-164 (in Russ.).

Epshtein, M. N. (2021), “Projective theory in natural sciences and humanities”, *Znanie – sila* [Knowledge is power], 4, 55-62 (in Russ.).

Kharchenko, V. K. (2021a), “The epistemological culture of the nation in the light of the ideas of N. N. Strakhov”, *Neva*, 4, 204-216 (in Russ.).

Kharchenko, V. K. (2021b), “N. N. Strakhov about the phenomenon of death”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 78-85 (in Russ.).

Kostyrko, S. (2010), *Prostodushnoe chtenie* [Simple-minded reading], Vremya, Moscow, Russia (in Russ.).

Kovalev, V. A. (2008), “Innovations in domestic politics and attempts to master them by the forces of domestic fiction”, *Polis. Political Studies*, 3, 166-173 (in Russ.).

Likhachev, D. S. (1974), “On the social responsibility of literary criticism” *Context. Literary theoretical research*, Nauka, Moscow, 6-10 (in Russ.).

Perepiska L. Tolstogo s N. N. Strakhovym (1913) [Correspondence of L. Tolstoy with N. N. Strakhov], B.M. Wolf Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Skatov, N. N. (ed.) (1998), *Russkie pisateli: XX vek: Biobibliografichesky slovar: V 2 ch.* [Russian writers of the XX century: Biobibliographical dictionary: In two parts], Prosveshchenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Sanzharovsky, A. (2016), “Polenka”, *Pod'yom*, 8, 20-109 (in Russ.).

Shcherbinina, Yu. (2015), “Ten myths about piracy”, *Oktyabr*, 6, 162-174 (in Russ.).

Shcherbinina, Yu. (2013a), “Literary Mozarts and Robertino”, *Neva*, 6, 201-213 (in Russ.).

Shcherbinina, Yu. (2013b), “A writer's desk is like a gynecological chair. Literature in the mirror of perinatal metaphor”, *Neva*, 12, 193-203 (in Russ.).

Shcherbinina, Yu. V. (2013c), “Offensive criticism: the experience of reflection”, *Neva*, 1, 159-172 (in Russ.).

Skulachev, V. (2009), “In search of the Fountain of Youth”, *Znanie – sila* [Knowledge is power], 12, 35-39 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1862), *I. S. Turgenev. Ottsy i deti* [I. S. Turgenev. Fathers and Sons], [Online],

available at:
http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0050.shtml
(Accessed 14 March 2022) (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1890), *Iz istorii literaturnogo nihilizma (1861–1865)* [From the history of literary nihilism (1861–1865)], Brothers Panteleev Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1869), “The content of life”, *Svetoch* [The Light], 1, II, 37-58 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1872), *Mir kak tseloe. Cherty iz nauki o prirode* [The world as a whole. Traits from the science of nature], Printing house of K. Zamyslovsky, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1873), *Zametki o tekushey literature* [Notes on current literature] [Online], available at: <http://smalt.karelia.ru/~philologist/grazh/1873/21maiN21.khtm> (Accessed 10 March, 2022) (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1885), *Kritichesie statyi ob I. S. Turgeneve i L. N. Tolstom* [Critical articles about I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy], Brothers Panteleev Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1888), *Zametki o Pushkine i drugikh poetakh* [Notes on Pushkin and other poets], Brothers Panteleev Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1984), “The poverty of our literature”, *Literaturnaya kritika* [Literary criticism], *Sovremennik*, Moscow, Russia, 44-95, [Online], available at: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0070.shtml (Accessed 10 March, 2022) (in Russ.).

Strakhov, N. N. (2006), “A sigh on the coffin of Karamzin. (Letter to the editorial board of “Zarya”)” *N. M. Karamzin: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo N. M. Karamzina v otsenke russkikh pisatelej, issledovatelej: antologiya*. [N. M. Karamzin: pro et contra: personality and creativity of N. M. Karamzin in the assessment of Russian writers, researchers: anthology], Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg, Russia, 377-400 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (2010), “Historical views of Mr. Rickert and N. Ya. Danilevsky”, *Bor'ba s Zapadom* [Struggle with the West], Institute of Russian Civilization, Moscow, Russia, 480-512 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального

исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия, wera_kharchenko@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; wera_kharchenko@mail.ru

УДК 165; 124.5

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-11

Маслова А. В.

**Перспективы естественного интеллекта человека
в свете тенденций трансгуманизма**

Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1,
г. Москва, 119034, Россия; an_maslova@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме ценностного определения феномена трансгуманизма в контексте современных реалий. Феномен трансгуманизма рассмотрен, с одной стороны, как эпистемологический фактор преобразования человека, с другой, как фактор социальных изменений. Первая часть статьи посвящена проблеме определения границы совершенствования естественных когнитивных способностей человека. Показано, что естественная тренировка когнитивных способностей остается в рамках человеческой природы, не затрагивая и не изменяя ее, тогда как в трансгуманизме заложен смысл преодоления и трансформации природы человека с помощью цифровых имплантов или генетически. Во второй части работы, посвященной социальным последствиям идей трансгуманизма, особо подчеркивается роль образования в значении греческой пайдеи (*παιδεία*), от качества и направленности которого зависит реализация любого макросоциального проекта. Излагается авторская концепция связи трансгуманизма как идеологической установки с социальными изменениями и перекраиванием всего общественного ландшафта, от изменений форм межличностного общения до смены общественного мироустройства в целом.

Ключевые слова: трансгуманизм; сознание; естественный интеллект; образование; цифровизация; социальный контроль

Для цитирования: Маслова А. В. Перспективы естественного интеллекта человека в свете тенденций трансгуманизма // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 149-159. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-11

A. V. Maslova

**Perspectives on human natural intelligence in light of trends
in transhumanism**

Moscow State Linguistic University, 38/1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia;
an_maslova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of value definition of the phenomenon of transhumanism in the context of modern realities. The phenomenon of transhumanism is considered, on the one hand, as an epistemological factor of human transformation, on the other hand, as a factor of social change. The first part of the article is devoted to the problem of determining the limits of improvement of natural human cognitive abilities. It is shown that the natural training of cognitive abilities remains within human nature without affecting or changing it, while transhumanism is about overcoming and transforming human nature through digital implants or genetically.

The second part of the paper, devoted to social implications of transhumanism ideas, emphasizes the role of education in the meaning of Greek *paideia* (παιδεία), on the quality and orientation of which the realization of any macrosocial project depends. The author's concept of connection of transhumanism as an ideological attitude with social changes and reshaping of the whole social landscape, from changes in the forms of interpersonal communication to changes in the social world order as a whole, is presented.

Key words: transhumanism; consciousness; natural intelligence; education; digitalization; social control

For citation: Maslova A. V. (2022), "Perspectives on human natural intelligence in light of trends in transhumanism", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 149-159, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-11

Сверхчеловек есть предельная *rationalitas* в полномочии *animalitas*,
он есть *animal rationale*, совершающееся в *brutalis*.
Теперь бессмыслица становится «смыслом» сущего в целом.
(Хайдеггер, 2007: 20).

Введение

Современный мир вступил в период нигилизма 2.0, в эпоху объективации симулякров на всех уровнях жизни. Однако природа человека в биологическом смысле осталась неизменной, его когнитивные способности так же функционируют и позволяют творчески мыслить. Естественный интеллект стал лишь более перегруженным информационными потоками, наполненными целенаправленным нивелированием мыслительной способности. При этом NBICS-технологии¹ выполняют задачу по усовершенствованию природы человека, которая до сих пор полностью не изучена. Вряд ли в ближайшее время возможно полно ответить на фундаментальный вопрос о том, что такое сознание и каковы механизмы его работы. В связи с этим возникает поляризация научно-практической деятельности. С одной стороны, происходит интенсивное развитие технологий (Р. Курцвейл, Ю. Харари и др.), направленных на преобразование природы человека

(Курцвейл, 2015), с другой стороны, продолжают попытки разобраться в деятельности человека как естественного, живого, сознающего существа. Эти два направления параллельны друг другу, однако второе явно уступает по степени так называемой ликвидности и прибыльности.

Естественный интеллект оказывается под угрозой, так как аффективная природа мозга создает привычки в целях экономии энергозатрат организма. Этот механизм был выработан тысячелетиями биологической эволюции, и сегодня он может привести к необратимым последствиям. Человеку будет просто удобно не пользоваться собственным разумом, что приведет на макроуровне к воплощению в действительность образов антиутопий XX века. Отсутствие собственного мышления приводит к отсутствию критической оценки и элементов сомнения, что Кант определил как несовершеннолетие разума. Только несовершеннолетний ум можно подчинить и навязать любые ценности, лишь бы они показывали

¹ Современный процесс конвергенции нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий, объединяемых на новом уровне для синергетического усиления друг друга. *Прим. ред.*

лись наивному уму привлекательными и работали на удовлетворение инстинкта удовольствия.

Эпистемологический аспект трансгуманизма

Здесь мы затронем вопросы границ усовершенствования когнитивных способностей человеческого интеллекта, таких как память, вычисление, восприимчивость, в которых указанные способности остаются естественными. Такая постановка проблемы коррелирует с технологиями создания искусственного интеллекта (далее – ИИ), которые играют важную роль в деле трансгуманизма. Джон Серль в 1980 году описал мысленный эксперимент под названием «Китайская комната», который наглядно показывает, что создание искусственного аналога человеческому интеллекту невозможно, так как вычисление и обработка информации – это еще не сознание (см.: Гаспарян, 2017: 84). В философии проводится различие между сознанием и умом, для древних греков проблема сознания сводилась к вопросу о душе, но проблематика ума, нуса, коррелирует с современными исследованиями в области разработки ИИ. Нус еще в досократический период понимался как первопринцип; наряду с номосом – законом – он дает импульс развитию и созданию космоса. Ум и сознание вещи настолько разные, что, действительно, мы можем любой современный гаджет назвать умной машиной, но отнюдь не сознающей. Сознание призвано заниматься творчеством, воображать, ум же ограничен процедурой вычисления. Оба этих когнитивных ансамбля наших способностей взаимодополняют друг друга.

Усовершенствование памяти, скорости вычисления – это улучшение ума, одной стороны человеческой когнитивной

природы, но есть другая сторона, та, которая недоступна современным технологиям ИИ. Несмотря на претенциозные заявления о создании робота-поэта, музыканта, иначе, творца (Schmidhuber, 2010), возникает вопрос, как можно заявлять о создании технологии творчества, если мы до конца не знаем, как работает живое человеческое сознание в момент создания нового артефакта знания или произведения искусства. Нейромедиаторы и кластеры задействованных в данном процессе нейронов лишь сопровождают вспышку озарения, иначе говоря, невозможно алгоритмизировать интуицию. При этом можно алгоритмизировать то, что само гениально содержит в своей структуре алгоритм и строго придерживается логики.

В технологиях, направленных на улучшение когнитивных способностей, важно видеть различие между сознанием и умом и не улучшать одну способность в ущерб другой. Если рассмотреть мнемотехники, или искусство памяти, то методы, которые предлагает Дж. Бруно, например, направлены на совершенствование естественного интеллекта *par excellence*, к которому применяется магия (см.: Йейтс, 1997: 258). Развитие воображения для формирования устойчивых ассоциаций, применение образов мифологии для лучшего запоминания отражены и в психологии памяти (Психология памяти, 1998). Применяя магические техники, Дж. Бруно, тем не менее, стремился не изменить саму природу своего ума, а лишь усовершенствовать ее уже имеющийся потенциал. В трансгуманизме прослеживается тенденция к изменению самой природы человека.

Несмотря на позитивную окраску задач², например, российского трансгуманистического общества, которые направлены на создание улучшенной версии нашего ме-

² В задачи трансгуманистического движения входит: распространение идей трансгуманизма и иммортализма; синтезирование научных исследований, способствующих развитию технологий трансгуманизма; объединение прогрессивно мыслящих людей для более безопасного внедрения, полученных с по-

мощью междисциплинарных исследований, технологий трансгуманизма и иммортализма. См.: Манифест Российского трансгуманистического движения [Электронный ресурс], URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/> (дата обращения: 11.04.2022).

зокосмического пространства и улучшенной версии самого человека, необходимо критически оценивать риски, которые могут последовать за реализацией подобных задач. Прежде всего, до конца остается открытым вопрос о сущности человека, более того, открыта проблема реализации наук о человеке (Лекторский, 2015). Человек с философской точки зрения, как научный объект, находится на границе наук о природе и наук о духе и свободе. Поэтому, когда речь идет о внедрении технологии улучшения естества человека, то неизбежно она затрагивает и его социальную, свободно поступающую сторону. С одной стороны, трансгуманизм ставит благую цель создать мир всеобщего благополучия с помощью технического нивелирования роковых телесных изменений человека (деменции, болезни), с другой, видит ли трансгуманизм (если рассматривать его как коллективное сознание) последствия для самой природы человека пребывания в актуализированной трансгуманизмом реальности?

NBICS-технологии активно работают над проблемой изменения природы человека, однако на сегодняшний день онтологический статус реальности оказывается под вопросом в связи с феноменом виртуальной реальности, которую исследует целое направление виртуалистики (см.: Виртуалистика, 2004). Создание виртуальных миров рассматривается не как искусственное изобретение, но имеющее как минимум два уровня: естественный и искусственный. Естественная виртуальная реальность является порождением наших когнитивных способностей, данных от природы, таких как воображение, интуиция, память. Например, во время чтения литературного произведения в нашем сознании возникают различные ассоциации, это могут быть не только образы, но совершенно любые привходящие из потока мышления моменты опыта. Наш сенсорный аппарат, а также бессознательное поставляют нашему сознанию огромное количество необработанной информации, подобно греческой хюле (ύλη), она становится впоследствии оформленной

вещью, феноменом. Можно сказать, что строгого различия между реальной реальностью и виртуальной нет, дело лишь в точке зрения, фиксирующей одно из возможных состояний сознания. Отсюда следует, что сама по себе виртуальная реальность не несет в себе противоречащие человеческой природе интенции. Поэтому мы делаем акцент именно на эпистемологической составляющей того, что в 2016 году было названо четвертой промышленной революцией (см.: Шваб, 2016), призванной стать стартом для создания нового человека. Задача философии и всей гуманитарной мысли состоит в определении границ, до которых это усовершенствование может оставаться в человеческом облики. Кроме изменения самого человека меняется и окружение (environmental). «Граница между нами (человеком и роботом. – А.М.) стирается, она пролегает не между “мы” и “роботы”, а между “трансгуманными” и “транстехнизированными” существами. Совокупность взаимодействий между ними создает общество принципиально иного характера» (Маркова, 2016: 173). В данной ситуации мы имеем дело с двумя новыми объектами: измененным человеком и созданным ИИ. Пока мы четко различаем человека как креатора и его креатуру, но проблема заключается в изменении человека под воздействием им же созданных технологий. Существует гипотетическая ситуация в будущем, которая имеет название «технологическая сингулярность», вбирающая в себя тенденции трансгуманизма. Технологическая сингулярность понимается как особый этап технологического развития, когда оно становится уже неограниченным. Существует две дискуссии: о самой возможности реализации такой сингулярности, а также о ценностном аспекте ее реализации. Однако стоит строго различать «истинную» сингулярность от «фактической» сингулярности, поскольку на сегодняшний день создалась целая мифологическая система образов относительно будущего человечества.

Сторонники реализации технологической сингулярности открыто говорят о возможном слиянии человеческого мозга с компьютером, где последний будет играть роль части человеческого тела, а человек при этом станет гибридом, постчеловеком. Гуманитарная проблема в данном случае состоит в том, что экзистенциальное положение человека стирается в предельных мечтах сторонников реализации технологической сингулярности. Человеческое приносится в жертву нечеловеческому, в первую очередь, поскольку будет отсутствовать феномен смерти, что возможно с реализацией проекта цифрового бессмертия. Интересно, что негативная оценка трансгуманизма относится к развитию технологии ИИ. Действительно, именно сценарии борьбы за выживание человека как носителя естественного разума с им же созданными «разумными» техносубстанциями (роботы, программы и т. д.) муссируются в фантастических продуктах киноиндустрии («Терминатор», «Бегущий по лезвию»). Так, Н. Бостром использует понятие «постчеловек», который, сохраняя свою осознанность и свободу выбора, имеет больший интеллектуальный и физический потенциал в сравнении с обычным человеком вида *homo sapiens*. Однако, согласно закону диалектики, количество переходит в качество, и в связи с количественными показателями улучшения жизни человека (увеличением продолжительности жизни, приумножением здоровья и т. д.) происходит качественный скачок в технологическом аспекте. Этот скачок может привести как к преобразению человека и выведению его на качественно новый уровень с сохранением его сущности, так и к уничтожению самого человечества.

Призыв Ницше к созданию нового человека относится ко внутреннему перерождению духа, которому необходимо здоровое тело. В этом смысле уместно будет сравнение преодоления недостатков тела в трансгуманизме с технологиями православных мистиков по обожению души, обрете-

нию Бога в своем внутреннем мире. Тем самым, преобразив свою духовную сущность, человек может преодолеть слабости и недостатки тела, психологии в едином слиянии с Высшим. Как подчеркивает С.С. Хоружий, отличие современного трансгуманизма, основанного на западной традиции, от *трансформативных антропологических практик* в том, что последние отталкиваются от наличия священной связи человека с Богом, которая определяет попытки преобразования человека, его теозис, или обожение (см.: Хоружий, 2008: 16). В истории существуют практики трансформирования человека, а точнее, его сознания, закрепленные духовными традициями. Одной из таких традиций является исихазм, а если обратиться к XX веку, то обнаружим психотехники трансперсональной психологии С. Гроффа. Однако проблема именно секулярных техник создания *posthuman* (как в духовном, так и в телесном аспектах) состоит в утрате искомого смысла этой трансформации. Как мы видим, современная концепция трансгуманизма сформировалась вследствие нововременной парадигмы, согласно которой человек не только креатор, но и способен подчинить природу, естественные процессы и властвовать над ними с помощью одного только разума, высшим достижением которого является наука. Такая ценностная установка сыграла решающую роль в осуществлении научного прогресса и создании научной картины мира, но, как показал XX век, только разумом руководствоваться больше нельзя. Проект Просвещения оказался исчерпаемым ресурсом, на место которого должна прийти иная установка на природу и на знание.

Безусловно, технологии исцеления, доведения до цельности приносят большую пользу. Так, в ситуации объективности научно-технического прогресса нельзя стоять на позиции луддизма и отрицать позитивные аспекты цифровых технологий. Например, в медицине благодаря высокоточной работе ИИ и цифровизации воз-

можно сложнейшие хирургические манипуляции и более точная диагностика (Иванова, Латкин, Фершт, 2020). В области бюрократии цифровая среда позволяет ускорить документооборот. Но эти технологии остаются благими до тех пор, пока исцеление не становится орудием переделывания человека, трансформации его в *homo digital*, который только отдалится от идеала ницшеанского сверхчеловека.

Свободный ум, о котором писал Ницше, является ключевым атрибутом сверхчеловека, свободного от человеческого, слишком человеческого, от примитивных желаний, низменных стремлений удовлетворения ложных потребностей, от стереотипов. В этом смысле сверхчеловек *par excellence* есть полная противоположность постчеловека, освобожденного от физического, умственного и духовного труда, названного в одном исследовании нелюдью (см.: Алексеева, Аршинов, Чеклецов, 2016: 19). Если за человека всю работу выполнять будут более совершенные механизмы, то произойдет потеря смысла деятельной жизни. Показательна фраза В.А. Кутырева, написанная в качестве реакции на тематику Всероссийской конференции по нейрокибернетике: «Додумались до того, чтобы больше не думать» (Кутырев, 2016). Счеты, калькулятор, компьютер лишь помогают нам выполнять сложные вычисления, при том, что всю остальную работу по созданию и проектированию они оставляют нам. Нетривиальным в контексте нашей проблематики является вопрос: «Что осталось бы от мира, если отрезать голову?» (Ницше, 1990: 243). Имеется в виду человеческая точка зрения, сформированная на протяжении тысячелетий проб и ошибок в процессе познания мира.

Однако существует позиция, согласно которой технологическая сингулярность вряд ли когда-нибудь наступит. При этом упование на вероятность иного будущего также не столь очевидно, поскольку вслед за изменением технологического контекста жизни человека меняется и сам социальный ландшафт. Даже если человек и не утратит

своего человеческого облика, как внутреннего, так и внешнего, мы, тем не менее, не можем не констатировать, что уже изменяется характер межличностных отношений, а постепенно и система управления обществом.

Социальный аспект

На протяжении истории европейской культуры неоднократно менялась перспектива самоопределения человека: в Древней Греции это была природа, которой можно лишь подражать и которую можно лишь созерцать; в Средние века это текст, великий текст, продиктованный самим Богом, который нужно лишь истолковать; в Новое время ни природа, ни Бог уже не являются авторитетами, его нужно было создать заново. Таким авторитетом стала наука, в своем пределе это выразилось в сциентизме. Вероятно, история имеет циклическую структуру, то есть в какой-то момент причины событий должны совпасть с их следствием и наоборот. Когда этот момент наступит, никому не известно, однако мы видим, что современная перспектива, представляющая собой научную картину мира, главенствует, и мир погружается в цифровую матрицу, где человек с его неповторимой индивидуальностью стремится (не всегда по своей воле) стать всего лишь QR-кодом, без которого та мобильность, которая достигнута сегодня, будет недоступна или доступна немногим.

Социальная сторона проблемы трансгуманизма связана с перспективами человечности, которая затеняется порывами преодоления природных ограничений человека. М.Н. Эпштейн выделяет альтернативные позиции относительно видения будущего человека: трансгуманизм, или постгуманизм, в своем пределе видящий будущее в технологической сингулярности; и анти-технизм; техногуманизм, согласно которому техноэволюция должна происходить гармонично с духовным развитием человека (см.: Эпштейн, 2019: 92-95). Поэтому сегодня особенно актуально исследование

влияния и этической обоснованности идеологии трансгуманизма, того, как она влияет на социальную жизнь в современном мире. Проследим кратко трансформацию понимания человека в социальном аспекте, начиная от Аристотеля до наших дней. Homo politicus, как известно, канул в Лету со времен нивелирования самой politica, ему на смену пришел homo economicus, который также долго не задержался на авансцене истории, следом появился homo unum tempus, сегодня же разрабатывается стратегия выведения homo digital (Кувшинов, 2013). Краткий экскурс по изменению социального облика человека показывает, что за последние сто лет он изменился уже два раза, и третья метаморфоза на подходе. Социальные изменения происходят параллельно с технологическим прогрессом, меняется не только человеческое мышление, но и сама социальная реальность.

Сегодня мыслить трансгуманизм как некое идейное течение группы ученых нельзя, мы действительно наблюдаем следствия интенсивной подготовки социума к принятию человеком нового облика (не обязательно только в физическом плане). В этом смысле важна не столько градация «киборг-мутант-клон», предложенная С.С. Хоружим, сколько взаимообусловленность идеи создания нового общественного строя с идеологией технологической трансформации человека. В первую очередь мы имеем в виду переформатирование системы образования, что уже частично осуществлено через внедрение тестового формата экзамена, ЕГЭ и т. п. О пагубности такого рода деструктивных нововведений написано уже много (Гребенникова, Кирабаев и др., 2018; Мареева, 2014; Четверикова, 2019 и мн. др.). Более того, существует документ «Будущее образования: глобальная повестка»³, в котором пошагово изложена

стратегия по сути полного уничтожения классического фундаментального образования, а также всей классической образовательной духовной инфраструктуры, включая учителя, преподавателя и даже родителя. Воспроизводство культурных ценностей таким образом прекращается, так как история и рукописи будут переложены в цифровой формат, что сделает их содержание еще более уязвимым к изменениям и сокращениям. С одной стороны, мы имеем практически неограниченный постоянный доступ ко всей научной базе данных, но, с другой стороны, цифровой формат информации создает риски для ее безопасного сохранения и передачи. В том числе в связи с этим так остро сегодня стоит проблема информационной безопасности.

Образование является культурным ядром социума, и от той повестки, которую изберет государство, зависит система образования, транслирующая систему ценностей будущим гражданам. Если сегодня идеология трансгуманизма подвергается критике и имеет оппонентов по причине сформированного мышления оппонентов, то при отсутствии такого мышления любая идеология может быть легко реализуема. Поэтому, связывая трансгуманизм с социальной реальностью, мы подразумеваем возможную перспективу перекраивания социального бытия, конвергированного с созданием некоего сверхчеловеческого ИИ (см.: Потапов, 2017: 20). Это может быть Big Data такого масштаба, что сможет без участия «человеческого фактора» самостоятельно указывать, поощрять и наказывать каждого человека такого трансформативного общества.

Перспектива трансгуманизма в социальном плане представляется автору проводником к созданию антиутопичного бу-

³ http://rusinfo-guard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda_ru_full.pdf

Данный документ является форсайт-проектом модернизации отечественной системы образования. Авторский коллектив представляет собой межнаци-

ональную коллегию экспертов по разработке и внедрению модификаций в имеющуюся систему образования с целью создать такую модель образования, которая могла бы отвечать вызовам будущего, связанного с технологическим прогрессом и трансформации общества в будущем.

дущего, где человек будет лишен моральной ответственности и, соответственно, интуитивного знания о том, что могут быть гражданская позиция и идеалы, ради которых можно пренебречь инстинктивными программами выживания.

Идеал бессмертия представляется еще более страшным, поскольку лишает человека смысла существования, который может дать только осознание смерти, окончания физического существования и понимание своего временного пребывания в мире. Экономическая система капитализма, в лоне которой возникла идеология трансгуманизма, подразумевает не только идею бесконечного долга, но и тотальное отчуждение, в самом пределе выражающееся в отчуждении от самого себя, от своих истинных желаний, от сущности. Предложенная компьютерная модель бессмертия от Р. Курцвейла предполагает постоянный контакт с умершим родственником или любым близким человеком посредством искусственно созданной копии его сознания. С помощью детального анализа специфики индивидуального сознания человека создается его программа-копия, являющаяся двойником данного человека, только уже не привязанного к смертному телу. Это один путь бессмертия. Но нужно понимать, что общение с такой программой, какой бы совершенной она ни казалась, будет уступать живому общению с человеком. Мы можем уже сегодня наблюдать переключение с живого общения на цифровое среди современных людей, которые перенесли большую часть общения в инфополе; о том, насколько сильно страдает эмоциональное развитие детей в такой ситуации, существуют отдельные психологические исследования (Иванова, Малышкина, 2017). В этом смысле фактор традиции остается сильным препятствием для того, чтобы не относиться с критикой к технологиям, в своем пределе способным перекроить не только облик, но и саму intersubjective атмосферу человека, из которой он питает свою духовность и черпает смыслы для саморазвития.

Заключение

В данной работе мы предприняли попытку анализа эпистемологической и социальной сторон трансгуманизма как многогранного идейного течения, вбирающего в себя идеи изменения природы человека, создания улучшенной версии человека и связанного с ним улучшенного социума. Как обнаруживается при этом, на когнитивном уровне происходят серьезные изменения не в пользу развития естественных когнитивных функций человека. Ментальные способности перестают работать, как только в них перестают нуждаться, и здесь важную роль играет принцип золотой середины, благодаря которому можно параллельно с ускорением развития цифровых технологий заниматься развитием естественных способностей человеческого интеллекта. Несмотря на хрупкость человеческого тела и ограниченность его способностей (что во многом является следствием именно цивилизационного прогресса и городских условий жизни) именно осознание своих слабостей и желание преодолеть их с помощью тренировок тела и ума способны помочь человеку создать себя как сильную личность. Если полагаться на технически более совершенные механизмы, то утратится ценность достижения собственного совершенства через труд и дисциплину. «Современная технотронная эпоха привела человека к границе его свободы, но может ли он потерять эту свободу, утопая в бесконечной *acedia*?» (Маслова, 2021: 56).

Связанный с когнитивной стороной проблемы трансгуманизма, обнаруживает себя и важнейший этический аспект, выводящий нас на уровень социальной оценки трансгуманизма. На социальном уровне происходит переформатирование intersubjective отношений посредством внедрения цифровых технологий в образовательный процесс. С одной стороны, смартфон является помощником в деле быстрого нахождения нужной информации, но, с другой стороны, он становится посредником между человеческим созна-

нием, интеллектом и собственно информацией. Нетривиальным становится вопрос об искажении идентичности в условиях, когда память человека частично вверяется технологиям (гаджетам).

Более того, система образования модифицируется из греческой пайдеи в конвейер по производству служебных людей, которые могут пользоваться технологиями, но не производить их и даже не знать, как они работают. В этом смысле незнание многих есть сила, благодаря которой можно изменять сознания и создавать новую социальную реальность. Здесь мы проводим параллель цифровизации образования с процессами создания идеологии трансгуманизма, ведущей к актуализации «идеального» общества.

Трансгуманизм, с одной стороны, представляется позитивным выходом за пределы капитализма, который во многом изжил себя как эффективная система развития экономики, и ему требуется замена, которая бы при этом вобрала весь потенциал NBICS-технологий. В первую очередь, речь идет о цифровизации экономики. С другой стороны, идея улучшения человека, создания технологии бессмертия и приведения общества к некому идеалу наподобие антиутопий с посылом всеобщего счастья, кажется ужасающей, поскольку лишает человека духовного развития и свободы выбора. В условиях двойственного понимания трансгуманизма как преодоления ограничений человеческого организма мы пытаемся увидеть границы дозволенного в плане применения тех или иных трансформативных технологий.

Литература

Алексеева, И.Ю., Аршинов, В.А., Чеклецов, В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12-21.

Арендт, Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / пер. с англ. Кастальского С., Рудницкой Н. М.: Европа, 2008. 424 с.

Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты / Степин, В.С. и др.; отв. ред. Акчурин, И.А.; Рос. акад. наук, Ин-т

философии. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 383 с.

Гаспарян, Д.Э. Тайнство естественной сепарации: трансцендентальное измерение смысла и проблема искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 81-94.

Иванова, А.Ю., Малышкина, М.В. Психологические проблемы общения и деятельности поколения цифровых технологий // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 7 (149). С. 221-228.

Йейтс, Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская книга, 1997. 480 с.

Кувшинов, С.В. Homo sapiens vs homo digital // Народное образование. 2013. № 8. С. 132-136.

Курцвейл, Р. Эволюция разума. Как расширение возможностей нашего разума позволит решить многие мировые проблемы. М.: Эксмо, 2015. 349 с.

Кутырев, В.А. От образования к о-программированию или как достичь передового уровня деградации человека. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://vstanzaveru.ru/v-a-kutyrev-ot-obrazovaniya-k-o-programmirovaniyu-ili-kak-dostich-peredovogo-urovnya-degradatsii-cheloveka/> (дата обращения: 18.03.2022).

Лекторский, В.А. Возможны ли науки о человеке // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3-15.

Мареева, Е.В. От искусственного интеллекта к искусственной душе // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 171-177.

Маркова, Л.А. На подступах к трансгуманизму // Эпистемология и философия науки. 2016. № 1. Т. XLVII. С. 170-187.

Маслова, А.В. Фундаментальность понимания на пути к новой антропологии // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 2 (38). С. 49-61.

Ницше, Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 830 с.

Потапов, А.С. Технологическая сингулярность в контексте теории метасистемных переходов // Компьютерные инструменты в образовании. 2017. № 6. С. 12-24.

Психология памяти / под. ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 1998. 813 с.

Фершт, В.М., Латкин, А.П., Иванова, В.Н. Современные подходы в использовании искусственного интеллекта в медицине //

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2020. Т. 12. № 1. С. 121-130.

Хайдеггер, М. Ницше: В 2 т. Т. 2 / пер. с нем. Шурбелев А.П. СПб: Владимир Даль, 2007. 464 с.

Хоружий, С.С. Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергической антропологии // *Философские науки*. 2008. № 2. С. 10-31.

Четверикова, О.Н. Цифровизация – финальный этап ликвидации российской школы // *Regnum*. 1 июня 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2639995.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Шваб, К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

Щелкунов, М.Д., Миронов, В.В., Кирабаев, Н.С., Гребенникова, В.М., Никитина, Н.И. Философия и проблемы современного образования: Материалы обсуждения // *Вопросы философии*. 2018. № 6. С. 19-33.

Эпштейн, М.Н. Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглос», 2019. 239 с.

Schmidhuber, J. Formal Theory of Creativity, Fun, and Intrinsic Motivation (1990–2010) // *IEEE Transactions on Autonomous Mental Development*, 2010. Vol. 2. Iss. 3. P. 230-247.

References

Alekseeva, I. Yu, Arshilov, V. A., and Chekretsov, V. V. (2013). “Techno-People” against “PostPeople”: NBIKS-Revolution and the Future of Man, *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 3, 12-21 (in Russ.).

Arendt, H. (2008). *Banal'nost' zla. Eyhman v Ierusalime* [Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil], Transl. by Kastalsky, S. and Rudnitskaya, N., Evropa, Moscow, Russia (in Russ.).

Chetverikova, O. N. (2019), *Tsifrovizatsiya – final'nyy etap likvidatsii Rossiyskoy shkoly* [Digitalization is the final stage in the liquidation of the Russian school], Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2639995.html> (Accessed 18 March 2022) (in Russ.).

Epstein, M. N. (2019), *Budushchee gumanitarnykh nauk. Tekhnogumanizm, kreatorika, erotologiya, elektronnyaya filologiya i drugie nauki XXI*

veka [The future of the humanities. Technohumanism, creativity, erotology, electronic philology and other sciences of the 21st century], RIPOL Classic Publishing Group / Pangloss, Moscow, Russia (in Russ.).

Fersht, V. M., Latkin, A. P. and Ivanova, V. N. (2020), “Modern approaches to the use of artificial intelligence in medicine”, *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 12 (1), 121-130 (in Russ.).

Gasparyan, D. E. (2017), “The Mystery of the Natural Semantics: The Transcendental Dimension Meaning and the Problem of Artificial Intelligence”, *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 4, 81-94 (in Russ.).

Heidegger, M. (2007), *Nietzsche*. Tom 2 [Nietzsche, Vol. 2], Transl. by Shurbelev A.P., Vladimir Dal', St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Horuzhiy, S. S. (2008), “The Problem of the Posthuman, or Transformative Anthropology through the Eyes of Synergetic Anthropology”, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2, 10-31 (in Russ.).

Ivanova, A. Yu. and Malysheva, M. V. (2017), “Psychological problem of communication and activity of digital technology generation”, *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* [Scientific notes of the P. F. Lesgaft University], 7, 221-228 (in Russ.).

Kurtsveyl, R. (2015), *Evolutsiya razuma. Kak rasshirenie vozmozhnostey nashego razuma pozvolit reshit' mnogie mirovye problemy* [The Evolution of the Mind. How empowering our minds will solve many of the world's problems], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Kutyrev, V. A. (2016), *Ot obrazovaniya k o-programmirovaniyu ili kak dostich' peredovogo urovnya degradatsii cheloveka* [From education to o-programming, or how to reach an advanced level of human degradation] [Online], available at: <https://vstanzaveru.ru/v-a-kutyrev-ot-obrazovaniya-k-o-programmirovaniyu-ili-kak-dostich'-peredovogo-urovnya-degradatsii-cheloveka/> (Accessed: 18 March 2022).

Kuvshinov, S. V. (2013), “Homo sapiens vs homo digital”, *Narodnoe obrazovanie* [Public education], 8, 132-136 (in Russ.).

Lektorsky, V. A. (2015), “Is the Science of Man Possible”, *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 5, 3-15 (in Russ.).

Mareeva, E. V. (2014), "From Artificial Intelligence to Artificial Soul", *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1, 171-177 (in Russ.).

Maslova, A. V. (2021), "Fundamental Understanding on the Way to a New Anthropology", *The Academic Journal of Moscow City University, Series "Philosophic Sciences"*, 2 (38), 49-61 (in Russ.).

Nietzsche, F. (1990), *Sochineniya: V 2 t. T. 1* [Essays: in 2 vol. Vol. 1], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Potapov, A. S. (2017), "Technological Singularity in the Context of Metasystemic Transition Theory", *Komp'yuternye instrumenty v obrazovanii* [Computer tools in education], 6, 12-24 (in Russ.).

Psikhologiya pamyati (1998) [Psychology of memory], in Gippenreyter, Yu. B. and Romanova, V. Ya. (eds.), CheRo, Moscow, Russia (in Russ.).

Schmidhuber, J. (2010), "Formal Theory of Creativity, Fun, and Intrinsic Motivation (1990–2010)", *IEEE Transactions on Autonomous Mental Development*, 2 (3), 230-247.

Schwab, K. (2016), *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Schelkunov, M. D., Mironov, V. V., Kirbaev, N. S., Grebennikova, V. M. and Nikitina, N. I. (2018), "Philosophy and problems of modern

education: discussion materials", *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 6, 19-33 (in Russ.).

Stepin, V. S. (ed.) (2004), *Virtualistika: ekzistentsial'nye i epistemologicheskie aspekty* [Virtualism: existential and epistemological aspects], Progress-Tradiciya, Moscow, Russia (in Russ.).

Yates, F. (1997), *Iskusstvo pamyati* [The Art of Memory], Universitetskaya kniga, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Маслова Анастасия Владиленовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философских наук, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, г. Москва, 119034, Россия; an_maslova@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Anastasia V. Maslova, Candidate of Philosophy, Assistant Professor, Department of Philosophical Sciences, Moscow State Linguistic University, 38/1 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russia; an_maslova@inbox.ru

УДК 316.77 659.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-12

Стоянов А. С.¹,
Кондратьева М. В.²

Влияние винтажных персонажей на привлекательность
рекламы

¹Академия гражданской защиты МЧС России, ул. Соколовская, стр. 1а, мкрн. Новогорск, г. Химки, Московская обл., 141435, Россия; stoianoff@mail.ru

²Академия гражданской защиты МЧС России, ул. Соколовская, стр. 1а, мкрн. Новогорск, г. Химки, Московская обл., 141435, Россия; marta.kondratieva.02@mail.ru

Аннотация. Задача изучения влияния винтажных персонажей на привлекательность рекламы продиктована, с одной стороны, преемственностью ценностей разных поколений, с другой стороны – отличиями в восприятии привлекательности винтажных персонажей. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения влияния винтажных персонажей на различные поколения, поскольку от этого напрямую зависит их сохранение в памяти предыдущего поколения и возникновение интереса у современного поколения. Исследование произведено методом вторичного социологического анализа, а также анализа научных источников и статистических данных с их последующей интерпретацией. На основе представленных изображений и статистических данных сделаны выводы о том, что влияние винтажных персонажей зависит от возраста целевой аудитории винтажной рекламы. Отмечается высокая заинтересованность винтажными персонажами среди «поколения X». Сформированы основные предложения по усилению привлекательности винтажной рекламы для молодежи посредством демонстрирования винтажными персонажами современных товаров или услуг.

Ключевые слова: винтажные персонажи; реклама; потребители рекламы; возрастные категории; винтаж

Для цитирования: Стоянов А. С., Кондратьева М. В. Влияние винтажных персонажей на привлекательность рекламы // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 160-175. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-12

A. S. Stoyanov¹,
M. V. Kondratieva²

The influence of vintage characters on advertising attractiveness

¹Academy of Civil Defense, EMERCOM of Russia, 1a Sokolovskaya St., Novogorsk microdistrict, Khimki, Moscow region, 141435, Russia; stoianoff@mail.ru

²Academy of Civil Defense, EMERCOM of Russia. 1a Sokolovskaya St., Novogorsk microdistrict, Khimki, Moscow region, 141435, Russia; marta.kondratieva.02@mail.ru

Abstract. The task of studying the influence of vintage characters on the attractiveness of advertising is dictated, on the one hand, by the continuity of the values of different generations, and, on the other hand, by differences in their perception of the attractiveness of vintage characters. The pertinence of the research topic stems from the need to

study the influence of vintage characters on different generations, since their preservation in the memory of the previous generation and the emergence of interest in the modern generation directly depend on the influence of vintage characters. The research was carried out by the method of secondary sociological analysis, as well as the analysis of scientific sources and statistical data with their subsequent interpretation. Based on the presented images and statistical data, it was concluded that the influence of vintage characters depends on the age of the target audience of vintage advertising. There is a high interest in vintage characters among generation X. The main proposals are formed to increase the attractiveness of vintage advertising among young people by demonstrating modern goods or services by vintage characters.

Keywords: vintage characters; advertising; advertising consumers; age categories, vintage

For citation: Stoyanov A.S., Kondratieva M.V. (2022), "The influence of vintage characters on advertising attractiveness", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 160-175, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-12

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена в первую очередь необходимостью изучения влияния винтажных персонажей на привлекательность современной рекламы. Но, с другой стороны, их влияние гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд: помимо интереса к винтажу, обеспечивающего эффективность рекламы, винтажная привлекательность транслирует ценности предыдущих поколений и сохраняет их в культуре новых поколений. От присутствия винтажных персонажей в современной рекламе зависит не столько возникновение интереса к продукту у современного поколения Z, сколько формирование преемственности вкуса и выдержанного стиля от поколения X. Очень важно не только не упустить данный интерес у поколения Z, но и способствовать его дальнейшей передаче из поколения в поколение.

Целью исследования, описанного в статье, стало выявление влияния, которое могут оказывать винтажные персонажи на привлекательность рекламы.

Современная реклама – это сложный процесс, доведенный до совершенства. В нее вовлечено множество людей, начиная от психологов, заканчивая профессиональными дизайнерами и маркетологами, работающими на целевую аудиторию. Помимо

ориентирования на определенную аудиторию, «реклама также оказывает и культурное и социальное воздействие на потребителя и на общество» (Слепцова, 2015: 278).

Мир рекламы, безусловно, прошел долгий путь за последнее столетие, и начался этот путь с открытых сексистских обращений, которые заказывали бренды и корпорации. Они основывались на культурных стереотипах, существовавших в то время. Нынешний рынок рекламы молниеносно подстраивается под аудиторию и ее поведение, для того чтобы привлечь как можно больше внимания. Однако многие люди совсем не знают или же начали забывать, с чего все начиналось. Нынешний рынок рекламы перестал опираться на винтажный стиль или же делает это очень редко, поскольку многим рекламодателям кажется, что аудитория не воспримет это направление. Но несмотря на сомнения, не стоит забывать о данном феномене в рекламе и о всех его составляющих.

Основная часть

Само слово «винтаж» (Vintage) – «профессиональный термин французских виноделов, им обозначают вино многолетней выдержки, а также вино урожая определенного года. Невинтажным является вино, смешанное из урожаев разных лет» (Робин-

сон, 2017: 151). Такое определение подходит и для характеристики вещей и аксессуаров, создающих винтажный стиль – проvereенных временем, имеющих свою историю, свое время популярности, и вещей, которые приобрели вид благородной состаренности.

Винтажная реклама – та рекламная продукция прошлого, которая наиболее ярко выражает тенденции стиля своего времени. Смотря на рекламные вывески, буклеты и фотографии того времени, можно с легкостью найти старомодные мотивы и предметы, которые были неотъемлемой частью жизни в прошлом. Все эти элементы создают ностальгическую атмосферу, пробуждают чувства и воспоминания. Однако в современном мире это влияние немного изменилось. Многие люди не понимают, что «винтаж никогда не перестанет быть актуальным. Винтаж – это ЯКОБЫ СТАРИНА, это то прошлое, на “лбу” которого написано “ЯКОБЫ”. Винтажное прошлое и выкроенный по его лекалам винтажный предмет – это та симуляция, когда симулируется само прошлое» (Соколов, 2016: 67).

Далеким прообразом современной печатной рекламы выступали «наскальные надписи, древние варианты “граффити”, папирусы и берестяные грамоты, подчас содержащие элементы коммерческой и политической рекламной информации» (Фролова, 2018: 201). Подобные элементы вряд ли вызовут ностальгию, поскольку это слишком старинные формы рекламы.

Однако, с каждой вехой развития человечества, в рекламе появлялось нечто новое. Это могли быть некие товары или услуги, по которым можно судить об обстановке их времен. Как жилось нашим предшественницам в середине XX века, легко понять по вырезкам из американских газет (рис. 1), в которых есть все, что душе угодно: прибор для измерения красоты, создания ямочек, похудения, корсеты, волшебные штаны и многое другое. Кому не нравились модные штанишки с завышенной талией или универсальный корсет, могли сделать выбор в пользу такого вот веселого костюмчика из фольги (рис. 2).

Рис. 1. br из американской газеты¹
Fig. 1. Clipping from an American newspaper

Рис. 2. Костюм для сауны²
Fig. 2. Sauna suit

¹ Винтажная реклама, от которой может закружиться голова [Электронный ресурс]. URL:

<https://tanjand.livejournal.com/1557883.html> (дата обращения: 08.10.2021).

В середине XX века рекламировалось все что угодно. И совсем не важно, что это за товары или услуги. Гораздо важнее то, как их подают и какие эмоции они вызывают у потребителей. У кого-то подобные изображения вызывают смех, у кого-то ностальгию. Но результат здесь один – привлечение внимания.

Реклама меняется и развивается вместе с обществом. То, что было актуально в рекламе много лет назад, сейчас может восприниматься совершенно по-другому в силу значительного смещения акцентов и изменения ценностей новых поколений.

Винтажная реклама сейчас воспринимается как нечто инородное. Она может шокировать современного потребителя – поскольку была, по меркам нашего времени, расистской, сексистской и просто опасной для здоровья.

Так, например, в 1924 году косметический бренд Palmolive запустил рекламу туалетного мыла (рис. 3), в которой уверял, что для женщины внешний вид важнее интеллекта. «Большинство мужчин спрашивают: “Она красива?”, а не “Она умна?”» – гласило сообщение на постере.

Рис. 3. Реклама мыла Palmolive³
Fig. 3. “Palmolive” soap advertisement

Современные потребители подобной рекламы могли бы поспорить насчет внешнего вида и интеллекта. Всегда найдутся те, кому важнее красота, и те, кто больше внимания обращают на ум. Поэтому, взглянув на данный плакат, мнения могут разделиться на два лагеря.

В качестве примера расистской рекламы можно взять пищевой бренд Jell-O. В 1920-х годах эта компания поместила на рекламный принт маленького чернокожего мальчика, который прислуживает богатой женщине (рис. 4). Сегодня подобное в рекламной кампании недопустимо.

² Взгляд в прошлое: шокирующая винтажная реклама [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/vintazhnaya-reklama-21921.html> (дата обращения: 10.10.2021).

Рис. 4. Реклама пищевого бренда Jell-O⁴
Fig. 4. Advertising of the food brand "Jell-O"

Подобная реклама не привлекла бы ни одного современного потребителя, поскольку в настоящее время подобные ситуации воспринимаются как дискриминация и принижение людей, относящихся к различным расам. Поэтому многие рекламные кампании, наоборот, стараются избавляться от расизма и привлекать как можно больше различных людей к участию в рекламе, создавая определенные коллаборации. Это свидетельствует о том, что проблема расизма вполне решаема в современном мире, особенно в контексте винтажной рекламы.

Еще одной категорией для рассмотрения является винтажная реклама, опасная для здоровья. В качестве одного из примеров можно взять всем известный газированный напиток 7UP. С 1950-х годов 7UP считался «напитком для всей семьи». Самое худшее в его рекламной кампании – кормление 7UP младенца (рис. 5), а также предложение «смешать суперсладкий цитрусовый напиток с молоком».

³ Взгляд в прошлое: шокирующая винтажная реклама [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/vintazhnaya-reklama-21921.html> (дата обращения: 10.10.2021).

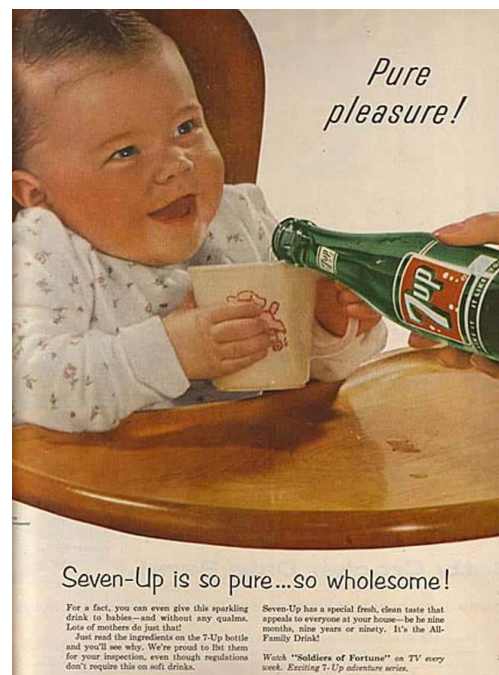

Рис. 5. Реклама газированного напитка 7UP⁵
Fig. 5. "7UP" carbonated drink advertisement

В современном мире такая реклама может вызвать множество негативных комментариев, особенно от молодых родителей. Ведь если следовать этой рекламе и действительно дать младенцу подобный напиток, то это может обернуться печальными последствиями. Таким образом, хотя производители не всегда благоразумно подходили к созданию подобной рекламы, само ее появление в то время свидетельствует о достаточной лояльности к ней не только потребителей, но и закона как такового, что обусловлено деформацией культуры питания (Стоянов, Урывина, 2021: 94).

Но все же напиток 7UP не так опасен для здоровья, как кокаин или героин, которые в открытую рекламировались в начале прошлого века. Так, например, в одном из рекламных плакатов утверждается, что кокаин является средством для снятия зубной боли и используется в виде зубных капель (рис. 6).

⁴ Old school ads that won't fly in 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://avalaunchmedia.com/old-school-ads-that-wouldnt-fly-in-2019/> (дата обращения: 15.10.2021).

Рис. 6. Зубные капли⁶
Fig. 6. Tooth drops

Не трудно догадаться, что подобные капли использовались в качестве анестезии, однако современное поколение осознанно бы отказалось от подобных препаратов.

Аналогичная ситуация и с другими веществами, представленными на картинке (рис. 7).

Рис. 7. Реклама аспирина и героина от Bayer в США⁷
Fig. 7. Advertising of aspirin and heroin from Bayer in the USA

Подобное лекарственное средство использовалось для лечения кашля у детей и взрослых⁸. Любому современному человеку известны свойства этих препаратов и то, как их допускали в продажу, до сих пор остается загадкой.

И наконец, категории, на которые имеет смысл подразделять винтажную рекламу – это зарубежная и советская. «Актуализация советской темы сегодня может

рассматриваться в контексте процесса поиска национальной идентичности, что особо важно в условиях кризиса толерантности, размытости и неопределенности геополитики» (Яковлева, 2017: 156). Если бы в нынешнем обществе транслировалась лучшая реклама советских времен, то, вероятнее всего, молодежь знала бы о том, чем питались их родители и был ли фастфуд в СССР (рис. 8), чем увлекались и как жили предыдущие поколения (рис. 9, 10).

⁵ 7 of the Most Outrageous Medical Treatments in History [Электронный ресурс]. URL: <https://www.history.com/news/7-of-the-most-outrageous-medical-treatments-in-history> (дата обращения: 15.10.2021).

⁶ Там же.

Рис. 8. Продукты питания в СССР⁹
Fig. 8. Food products in the USSR

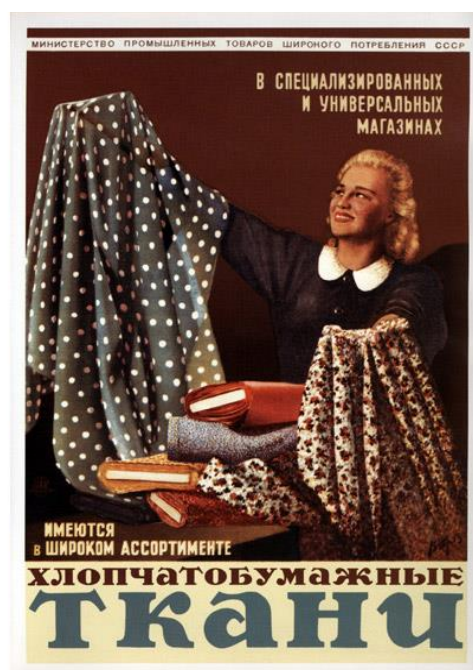

Рис. 9. Одежда советской эпохи¹⁰
Fig. 9. Soviet-era clothing

⁷ Реклама в СССР – смеяться или все же плакать? [Электронный ресурс]. URL: <https://ochendaje.livejournal.com/794418.html> (дата обращения: 15.10.2021).

⁸ Там же.

Рис. 10. Шоколадные наборы¹¹

Fig. 10. Chocolate sets

Кондитерская фабрика с вековой историей «Красный Октябрь» также старается сохранить винтажный стиль в своих изделиях, подчеркивая качество продукции и преемственность ценностей разных поколений X и Z (рис. 10).

Однако глядя на некоторые рекламные плакаты, можно удивиться тому, что и в какой форме рекламировали в СССР, что сейчас является провокационным и даже недопустимым (рис. 11).

В особенности это относится к рекламе папирос (рис. 12 и 13).

Рис. 11. «Лучших сосок не было и нет...»¹²

Fig. 11. “There never has been a better pacifier ...”

⁹ Современные конфеты «Москва. Счастливые моменты» [Электронный ресурс]. URL: https://www.alenka.ru/product/konfety_v_korobke_moskva_schastlivye_momentu_krasnyy_oktyabr_177_gr/ (дата обращения 15.10.2021). Реклама времен СССР. Реклама в СССР – смеяться или все же плакать? [Электронный ресурс]. URL: <https://ochendaje.livejournal.com/794418.html> (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁰ На рис. 11 представлена реклама В.В. Маяковского и А.М. Родченко, которые вместе создали более 300 работ, признанных классикой рекламы СССР. В 1925 году на Международной художественно-промышленной выставке в Париже этот цикл плакатов был удостоен серебряной медали. – Реклама в СССР – смеяться или все же плакать? [Электронный ресурс]. URL: <https://ochendaje.livejournal.com/794418.html> (дата обращения: 15.10.2021).

Рис. 12. Кури папиросы «Пачка» (Буланов М.)¹³
Fig. 12. Smoke cigarettes “Pack” (Bulanov M.)

Рис. 13. «Курящими решен вопрос: нет лучше этих папирос»¹⁴
Fig. 13. “The issue has been resolved by smokers. There is nothing better than these cigarettes”

Помимо рекламы сигарет в советские времена также можно было увидеть распространенную рекламу алкогольных напитков,

причем высокоградусных. Современных потребителей бы подобный плакат не просто удивил, но и шокировал (рис. 14).

¹³ Плакаты СССР (1917–1941) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallerix.ru/storeroom/1973977528/N/569941569/> (дата обращения: 14.10.2021).

¹⁴ Там же.

Рис. 14. Горькие настойки (Побединский А.)¹⁵
Fig. 14. Bitters (Pobedinsky A.)

Что касается применения винтажной рекламы за рубежом, то в качестве примера можно взять исследование Международного исламского университета Малайзии, где подчеркивается, что воплощение в медиа исламских винтажных персонажей способствует развитию убеждений и ценностей у детей. В частности, это приумножает их знания об истории ислама и их любовь к пророкам и товарищам (Mubarak, 2020: 1).

Таким образом, можно заметить, что и в советской, и в зарубежной рекламе акцент делается на молодежь и детей. Но, несмотря на это, винтажная реклама в большей степени привлекает так называемое поколение X. «Поколение X – это люди, родившиеся во второй половине двадцатого века. Символ X означает неизвестность и поиск. В случае этого поколения – поиск смысла жизни» (Руденко, Давидян, Кузнецова, 2021: 526). К такому поколению относятся люди от 35 до 49 лет. Они наиболее восприимчивы к рекламе, но при этом ценят в ней простоту и понятность.

«Это поколение отличает два главных фактора: потребность в комфорте и чувство ностальгии» (Руденко, Давидян, Кузнецова, 2021: 527). Ностальгия, как правило, по советским временам и по тому, что уже редко встретишь в нынешнем обществе. Это чувство в основном свойственно женщинам, поскольку мужчины не так восприимчивы к рекламе. Но для того, чтобы привлечь внимание всех представителей поколения X, нужно обеспечить полную узнаваемость рекламы и доказать, что такой больше нет и не будет. Поколение X привлечь легче всего винтажными персонажами в рекламе, поскольку эти люди имеют представление о советской рекламе. Согласно исследованиям, около 80 % этого поколения привлекает подобный вид рекламы. Это говорит о том, что реклама в их отношении действительно работает.

Следующее поколение, внимание которого гораздо сложнее привлечь, – поколение Y. К нему относятся люди в возрасте от 21 года до 34 лет. Они хорошо образо-

¹⁵ Плакаты СССР (1917–1941) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallerix.ru/storeroom/1973977528/N/1470319983/> (дата обращения: 14.10.2021).

ваны, либеральны, постоянно стремятся использовать новые медиа. «Если Y выразил лояльность к какому-то бренду, то этой марке придется хорошенько поработать, чтобы удержать его в своих сетях. Бренд должен предложить что-то невероятное. Создать историю, легенду» (Руденко, Давидян, Кузнецова, 2021: 528). Это переходное поколение, которое, с одной стороны, имеет понятие о винтажной советской рекламе, но, с другой стороны, стремится познать то, что они еще не встречали, и поэтому винтаж их вряд ли сможет удивить. Приблизительно 50 % людей из данного поколения смогут заинтересоваться винтажной рекламой, но все равно будут довольно требовательны к рекламным персонажам.

И наконец, самое современное – поколение Z. Их способно «зацепить краткое и информативное объявление: минимум текста и максимум визуализации. Картинка или видео должны быть яркими и запоминающимися, поскольку эти люди предпочитают смотреть, а не читать». Это «подростки и молодежь до 20 лет, которые родились в эпоху цифровых технологий. Они постоянно сидят в социальных сетях, не представляют жизни без интернета, доверяют брендам и кумирам» (Руденко, Давидян, Кузнецова, 2021: 529).

Несмотря на это, согласно исследованиям, винтажная реклама смогла бы привлечь лишь 40 % от всего поколения Z. Но если бы этот тип рекламы преподносился каким-либо блогером, то процентное количество заинтересованных потребителей увеличилось бы еще на 20 %. Это связано с тем, что люди, представляющее данное поколение, имеют собственных лидеров мнения, которых они воспринимают с гораздо меньшим скепсисом, нежели представителей других поколений (Стоянов, Ермолаева, 2021: 62). В качестве альтернативы для убеждения поколения Z можно использовать мнения известных байеров винтажа, для которых винтаж – это возможность смотреть вперед через окно прошлого. Также, по мнению последних, винтажную

рекламу отличает камерность и эксклюзивность. Она всегда бросается в глаза и не остается незамеченной, и благодаря ее посылу удастся привлечь молодежную аудиторию.

Таким образом, в результате рассмотрения особенностей трех поколений можно понять, что «винтажная реклама должна быть рассчитана на обеспеченную, высокообразованную аудиторию, поскольку в ней выражена философия предмета, включенного в современность как симулякр артефакта прошлого» (Ежова, 2010: 227).

Несмотря на то что винтаж является устаревшей формой рекламы, существует множество эффективных способов заинтересовать аудиторию. К первому методу привлечения можно отнести использование винтажных персонажей, которые могут вызвать ностальгию у большинства потребителей определенного возраста и благодаря этому повысить привлекательность винтажной рекламы. Винтажные персонажи непосредственно связаны с рекламными. «Рекламный персонаж – это вымышленный герой, который тем или иным образом связан с рекламируемым предметом; который наделен положительными характеристиками» (Шабанова, 2019: 3).

Положительные характеристики относятся и к винтажным персонажам в том числе. Ностальгия, например, также является положительной характеристикой, а ее способны вызвать не только персонажи, но и звуки, запахи и вкусы. Подобно тому, как особый аромат духов может напоминать вам о человеке или как песня может немедленно вернуть вас к определенному воспоминанию, винтажные элементы могут вызывать такие же ностальгические чувства. Таким образом, ностальгия является неотъемлемой частью винтажной рекламы.

Помимо ностальгии винтажная реклама привлекает своими крупными и запоминающимися заголовками. Одним из наиболее заметных компонентов винтажной рекламы стали крупные заголовки жирным шрифтом, особенно в печатной рекламе. Так, например, компания Timberland

использовала эту тактику в 2009 году, рекламируя мощный слоган «Подкрепить слово действием»¹⁴. Этот слоган несет в себе глубокий классический смысл. В контексте рекламы одежды и обуви он означает, что и покупателю, и товаропроизводителю каждое свое слово нужно переводить в действие. Именно таким способом можно замотивировать потребителей к покупке какого-либо товара.

Еще одним необычным способом привлечения внимания в винтажной рекламе являются длинные тексты. В то время как современная реклама, как правило, в значительной степени полагается на изображения, длинные блоки текста были основным свойством винтажной рекламы. Хотя использование более короткого текста кажется более правильной стратегией для быстрого привлечения внимания аудитории, переход на более длинный текст иногда может быть эффективным способом, о чем свидетельствует реклама Cadillac 1915 года «Штраф за лидерство». Не-

смотря на то что компания ни разу не упоминает свои автомобили в более чем 400 полнотекстовых рекламных объявлениях, реклама успешно определила идентичность бренда Cadillac, что дало ему преимущество перед конкурентами производителей автомобилей¹⁵. Это доказывает то, что в рекламной кампании необязательно использовать только изображения. Винтажная реклама на реальных примерах развеивает мифы о коротких текстах.

Помимо длинного текста важной составляющей рекламной кампании является шрифт. В винтажной рекламе расписанные вручную плакаты и рекламные щиты кинотеатров имели толстые шрифты и изменчивые штрихи, а эстетика была главным критерием дизайна. Шрифт должен бросаться в глаза и не быть слишком тонким и маленьким. Так, например, разработчики рекламы «Аэрофлота» еще со времен СССР знали, как привлечь внимание потребителей, создавая и сочетая гармоничные типы шрифтов (рис. 15).

Рис. 15. Реклама авиакомпании «Аэрофлот» времен СССР¹⁶
Fig. 15. Soviet-era Aeroflot advertisement

¹⁴ Six Effective Elements of Vintage Advertising (That Still Work) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.invaluable.com/blog/elements-of-vintage-advertising/> (дата обращения: 14.10.2021).

¹⁵ Там же.

¹⁶ AEROFLOT USSR [Электронный ресурс]. URL: <https://papik.pro/plakat/31253-plakaty-sssr-ajeroflot-78-foto.html> (дата обращения: 14.10.2021).

В современном мире размер шрифта зависит от размера печатной рекламы, но толщина также остается одним из главных критериев привлекательности. Это также можно наблюдать в новой рекламе уже

рассматриваемого «Аэрофлота», где шрифт подчеркивает и демонстрирует «уют», показанный в левой части картинки, причем соблюдая преемственность времен (рис. 16).

Рис. 16. Современная реклама авиакомпании «Аэрофлот»¹⁷

Fig. 16. Modern Aeroflot advertisement

Хотя современные рекламные методы и охватывают широкий спектр стилей, но некоторые элементы рекламных кампаний десятилетней давности остаются актуальными и сегодня. Многие рекламодатели пытаются понять, почему элементы винтажной рекламы не только нравятся коллекционерам, но и используются предприятиями для успешного продвижения своей продукции по сей день. Вероятнее всего, это связано с попытками восстановить прошлое и показать потребителям, как жили их предки. Само понятие «винтаж» вызывает неоднозначное мнение у потребителей. Кто-то считает его устаревшим и старомодным, а кто-то, наоборот, с удовольствием бы взглянул на винтажную рекламу. Как правило, к людям, которые не воспринимают подобную рекламу, относится молодежь. А к тем, кто в большей мере ею заинтересован, относится поколение, родившееся еще в XX веке. Но так или иначе рекламщики пытаются использовать все возможные методы для привлечения внимания всех категорий населения. При этом никто не требует устанавливать особое отношение к винтажу.

Винтаж – это способ самовыражения. В этом году актуально ретро, в следующем – боевые искусства, а потом – нечто ультрасовременное. Тенденции всегда сменяют друг друга; то, что популярно сейчас, было популярно когда-то раньше. И наоборот, то, что было популярно раньше, может вызвать интерес и в настоящее время.

Исходя из приведенных примеров, можно убедиться в том, что в разные времена аудитория то теряла интерес к винтажу, то вновь его обретала. Причем это зависело не только от слоев населения, но и от того, как преподносили подобную рекламу. Как выяснилось, можно использовать длинные тексты, крупные заголовки и многое другое. Но в особенности реклама будет выделяться при наличии винтажных персонажей. Они, как правило, вызывают ностальгию и ряд других положительных эмоций.

Усиление винтажных тенденций вызывает модные идеи и интерпретируется по-новому в различных отраслях. Среди винтажных компонентов – различные типичные национальные и классические стили из истории дизайнерского искусства. Винтаж уходит корнями в традиционную

¹⁷ Pul Express RU [Электронный ресурс]. URL: https://pulexpress.de/ru/impressum/aeroflot_chair_ru/ (дата обращения: 14.10.2021).

культуру, является ссылкой на традиционные элементы и демонстрирует расширение дизайнерских идей и исследование выражений дизайна¹⁸.

Таким образом, под винтажом подразумевают оригинальную, или аутентичную, вещь не моложе 20 лет, вышедшую в свое время небольшим, но очень популярным тиражом, вещь, имеющую ярко выраженную стилистику определенного периода моды. Именно благодаря внедрению винтажного дизайна можно заинтересовать потенциальных потребителей и даже замотивировать на покупку нового товара. Этот метод обязательно будет находить отклик среди целевой аудитории, поскольку многим людям хочется чего-то нового. Здесь также свою роль способны сыграть винтажные персонажи, которые на себе могут продемонстрировать ту или иную вещь. Причем они могут прорекламировать не только «старомодные» товары, но и нечто новое; то, что обязательно вызовет интерес у молодежи.

Целесообразно учитывать мнение общества и внедрять винтажную рекламу с пересмотром всех ее недостатков и акцентом на тех аспектах, которые вызывают интерес у потребителей.

Заключение

В ходе проведенного анализа винтажных персонажей удалось выяснить, что их влияние, в первую очередь, зависит от возрастной категории аудитории. Так, люди старшего поколения много раз с ней сталкивались и наиболее подвержены воздействию винтажной рекламы. Молодежь, наоборот, поверхностно знакома с подобным видом рекламы и нейтрально к ней относится. Для привлечения молодежного внимания рекомендуется представлять винтажных персонажей в рекламе современных товаров. Также винтажные персонажи должны иметь положительный образ, поскольку это сказывается на мнении соответствующей целевой аудитории.

Помимо возрастной категории потребителей, влияние винтажных персонажей зависит от эстетической направленности рекламы и от того, как ее преподносят. При использовании различных элементов дизайна прошлых веков привлекательность для потребителей также возрастает, так как дает возможность прочувствовать на себе историческую атмосферу тех времен.

Однако винтажные персонажи не всегда вызывают положительные эмоции, как у современного поколения, так и у поколения X. К примеру, если в рекламе персонаж демонстрирует то, что может навредить с современных позиций здоровью людей, то подобное вряд ли будет одобрено ими. Или же, если винтажного персонажа будут всячески принижать (дискриминировать), это также может вызвать негативные отклики.

Из всего вышесказанного следует то, что винтажные персонажи, как правило, положительно влияют на аудиторию, как в морально-педагогическом аспекте рекламы, так и в смысле ее эффективности. Однако многое зависит от возрастной категории граждан и от образа как рекламы в целом, так и отдельных ее персонажей.

Литература

- Ежова, Е.Н. Социально-историческое время в медиарекламной картине мира // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 6. С. 222-233.
- Робинсон, Дж. Винный эксперт за 24 часа / пер. с англ. Е. Егоровой. М.: Азбука-Аттикус, 2017. 160 с.
- Руденко, К.О., Давидян, М.Р., Кузнецова, О.А. Какая реклама «цепляет» поколения X, Y, Z // Структурная и технологическая трансформация России: проблемы и перспективы. От плана ГОЭЛРО до наших дней: Материалы междунар. науч.-практич. конференции (посвящена столетию плана ГОЭЛРО), г. Краснодар, 30 марта 2021 г. Краснодар: Краснодарский ЦНТИ, 2021. С. 525-530.
- Слепцова, М.А. Важность рекламы в современном мире // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. № 5. С. 277-280.

¹⁸On the Manifestation of Retro Design in Advertisement [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cqvip.com/qk/84137x/201536/668145403.html> (дата обращения: 19.10.2021).

Соколов, Б.Г. Символизация прошлого: винтаж // *Studia Culturae*. 2016. № 24. С. 67-85.

Стоянов, А.С., Ермолаева, А.В. Влияние социальной рекламы на формирование ценностей молодежи (теоретический аспект) // *Современные тренды ГМУ: возможности цифровой трансформации и программно-целевого подхода: Сборник трудов конференции – Девятого межвузовского дня научного творчества*. Химки, 24 апреля 2021 г. Химки: АГЗ МЧС России, 2021. С. 62-66.

Стоянов, А.С., Урывина, А.В. Реклама фастфуда как фактор культуры питания // *Гуманитарные исследования Центральной России*. 2021. № 4 (21). С. 94-101. DOI: 10.24412/2541-9056-2021-4-94-101

Фролова, Л.Г. История возникновения рекламы в России и за рубежом // *Проблемы, перспективы и направления инновационного развития науки: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции*. Пермь, 08 июня 2018 г.: В 2 ч. Ч. 2. Стерлитамак: Изд-во АМИ, 2018. С. 201-204.

Шабанова, О.Н. Мультипликационные образы в российской рекламе: критерии визуализации бренда // *Огарев-online*. 2019. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/multiplikacionnye-obrazy-v-rossijskoj-reklame-kriterii-vizualizacii-brenda/> (дата обращения: 18.10.2021).

Яковлева, М.В. Советская тема в современной моде // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2017. № 2 (31). С. 155-158.

Mubarak, M.H. The embodiment of Islamic characters in multimedia: analytical jurisprudence study // *Kulliyah of Islamic Revealed Knowledge and Human Sciences*. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://studentrepo.iium.edu.my/handle/123456789/10150/> (дата обращения: 19.10.2021).

References

Ezhova, E. N. (2010), "Socio-historical time in the media advertising picture of the world", *Science. Innovation. Technologies*, 6, 222-233 (in Russ.).

Frolova, L. G. (2018), "The history of the emergence of advertising in Russia and abroad", *Problemy, perspektivy i napravleniya innovatsionnogo razvitiya nauki: V 2 ch. Ch. 2* [Problems, prospects and directions of innovative development of science: in 2 p. P. 2], *Agentstvo mezhdunarodnyh*

issledovaniy, Sterlitamak, Russia, 201-204 (in Russ.).

Mubarak, M. H. (2020), "The embodiment of Islamic characters in multimedia: analytical jurisprudence study", *Kulliyah of Islamic Revealed Knowledge and Human Sciences* [Online], available at: <http://studentrepo.iium.edu.my/handle/123456789/10150/> (Accessed 19 October 2021).

Robinson, J. (2017), *Vinnyy ekspert za 24 chasa* [The 24-Hour Wine Expert], Translated by E. Egorova, Azbuka-Attikus, Moscow, Russia (in Russ.).

Rudenko, K. O., Davidyan, M. R. and Kuznetsova, O. A. (2021), "What kind of advertising 'catches' generations X, Y, Z", *Strukturnaya i tekhnologicheskaya transformatsiya Rossii: problem i perspektivy. Ot plana GOELRO do nashikh dney* [Structural and technological transformation of Russia: problems and prospects. From the GOELRO plan to the present day], Krasnodarsky CNTI, Krasnodar, Russia, 525-530 (in Russ.).

Shabanova, O. N. (2019), "Cartoon images in Russian advertising: criteria for brand visualization", *Ogarev-online* [Ogarev-online], 1 [Online], available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/multiplikacionnye-obrazy-v-rossijskoj-reklame-kriterii-vizualizacii-brenda/> (Accessed 18 October 2021) (in Russ.).

Sleptsova, M. A. (2015), "The importance of advertising in the modern world", *Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh* [Scientific research and development of young scientists], 5, 277-280 (in Russ.).

Sokolov, B. G. (2016), "Symbolization of the past: vintage", *Studia Culturae*, 24, 67-85 (in Russ.).

Stoyanov, A. S. and Ermolaeva, A. V. (2021), "The influence of social advertising on the formation of youth values (theoretical aspect)", *Sovremennye trendy GМУ: vozmozhnosti tsifrovoy transformatsii i programmno-tselevogo podkhoda* [Modern directions of GМУ: possibilities of digital transformation and program-target approach], Publishing House of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki, Russia, 62-66 (in Russ.).

Stoyanov, A. S. and Uryvina, A. V. (2021), "Advertising fast food as a factor of food culture", *Humanitarian Studies of Central Russia*, 4, 94-101 (in Russ.). DOI: 10.24412/2541-9056-2021-4-94-101.

Yakovleva, M. V. (2017), "The Soviet theme in modern fashion", *Bulletin of the Saint-Petersburg State University of Culture*, 2 (31), 155-158 (in Russ).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Стоянов Александр Сергеевич, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Академия гражданской защиты МЧС России, ул. Соколовская, стр. 1а, мкрн. Новогорск, г. Химки, Московская область, 141435, Россия; stoianoff@mail.ru

Кондратьева Марта Валентиновна, студент кафедры рекламы и связи с общественностью, Академия гражданской защиты МЧС России, ул. Соколовская, стр. 1а, мкрн. Новогорск, г. Химки, Московская область, 141435, Россия; marta.kondratieva.02@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Alexander S. Stoyanov, Associate Professor at Department of Advertising and Public Relations, Academy of Civil Defense, EMERCOM of Russia, 1a Sokolovskaya St., Novogorsk microdistrict, Khimki, Moscow region, 141435, Russia; stoianoff@mail.ru

Marta V. Kondratieva, Student of Department of Advertising and Public Relations, Academy of Civil Defense, EMERCOM of Russia, 1a Sokolovskaya St., Novogorsk microdistrict, Khimki, Moscow region, 141435, Russia; marta.kondratieva.02@mail.ru

УДК 008

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-13

Григорьев С. Л.

Политика культурно-коммуникационного комбайна (рецензия на книгу Н. Б. Кирилловой «Медиаполитика государства в условиях социокультурной модернизации: учебное пособие для вузов». М.: Юрайт, 2022. 109 с.)

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, ул. Тимирязевская, д. 49, г. Москва, 127550, Россия; grigoryevdiss@gmail.com

Аннотация. Рецензия на книгу Н.Б. Кирилловой «Медиаполитика государства в условиях социокультурной модернизации: учебное пособие для вузов». М.: Юрайт, 2022. 109 с.

Ключевые слова: Н.Б. Кириллова; медиаполитика; медиалогия; медиакультура; медиафилософия; экранная культура

Для цитирования: Григорьев С. Л. Политика культурно-коммуникационного комбайна (рецензия на книгу Н. Б. Кирилловой «Медиаполитика государства в условиях социокультурной модернизации: учебное пособие для вузов». М.: Юрайт, 2022. 109 с.) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8, № 2. С. 176-181. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-13

S. L. Grigoryev

The policy of the cultural and communication combine (review of the book by N. B. Kirillova "Media policy of the state in the conditions of socio-cultural modernization: a textbook for universities". Moscow: Yurayt, 2022. 109 p.)

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, 49 Timiryazevskaya St., Moscow 127550, Russia; grigoryevdiss@gmail.com

Abstract. Review of the book by N. B. Kirillova "Media policy of the state in the conditions of socio-cultural modernization: a textbook for universities". Moscow: Yurayt, 2022. 109 p.

Keywords: N.B. Kirillova; media policy; media studies; media culture; media philosophy; screen culture

For citation: Grigoryev S. L. (2022), "The policy of the cultural and communication combine (review of the book by N.B. Kirillova 'Media policy of the state in the conditions of socio-cultural modernization: a textbook for universities'. Moscow: Yurayt, 2022. 109 p.)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 176-181, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-13

Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

Платон,
7 книга диалога «Государство»

Кириллова Наталья Борисовна – доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета. Н.Б. Кирилловой создана концепция медиакультуры и медиалогии (Кириллова, 2018), претендующая на статус научной парадигмы. Современная медиакультура определяется Н.Б. Кирилловой как комплекс или совокупность «книжной (печатной) и экранной культур, визуальной и аудиовизуальной» (Кириллова, 2021: 5).

Эпиграф рецензии – узнаваемые слова Платона из седьмой книги «Государства», в которой изложен миф о пещере. С нашей точки зрения, самыми загадочными персонажами мифа являются люди, не прикованные в пещере, функция которых состоит в усложнении и драматизации театра теней. Мы обращаемся к работе Н.Б. Кирилловой за вариантом ответа на вопрос о том, кому принадлежит культурная роль тенепроизводителей, так как обоснованность аналогии между современной экранной культурой и моделью платоновской пещеры неоспоримо. Нас интересует не только ангажирование экрана в качестве политического инструмента влияния, но и открытие онтологического статуса экранаманипулятора (см.: Григорьев, 2021).

Хотя жанр рецензируемой книги Н.Б. Кирилловой определен как учебное пособие, однако ответы на научно-философские и культурологические вопросы автором даны. Так, одного из политиков и экономистов перестроечного периода в России Н.Б. Кириллова метко назвала «медиапрорабом» (см.: Кириллова, 2021: 14).

Мы далеки от параноидального настроения и конспирологических теорий, но отчасти согласны с позицией Томаса Качераускаса: «Некоторые ошибочно считают, что медиа (и Интернетом) кто-то управляет. Во-первых, на свалке невозможен порядок. Во-вторых, мысль без автора начинает свою пагубную жизнь бродяги. В-третьих, желание поддаться опеке Интернета (возможно, интерната) – заразительно. Итак, не мы (даже не создатели или продюсеры виртуальных сайтов) управляем медиа, а медиа – нами. Власть (как и деньги) – также медиа, которые управляют нами (особенно детьми, политиками и миллионерами). Согласно Бодрийяру, это – фатальные стратегии без стратегов» (Качераускас, 2009: 94). Не видеть, что экранные технологии являются эффективным инструментом манипуляции массовым и индивидуальным сознанием, сегодня невозможно, поэтому книга о медиаполитике государства вызывает живой интерес.

Автор справедливо исходит из тезиса «информация стала инструментом власти» (Кириллова, 2021: 41), поэтому оперирует термином ЮНЕСКО «ноополитика», подчеркивая «первенство идей, духовных ценностей, моральных норм, законов и этики» (Гриняев, 2004: 14).

Представленная ниже структура книги Н.Б. Кирилловой наглядно демонстрирует и исторический, и дескриптивный, и компаративистский, и эвристический методы анализа государственной медиаполитики.

Раздел 1. Медиаполитика государства и пути реализации социокультурной модернизации

1.1. Методологические аспекты социокультурной модернизации

1.2. Особенности российской модернизации

1.3. Медиакультура как катализатор диалога общества и власти

Раздел 2. «Глобальная» медиасреда и ее влияние на социум

2.1. Аудиовизуальные коммуникации и экранная культура

2.2. Интернет как пространство свободной коммуникации

2.3. Искусство в киберпространстве

2.4. Многообразие культур в глобальном медиапространстве и поиск новой идентичности

2.3. Информационные войны как геополитическая проблема

Раздел 3. Правовая основа медиаполитики и ее влияние на развитие медиакультуры общества

3.1. Государственное регулирование в медиасфере

3.2. Взаимодействие международных правовых актов и отечественного законодательства в вопросах медиаполитики

3.3. Роль медиаобразования в формировании медиакультуры личности.

Н.Б. Кириллова отмечает, что «глобализация средств массовой информации <...> способствует преодолению географических, экономических, духовных и прочих границ» (Кириллова, 2021: 4). Это напрямую связано с авторской идеей, проходящей красной нитью через несколько знакомых нам работ Н.Б. Кирилловой, о междисциплинарном характере исследований медиакультуры. Поэтому в рецензируемой книге активно используются термины «медиасреда», «медиапространство», «медиатворчество», «медиаменеджмент».

Интересным, достойным отдельного исследования, является отождествление процесса модернизации общества с его медиатизацией (Кириллова, 2021: 5).

Н.Б. Кириллова подробно объясняет необходимость изучения и активного формирования медиаполитики разрывами в со-

циокультурной динамике, тем, что наступил финал классической рациональности, закончилось давление схемы линейного процесса как закона истории (см.: Кириллова, 2021: 6-7).

На наш взгляд, выявляя обусловленность формирования медиаполитики, автор рецензируемой книги очень точно отмечает в качестве причин динамику нравственных систем и ориентаций; превращение интерпретаций в инструмент интеграции; наконец, постмодернизационную революцию (Кириллова, 2021: 10). Н.Б. Кириллова пишет: «...на первый план выходят информационно-коммуникативные технологии как средства ускорения темпов глобальной интеграции в экономике и инструменты воздействия на политику, массовое сознание и культуру» (Кириллова, 2021: 23).

С исследовательской точки зрения важно, что автор рассматривает современную культуру в качестве полиэкранного комплекса как в синхронном, так и в историческом аспектах: «Изобретение в 1895 году кинематографа и стремительное распространение его, затем телевидения, видео, персональных компьютеров, Интернета, опыт разработки художественных возможностей цветомузыки, различного рода звукозрительных представлений, опосредованных новейшими техническими средствами, расширяющееся внедрение новых технологий во все сферы культуры и быта, вплоть до виртуальной реальности, охватывающей сферу досуга, – все это разновидности единого целого – *экранной культуры*» (Кириллова, 2021: 30).

Н.Б. Кириллова определяет властный, даже репрессивный характер экрана как политического инструмента: «Взаимодействуя со сложными и противоречивыми социальными процессами, экран сыграл решающую роль в демократизации культуры и в появлении ее новых форм» (Кириллова, 2021: 30). Цитируя К.Э. Разлогова, Н.Б. Кириллова пишет, что «именно экран <...> становится материальным носителем нового типа культуры» (Кириллова, 2021: 31).

Интересным феноменологическим наблюдением является описание генетической связи страницы печатной книги и интернет-страницы, а также экранных трансляций как таковых: «“Ожившая” страница превратилась в экран, который затем с помощью телевидения пришел к нам в дом, став таким же предметом домашней культуры, каким уже давно является книга. Наконец, видеомаягнитофон предоставил возможность более гибкой областной связи с экраном, нежели кинематограф или телевидение. Видеокассета – то же запечатление фрагмента мировой культуры, какое характерно для книги. Процесс совершенствования средств вычислительной техники приведет к тому, что персональный компьютер будет являть собой раскрытую книгу. Таким образом культура компьютерной страницы есть не что иное, как трансформированная книжная культура, определенный итог эволюции книги» (Кириллова, 2021: 31).

Многообразие экранов, окружающих современного человека – это идея, очень близкая нашей концепции (см.: Григорьев, 2022): «Компьютер, благодаря наличию информационных сетей, становится важнейшей составной частью глобального полилога, в перспективе – новым динамизированным способом существования самой медиакультуры» (Кириллова, 2021: 32). Неоспоримым, а поэтому достойным философского внимания является факт «вживления» экрана в структуру современной культуры (см.: Саенко, Щеглов, 2012).

Автор констатирует появление нового типа культуры – экранной, добавляющей «новое измерение» (Кириллова, 2021: 32):

1) «...новый тип общения, основанный на возможности свободного выхода личности в “виртуальное пространство”» (Кириллова, 2021: 32);

2) новое мышление («...ориентированность человека на саморазвитие»), для которого «органично срастание логического и образного, интеграция понятийного и наглядного, формирование образности и

чувственного моделирования» (Кириллова, 2021: 33);

3) экран-полилог способен «“развернуть” информированность каждого лицом к интеллектуальной жизни общества» (Кириллова, 2021: 33);

4) формирование планетарного, общечеловеческого характера культуры.

Именно в данном контексте видится особенно отчетливо, что «всемирная паутина Интернета постепенно становится глобальным коммуникационным зеркалом-экраном жизни человечества» (Кириллова, 2021: 33).

Н.Б. Кириллова выделила перспективную исследовательскую область – язык, знаковая система экрана. На наш взгляд, весьма продуктивным является авторская идея о том, что сегодня каждый вид экрана выработал и свою семиотическую систему: «...у кино – большой экран, у ТВ – эффект прямого, непосредственного общения, у видео – электронные спецэффекты, симулякры» (Кириллова, 2021: 34).

Говоря о том, что наше отношение к реальности стало медиатизированным, Н.Б. Кириллова не остается голословной, отмечая, что под воздействием экрана меняются даже качества нашего взгляда. «Искусство все больше становится новой инженерной наукой, разрываясь между моделью “киберкультуры” и различными экспериментами...» (Кириллова, 2021: 43). Это связано с тем, что работа художника тоже меняет свой статус, связь с реальностью – виртуализируется; «...новая визуальная культура пришла на смену грубой обработке исходного материала (Кириллова, 2021: 44).

Всю рецензируемую книгу в качестве концепции пронизывает идея динамики экрана как культурного феномена: «...экран взял-таки власть в свои руки, кино, этот экран выпестовавшее, добившееся для него высокого статуса в культуре, оказалось вдруг лишь одним из компонентов, одним из составляющих ориентированной на родное ему визуальное начало мультимедийной культуры» (Кириллова, 2021: 45).

Отдельное внимание Н.Б. Кириллова уделяет формированию нового типа «человека экранного», связывая его со снятием возможности созидания культурных ценностей и культивированием потребления. Однако, отмечает автор, экран дарует современному индивиду и противоположные возможности и привычки:

- возможность создания сугубо личной виртуальной реальности;
- погружение в постмодернистскую парадигму с ее плюрализмом;
- превращение в суперчитателя (зрителя, слушателя), разделяющего соавторство с творцом.

Так рассуждая, Н.Б. Кириллова приходит к утверждению: «Формируется новое компьютерное поколение – поколение, имеющее идентификационные параметры и принимающее физическую и искусственную (виртуальную) реальность как равные реальности» (Кириллова, 2021: 55). Амбивалентный характер виртуализации культуры активно обсуждается исследователями (см.: Volkova, 2020).

Н.Б. Кириллова, уже не как футуролог, а как аналитик современной медиакультуры, пишет о конвергенции «разного рода экранов в единый культурно-коммуникационный комбайн – телекомпьютер, экран которого может почти бесконечно расширяться» (Кириллова, 2021: 34). Метафора комбайна как нельзя лучше отражает мощную экспансию экранного в современной культуре.

Источники

Кириллова, Н.Б. Медиаполитика государства в условиях социокультурной модернизации: учебное пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2022. 109 с.

Литература

Гриняев, С. После битвы – киберпространство. Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Минск: Харвест, 2004. 448 с.

Кириллова, Н.Б. Медиалогия: монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 420 с.

Григорьев, С.Л. Манипулятивные технологии экранной культуры: к постановке проблемы // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 4-2. С. 198-204. DOI 10.12731/2077-1770-2021-13-4-2-198-204.

Григорьев, С.Л. Метафора дигитальной пещеры в концептуальных интерпретациях экранной культуры // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3 (95). С. 171-175.

Качераускас, Т. Экран и экзистенциальное творчество // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. 2009. Вып. 6а. С. 91-96.

Саенко, Н.Р., Щеглов, И.В. Процедуры «вживления» экрана в бытие современного человека // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4 (33). С. 275-282.

Volkova, P., Luginina, A., Saenko, N., Samusenko, V. Virtual reality: Pro et contra // Journal of Social Studies Education Research. 2020. Vol. 11. No 4. P. 190-203.

Sources

Kirillova, N. B. (2022), *Mediapolitika gosudarstva v usloviyakh sotsiokul'turnoy modernizatsii: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Media policy of the state in the context of socio-cultural modernization: a textbook for universities], Yurayt, Moscow (in Russ.).

References

Grigoryev, S. L. (2022), “The metaphor of the digital cave in conceptual interpretations of screen culture”, *Society: Philosophy, History, Culture*, 3 (95), 171-175 (in Russ.).

Grigoryev, S. L. (2021), “Manipulative technologies of screen culture: towards the formulation of the problem”, *Modern Studies of Social Issues*, 13 (4-2), 198-204 (in Russ.). DOI 10.12731/2077-1770-2021-13-4-2-198-204.

Grinyaev, S. (2004), *Posle bitvy – kiberneticheskoy. Teoriya, priyomy, sredstva, metody i sistemy vedeniya informatsionnoy voyny* [After the battle, cyberspace. Theory, techniques, means, methods and systems of information warfare], Harvest, Minsk, Belarus (in Russ.).

Kacherauskas, T. (2009), “The screen and existential creativity”, *Bulletin of the Buryat State University. Series Philosophy, Sociology, Political Science, Cultural Studies*, 6a, 91-96 (in Russ.).

Kirillova, N. B. (2018), *Medialogiya: monografiya* [Medialogy: monograph], Direkt-Media, Moscow, Berlin (in Russ.).

Saenko, N. R. and Shcheglov, I. V. (2012), "Routines of 'implantation' of the screen in life of the modern person", *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4 (33), 275-282 (in Russ.).

Volkova, P., Luginina, A., Saenko, N. and Samusenko, V. (2020), "Virtual reality: Pro et contra", *Journal of Social Studies Education Research*, 11 (4), 190-203.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Григорьев Сергей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, ул. Тимирязевская, д. 49, г. Москва, 127550, Россия; grigoryevdiss@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9143-0636

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey L. Grigoryev, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, 49 Timiryazevskaya St., Moscow 127550, Russia; grigoryevdiss@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9143-0636

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-14

Ахмед М. М. А.

**Специфика медиарепрезентации социокультурных изменений
в условиях цифровизации социума**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; muhtasam.oryoly@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы репрезентации в медиасреде социокультурных изменений, вызванных цифровизацией и ее воздействием на человека. Анализируются трансформации социальных взаимодействий и повседневных практик людей, связанные с активным внедрением информационно-коммуникативных технологий и распространением технических средств коммуникации. Рассматриваются вопросы формирования новой идентичности социального субъекта «Homo digitalis», которая является следствием становления цифровой эпохи и сопровождается возникновением новых социальных рисков.

Ключевые слова: цифровая реальность; социокультурные изменения; идентичность; компьютерные технологии; средства массовой информации; манипуляция общественным мнением

Для цитирования: Ахмед М. М. А. Специфика медиарепрезентации социокультурных изменений в условиях цифровизации социума // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 182-187. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-14

M. M. A. Ahmed

**The specifics of media representation of socio-cultural changes
in the conditions of digitalization of society**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
muhtasam.oryoly@mail.ru

Abstract. The paper presents the issues of representation in the media environment of sociocultural changes caused by digitalization and its impact on a person. The transformations of social interactions and everyday practices of people associated with the active introduction of information and communication technologies and the spread of technical means of communication are analyzed. The issues of the formation of a new identity of the social subject "Homo digitalis", which is a consequence of the formation of the digital age and is accompanied by the emergence of new social risks, are considered.

Keywords: digital reality; sociocultural changes; identity; computer technologies; mass media; manipulation of public opinion

For citation: Ahmed M. M. A. (2022), "The specifics of media representation of socio-cultural changes in the conditions of digitalization of society", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 182-187, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-14

Начиная со второй половины XX века активное развитие информационно-коммуникативных технологий и технических средств коммуникации оказывает воздействие абсолютно на все сферы жизни. Цифровизация стала неотъемлемой частью трансформационных процессов в науке, образовании, экономике и финансах, промышленности и других областях жизни общества. Впервые термин цифровизация был использован в 70-х гг., ввиду революции в сфере компьютерных технологий, когда аналоговые методы обработки информации сменялись на цифровые, что являлось предпосылкой масштабного преобразования всей технологической среды (Чернов, 2021: 122).

Высокая скорость цифровых преобразований интенсивно воздействует на ритм и на образ жизни людей, приводя к изменениям социальных отношений на микроуровне повседневных практик и последующей легитимации этих изменений, закреплению новой, связанной со встраиванием цифровой компоненты, «нормативности» уже на уровне социальных институтов. Создавая систему интегрированного – реального, дополненного виртуальным, – пространства, человек является и созидателем, и продуктом сформированной им среды. С одной стороны, субъект попадает под влияние на уровне физического мира цифровых технических средств, достраивающих индивидуальные возможности в плане коммуникации, анализа, обработки, обмена информацией. С другой стороны, новая символическая и нормативная среда цифровой коммуникации формирует новые интересы, потребности и виды деятельности человека.

Данный процесс привлекает внимание множества исследователей из разных отраслей знания – социологов, психологов, педагогов, философов. Понимание глубины и необратимости происходящих изменений заставляет ученых говорить о том, что становление новой цифровой эпохи сопровождается формированием нового вида человека – «Homo digitalis, или человека цифро-

вого» (Жулего и др, 2019): информационными изменениями затрагивается не только культурная среда, но и личность человека, его социальная идентичность. Маркирование данного вида идентичности транслирует озабоченность исследователей зависимостью современного человека от современных информационно-коммуникативных технологий, уровнем информационной перегруженности и «загрязненности» среды. Действительно, современного человека невозможно представить без технических средств коммуникации, ежедневного мониторинга мессенджеров и социальных сетей, без широкого спектра программных и технических средств, используемых как на работе, так и в быту. Встает вопрос о том, насколько мы способны сохранить свою субъектность в этом своеобразном симбиозе с информационно-коммуникативными технологиями. Также обозначение цифровой идентичности говорит нам и об осознании новых рисков, информационно-коммуникативных измерений социального неравенства и конфликтов социальных субъектов в условиях цифровой реальности: каково «место человека в этом искусственно-информационном пространстве и сможет ли общество управлять этой новой реальностью» (Тюриков, Большунов, 2019: 7), возможно ли преодолеть не только технологические, информационные, но и сопряженные с ними культурные разрывы.

На протяжении веков традиционными системами трансляции культуры и знаний были высшие учебные заведения, театры, музеи, библиотеки. Уже в конце XX – начале XXI вв. роль ключевого канала передачи на себя взяла медиасфера, закрепив за собой право на распространение информации. На протяжении второй половины XX века самым влиятельным и эффективным средством донесения до зрителей и слушателей информации являлось телевидение. В настоящее время выше по популярности телевизионного вещания стал интернет. Современные информационно-коммуникативные средства и платформы представляют собой интерактивные площадки

для неформального обмена информацией, идеями и опытом. Владение инструментами коммуникации становится ключевым ресурсом информационной экспансии. Происходит постепенное вытеснение лидеров экспертного мнения – деятелей культуры и искусства, представителей профессиональных, научных, образовательных элит, коммуникация с которыми требует определенного уровня подготовленности, в пользу медийных лиц, возможно, не обладающих высокой квалификацией и не имеющих формально подтвержденных экспертных статусов, но владеющих навыками пользования информационно-коммуникативными средствами. Для того чтобы эффективно пользоваться получаемой из современных медиа информацией для принятия каких-либо решений и совершения действий, от субъектов коммуникации уже требуется не пассивное восприятие готового «медиапродукта»,

а развитые аналитические и коммуникативные навыки для ее проверки и верификации. Медиаграмотность становится одной из самых востребованных компетенций. Но готово ли общество к взаимодействию в условиях новой информационной реальности? Есть ли у нас прививка критической рациональности?

По данным ВЦИОМ за 1 квартал 2021 г. (рисунок), объем телевизионной аудитории снизился почти в два раза, так как большое число россиян получают новостную информацию из различных Интернет-ресурсов. Наблюдаются существенные межпоколенческие отличия в выборе источника информации: так представители старшего поколения являются телезрителями, а молодежь телевизор почти не смотрит (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring.03.03.2021>).

Рис. Активность пользователей в медиасфере
Fig. User's activity in the media sphere

Традиционные СМИ не смогут конкурировать с новыми интерактивными медиа в борьбе за аудиторию в силу унификации транслируемой точки зрения, не отражающей плюрализм мнений и образов жизни различных социальных групп, представленных в социальных сетях и на иных комму-

никативных платформах. Молодые поколения, для которых цифровая среда является основным полем социальных взаимодействий, демонстрирует большую устойчивость к манипулятивным стратегиям и медиаграмотность. Соответствующая интересам аудитории социальная проблематика

передислоцируется из традиционных ригидных СМИ в новые цифровые среды. Поэтому тактика переключения аудитории с внутренней тематики на внешнюю утрачивает свою эффективность и требует разработки новых подходов, направленных на согласование социальных интересов различных групп (см.: Коноплев, 2020).

Роль социальных сетей и мессенджеров достаточно велика, и их вполне можно считать новыми институтами социализации. В процессе взаимодействия в цифровой среде создаются новые социальные нормы, действие которых может выходить за рамки виртуального пространства. Возникающие последствия виртуальных социальных действий оказываются вполне реальными и, более того, иногда не имеют территориальных и временных ограничений своего воздействия. Формируется новая культура и этика презентации себя и своей жизни в цифровых средах. Здесь, в качестве примера, можно привести и новую виртуальную профессиональную нормативность, требующую ведения рабочей коммуникации в отведенное рабочее время, и расхожую фразу о том, что «интернет помнит всё», напоминающую о материальной фиксации нашей активности в режиме 24/7.

Необходимо отметить, что образы мира, общественных и межличностных отношений, формируемые медиа, зачастую не соотносятся с условиями и фактами объективной реальности. Преследуя цель сохранения аудитории, медиа манипулируют вниманием аудитории при помощи контента, который либо отражает социально-одобряемые, поддерживаемые группами влияния престижные практики и образ жизни, либо акцентирует внимание на наиболее острых, деструктивных явлениях, конфликтах, преследуя цели изменения существующего статус-кво. К отрицательным воздействиям медиа в данном случае можно отнести распространение недостоверной, ложной, искаженной информации в интересах определенных категорий лиц. Представление такой информации в СМИ

определяет появление процесса фасцинации, то есть спланированного информационного воздействия, которое «способностью внешней формы, демонстрационного коммуникативного сигнала умеет приковывать внимание, вызывать волнующий интерес, удивление, радость, восхищение, восторг, очарование, экстаз, шок, испуг, ужас» (Поварницына, 2015: 119) (см. также: (Замараева, 2021; Абрамова, 2019)). Это повышает вероятность возникновения конфликтов, основанных на отличиях восприятия и интерпретации получаемой информации, между людьми с различным социальным и жизненным опытом. При этом необходимо отметить, что информационные виртуальные конфликты являются не менее разрушительными по своему воздействию на психику человека. Многие исследователи акцентируют внимание на опасностях социализации человека в сети Интернет, к которым они относят дезинформацию и возможные деструктивные воздействия на психическое и эмоциональное состояние, порождение таких чувств как страх, напряженность, паника (Кротов, Загутин, Самыгин, 2018). Такое воздействие является угрозой для пользователей социальных сетей, в частности еще не сформировавшихся и особо эмоциональных слоев общества – подростков и молодежной аудитории в целом.

Информационно-коммуникативные технологии играют огромную роль в нашей жизни, и влияние цифровизации будет только нарастать. Невозможно говорить об одностороннем воздействии со стороны современной цифровой среды и медиа на человека. Цифровая трансформация представляет собой процесс адаптационного взаимодействия информационно-коммуникативной среды и человека. Поэтому в качестве ключевого ресурса преодоления рисков, которые несет цифровая среда, ученые отмечают образование и просвещение, которые должны нам помочь преодолеть вызовы и искушения эпохи цифрового варварства и использовать цифровые технологии на благо человека и всего общества.

Литература

Абрамова, Е.И. Фасцинативные приемы в текстах языкового ландшафта // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 4. С. 961-973. DOI 10.24147/2413-6182.2019.6(4).961-973.

Жулего, В.Г., Балякин, А.А., Нурбина, М.В., Тараненко, С.Б. Цифровизация общества: новые вызовы в социальной сфере // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 9-2. С. 36-43.

Замараева, Е.И. Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 1. С. 43-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48

Коноплев, Д.Э. Современные медиасистемы: кризис традиционных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1 (35). С. 158-162. DOI 10.24411/2070-0695-2020-10121

Кротов, Д.В., Загутин, Д.С., Самыгин, С.И. Значение сетевых структур и информационных технологий в вопросе формирования социального поведения digital поколения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 45-48.

Маркина, В.М. Репрезентация Других в медиа: (вос)создание стереотипов и контрстратегии изображения инаковости // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 147-158. DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.08

Поварницына, М.В. Фасцинативность как конститутивный признак креолизованных текстов в массовой интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-3. С. 151-154.

Тюриков, А.Г., Большунов, А.Я. Информационные технологии как социальный вызов XXI века // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 2. С. 6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-6-10

Чернов, И.В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 1. С. 121-132. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.1.11>

References

Abramova, E. I. (2019), "Fascination techniques in linguistic landscape texts", *Communication studies*, 6 (4), 961-973, DOI 10.24147/2413-6182.2019.6(4).961-973 (in Russ.).

Chernov, I. V. (2021), "Digitalization as a tendency of development of modern society: specificity of the scientific discourse", *Humanities of the South of Russia*, 10 (1), 121-132, DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.1.11> (in Russ.).

Konoplev, D. E. (2020), "Modern media systems: the crisis of traditional media", *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: problematic field of media education], 1 (35). 158-162, DOI 10.24411/2070-0695-2020-10121 (in Russ.).

Krotov, D. V., Zagutin, D. S. and Samygin, S. I. (2018), "Value of the network structures and information technologies in the question of formation of social behavior of Digital generation" *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 1, 45-48 (in Russ.).

Markina, V. M. (2016), "The representation of the 'others' in media: (re)production of stereotypes and counter-strategies of othering", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 147-158, DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.08 (in Russ.).

Povarnitsyna, M. V. (2015), "Fascination content as a constitutive feature of the creolized text in the mass internet communication", *Philology. Theory & Practice*, 12-3, 151-154 (in Russ.).

Tyurikov, A. G. and Bolshunov, A. Ya. (2019), "Information technologies as a social challenge of the XXI century", *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 9 (2), 6-11, DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-6-10 (in Russ.).

Zamaraeva, E. I. (2021) "Sociocultural transformations in the era of digitalization", *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 11 (1), 43-48, DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48 (in Russ.).

Zhulego, V. G., Balyakin, A. A., Nurkina, M. V. and Taranenko, S. B. (2019), "Digitalization of society: new challenges in the social sphere", *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 9-2, 36-43 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Ахмед Мухтасам Мустафа Ахмед, аспирант кафедры социальной работы по направлению подготовки 39.06.01 Социологические науки, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; muhtasam.oryoly@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Muhtasam Mustafa A. Ahmed, Postgraduate Student of the Department of Social Work in the field of training 39.06.01 Sociological Sciences, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; muhtasam.oryoly@mail.ru

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-15

Суворова Е. В.

Бизнес-тренинг как философско-антропологический феномен

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; suvorovaelena1967@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос об антропологических основаниях практического эффекта от применения бизнес-тренингов в современном бизнес-сообществе. Анализируются направления тренингового воздействия на различные аспекты и свойства личности в соотношении с наиболее часто используемой классификацией ценностей, формируемых на бизнес-тренингах, определяющих формирование миссии бизнес-организаций.

Ключевые слова: бизнес-образование; бизнес-тренинг; трансформация личности; классификация ценностей; миссия организации

Для цитирования: Суворова Е.В. Бизнес-тренинг как философско-антропологический феномен // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 188-193. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-15

E. V. Suvorova

Business training as a philosophical and anthropological phenomenon

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; suvorovaelena1967@mail.ru

Annotation. The article raises the question of the anthropological foundations of the practical effect of the use of business training in the modern business community. The directions of the training impact on various aspects and personality traits are analyzed in relation to the most commonly used classification of values formed in business trainings that determine the formation of the mission of business organizations.

Keywords: business education; business training; personality transformation; classification of values; mission of the organization

For citation: Suvorova E. V. (2022), "Business training as a philosophical and anthropological phenomenon", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 188-193, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-15

Введение

Проблема воздействия бизнес-тренинга на человека является одной из самых обсуждаемых тем современности. В последние десятилетия большое количество

ученых выпустили труды по общим вопросам бизнес-тренинга и управления персоналом (Хрящева, 1990; Большаков, 1996; Ситников, 2006; Петровская, 2007; Мирошников, 2008; Володина, 2009; Зубкова, 2009;

Кузнецов, 2009 и др.). Среди них ряд авторов непосредственно обращались к теме воздействия бизнес-тренинга на человека, в том числе и с помощью практик нейролингвистического программирования (Большаков, 1996; Щекин, 1997; Таранов, 2000; Дятлов, 2001; Магура, 2001; Боденхамер, 2006; Ситников, 2006; Андерсен, 2008; Пезешкиан, 2009; Мишурова, 2010; Александров, 2011; Горностаев, 2014; Середа, 2018; Богатырь, 2021 и др.).

Главным действующим лицом любого бизнеса является человек, который, по замечанию В.П. Веряскиной, является специфическим носителем жизни и ценностей, а проблема сущностного определения человека составляет главный вопрос философской антропологии (Веряскина, 2000: 31). Из этого следует, что любой бизнес, а также способы обучения бизнесу, нацелены на то, чтобы воздействовать на человека с целью повышения его мотивации к работе и производительности труда. Некоторые ученые говорят о необходимости иметь эмоциональный интеллект, под которым понимается «умение управлять своими чувствами таким образом, чтобы выражать их в подходящий момент и с пользой, давая людям возможность спокойно работать вместе для достижения общих целей» (Гоулман, 2013: 21-22). Однако кроме эмоционального интеллекта необходимы навыки постоянного повышения квалификации человека в условиях информационных потоков и быстро развивающихся знаний в различных направлениях бизнеса.

Современный российский бизнес функционирует в условиях строжайшей конкуренции. Поэтому для успеха необходимо учитывать и эффективно сочетать множество факторов. Например, А.Ю. Середа и Л.В. Пятилетова находят, что в России недостаточно осознанной остается потребность производства в так называемой «производственной культуре»: «К сожалению, приходится констатировать, что в России недостаточно полно осознание потребности производства в эффективной “произ-

водственной культуре”, что напрямую выражено в отсутствующем запросе общества на специалистов в области культурной антропологии, культурологии» (Середа, Пятилетова, 2018). В ситуации быстроразвивающейся экономики предприятия должны быть способны быстро и эффективно приспособляться к изменениям. От них постоянно требуется повышение качества выпускаемой продукции или предоставляемой услуги и непрерывного обновления. Более того, можно сказать, что от этого практически полностью зависит «выживание» компании. Это касается не только самих услуг или товаров, предлагаемых определенной компанией, но и тех, кто в ней работает, ее персонала и руководства. Бил Гейтс указывает на то, что ключевой концепцией 90-х годов являлась скорость, в том числе и скорость изменения характера бизнеса (Гейтс, 2003: 3). Эта тенденция сохраняется до сих пор. Необходимость адаптироваться к нововведениям касается всех сотрудников предприятия, так как человеческий капитал является одним из наиболее важных конкурентных преимуществ любой компании. Персонал компании, как правило, характеризуется не только высокими знаниями о специфике отрасли и деятельности компании, но и, что более важно, уникальным набором знаний умений и навыков, обеспечивающих эффективное выполнение поставленных рабочих задач. Поэтому большой интерес для организаций представляет развитие и обучение сотрудников с целью совершенствования их профессиональных качеств. Однако традиционная система обучения не всегда способна удовлетворить данную потребность в связи с растянутостью программ обучения во времени, а также их теоретической направленностью. Быстро распространяющейся альтернативой являются бизнес-тренинги, которые, как правило, предоставляют краткосрочные, но емкие программы различных направлений, антропологическая специфика которых является предметом нашего исследования.

Основная часть

В России используется мировой опыт организации и ведения различного рода бизнес-тренингов. Их, как правило, могут проводить либо сотрудники самой фирмы, либо приглашенные коучи и бизнес-тренеры. Особенно актуальными сегодня становятся тренинги, семинары, вебинары, связанные с повышением квалификации работников, тайм-менеджментом, улучшением взаимоотношений в коллективе.

Цель всех бизнес-тренингов состоит в создании для человека предпосылок к его личностному росту, обнулению личностных психологических барьеров сотрудников, обучающихся на тренингах. Таким образом, конструктивный бизнес-тренинг – это процесс личностной трансформации человека. Под трансформацией личности можно понимать любое позитивное или, наоборот, негативное изменение личностных и профессиональных качеств человека, его отношения к жизни в целом. Это всесторонний процесс, позволяющий либо качественно улучшить жизнь человека, либо существенно ее ухудшить. В определенном смысле трансформация сущностно присуща человеку, который меняется в ходе научения, в широком смысле длящегося в течении всей жизни. Однако бизнес-тренинг представляет собой не только целенаправленную трансформацию, как и любое другое обучение, но очень интенсивное изменение, так или иначе связанное с определенной профессиональной деятельностью.

Достичь поставленной цели, изменения представлений человека, его поведения, практики, можно различными способами, как правило связанными с выведением человека из привычной среды в искусственно сконструированную. В частности, через использование формата игры или симуляции. Так бизнес симуляция не только имитирует настоящую экономическую ситуацию, но позволяет внедрить и закрепить избранные практики. Игровые формы активно используются при проведении тренингов принятия эффективных решений, тренингов продаж, создания команды и

других. Селекция моделей поведения в игровом мире происходит управляемо и целенаправленно под решение конкретных задач. Детальная специализация тренингов указывает на это. Однако будет ошибочным, если подобное изменение будет рассматриваться изолированно от всего остального. Человек, меняя свой схематизм действий, не может не меняться как личность.

Практика применения бизнес-тренингов говорит в пользу того, что они являются неотъемлемой частью комплексной работы с персоналом, предполагающей личностный и карьерный рост сотрудников, корпоративную этику, принятие определенных ценностей и, как следствие, предполагающую увеличение эффективности работы. То есть, бизнес-тренинг как феномен трансформации человека предполагает не только изменение узко специализированной практики, а всего человека. Отсюда, первой задачей бизнес-тренингов является создание определенного психологического настроя участников, способствующего принятию нового, и уже после формирование заданных личностных характеристик или установка на те или иные деловые цели. Среди последних мы можем найти целый пул относящихся к изменению как таковому. Это развитие, совершенствование, новое как благо, ценность действия и знания, которые можно назвать служебными установками или ценностями, обеспечивающими сам процесс трансформации. Наряду с ними, другим пулом ценностей можно назвать сосредоточенные вокруг понятия эффективности установки личной эффективности, пунктуальности, исполнительности, дисциплины, но также и творчества, и инициативы.

В ходе обучения персонала бизнес-компаний и организаций на бизнес-тренингах у участников наряду с выше перечисленными ценностями формируются и практические профессиональные ценности. Они важны для бесконфликтной работы команды, влияют на ее эффективную работу-

способность, быстроту и креативность принимаемых решений, ведущих к общему успешному достижению поставленных целей. Так постепенно создается миссия бизнес-предприятия, определяющая ее дальнейшее эффективное и успешное развитие и конкурентоспособность на рынке. Эти ценности важны для успеха предприятия, поскольку их принятие членами коллектива действительно улучшает производственные отношения и эффективность производства.

В условиях современного общества, когда каждый человек стихийно или осознанно выстраивает не только собственную инфосферу и систему ценностей, подобная корректировка может стать желательной или даже необходимой. Эпоха однозначно разделяемой и общепризнанной трудовой этики прошла. На смену ей явилась система мозаичной идентичности, но дополненная возможностью формирования внутрикорпоративной, локальной, специализированной системы ценностей, практик, установок.

Следует сказать, что наряду с настоящими бизнес-тренингами, способными принести пользу развитию как самого человека, так и предприятию, в котором он работает, появилось большое количество так называемых «псевдообразований», которые, работая под видом бизнес-тренингов, на самом деле являются организациями деструктивного характера, тоталитарными сектами. Наиболее распространенные псевдо-тренинги довольно подробно охарактеризованы в статье А.П. Игнатенковой (Игнатенкова, 2020), которая критикует бизнес-тренинги и рассматривает их в отрицательном ключе. Однако, в ее работе не уделено внимания настоящим бизнес-тренингам, которые оказывают положительное влияние на личностный рост и развитие человека, поэтому статья А.П. Игнатенковой при всех достоинствах, все же выглядит несколько односторонней. Бизнес-тренинг, проводимый квалифицированным тренером, приносит только положительный результат человеку.

Заключение

Система ценностей – это основа корпоративной культуры. Стало быть, ценности помогают формулировать качественные цели, отражающие ключевые приоритеты, мировоззрение, картину мира и отношение к жизни её собственников, руководителей и сотрудников. Поэтому бизнес-тренинги, проводимые квалифицированными бизнес-тренерами, помогают участвующим в них людям получить ответы на все волнующие их вопросы. Главная задача бизнес-тренингов – проанализировать недостатки и слабые места в рабочих моментах организации и найти наиболее эффективные, креативные пути их преодоления. Результативность бизнес-тренингов является неоспоримой: философия денег постепенно сменяется философией пользы. На первом месте все чаще оказывается продукт, который действительно нужен нашему обществу. Бизнес-тренинг – это та форма обучения в бизнес-образовании, которая направлена на развитие положительных личностных качеств и профессиональных навыков каждого участника. Поэтому в бизнес-образовании проведение бизнес-тренингов является одним из конструктивных способов быстро и качественно донести до его участников инновационную информацию. Бизнес-тренинги являются одним из новых продуктов на рынке услуг бизнес образования. Они, как любой исторически недавно появившийся феномен, вписались в структуру бизнес-образования. Их развитие и растущее разнообразие – исторический и логический ответ на запрос бизнеса в современном обществе.

Литература

- Александров, А.А. Аутотренинг. СПб.: Питер. 2011. 240 с.
- Андерсен, Э. Как вырастить отличных сотрудников и превратить обыкновенных людей в замечательных исполнителей / пер. с англ. С.А. Корнева. М.: Эксмо, 2008. 361 с.
- Богатырь, Н.В. Антропология организацией и сетевых сообществ: история и современность // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 3-12.

Боденхамер, Б. НЛП-практик: полный сертифицированный курс. СПб.: Прайм-Еврознак. 2006. 448 с.

Большаков, В.Ю. Психотренинг: Социодинамика. Упражнения. Игры. СПб.: Соц.-психол. центр, 1996. 379 с.

Веряскина, В.П. Жизнь и ценность как основополагающие понятия философской антропологии // Жизнь как ценность / отв. ред. Л.И. Фесенкова. М.: ИФ РАН., 2000. С. 31-50.

Володина, Н.В. Адаптация персонала: российский опыт построения комплексной системы. М.: Эксмо. 2009. 238 с.

Гейтс, Б. Бизнес со скоростью мысли / пер. с англ.: И.В. Кудряшов, Е. Подольный. Изд. 2-е, испр. М.: Эксмо, 2003. 118 с.

Горностаев, С.В. Диагностика мотивации профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: практические рекомендации. Рязань: Акад. ФСИН России, 2014. 57 с.

Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / пер. с англ. А. Исаевой. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2013. 536 с.

Дятлов, В.А. Актуальные вопросы управления персоналом: [Монография] М: Нефть и газ, 2001. 579 с.

Зубкова, О.В. Системное управление промышленным предприятием: монография. Челябинск: Сити Принт. 2009. 493 с.

Игнатенкова, А.П. Торговцы успехом: антропология псевдообразования в современной России // Социально-гуманитарные знания как фактор изменений современного общества. Материалы межвуз. студенч. науч.-практ. конф. / отв.ред. Мусарский М.М. и др. М.: Изд-во МПГУ, 2020. С. 251-266.

Кузнецов, И.Н. Бизнес-психология. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. 241 с.

Магура, М.И. Современные персоналотехнологии. М.: Бизнес-шк. "Интел-Синтез", 2001. 376 с.

Мирошниченко, А.А. Бизнес-коммуникации: мастерство делового общения: практическое руководство. М.: Кн. мир, 2008. 384 с.

Мишурова, И.В. Управление мотивацией персонала. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Изд. центр МарТ: Феникс. 2010. 271 с.

Пезешкиан, Н. Психосоматика и позитивная психотерапия / пер. с нем. 2-е изд. М.: Институт позитивной психотерапии. 2006. 464 с.

Петровская, Л.А. Общение – компетентность – тренинг: избранные труды / ред.-сост. О.В. Соловьева. М.: Смысл, 2007. 691 с.

Середа, А.Ю., Пятилетова, Л.В. Бизнес-антропология как проекция культурной антропологии // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 3. С. 35. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2018/03/86011> (дата обращения: 03.03.2022).

Ситников, А.П. Технологии современного коммуникационного консалтинга в бизнесе и политике. М.: СПбГУП, 2006. 31 с.

Таранов, П.С. Приемы влияния на людей. М.: ГРАНД ФАИР-пресс. 2000. 602 с.

Хрящева, Н.Ю. Деловое общение руководителя. Л.: Ленингр. орг. о-ва "Знание" РСФСР, 1990. 14 с.

Щекин, Г.В. Психология работы с людьми / Межрег. акад. упр. персоналом (МАУП). Киев, 1997. 175 с.

References

Aleksandrov, A. A. (2011), *Autotrening*, Piter, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Andersen, E. (2008), *Kak vyrastit' otlichnyh sotrudnikov i prevratit' obyknovennyh lyudey zamechatel'nyh ispolniteley* [How to grow excellent employees and turn ordinary people into wonderful performers], Transl. from English by S.A. Kornev, Eksmo, Moscow, Russia, (in Russ.).

Bodenhamer, B. (2006), *NLP-praktik: polnyy sertifikirovanny kurs* [NLP Practitioner: Full certified course], Praym-Evroznak, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Bogatyr, N. V. (2021), "Anthropology of organizations and network communities: history and modernity", *Etnograficheskoe obozrenie*, 3, 3-12 (in Russ.).

Bol'shakov, V. Yu. (1996), *Psikhotrening: Sotsiodinamika. Uprazhneniya. Iгры* [Psychotrainning: Sociodynamics. Exercises. Games], Socio-Psychological Center, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Dyatlov, V. A. (2001), *Aktual'nye voprosy upravleniya personalom* [Current issues of personnel management], Neft' i gaz, Moscow, Russia (in Russ.).

Gates, B. (2003), *Biznes so skorost'yu mysli* [Business @ the Speed of Thought], transl. from English by I.V. Kudryashov and E. Podolny, 2nd ed., revised, Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Gornostaev, S. V. (2014), *Dagnostika motivatsii professional'noy deyatel'nosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: prakticheskiye*

rekomendatsii [Diagnostics of motivation of professional activity of employees of the penitentiary system: practical recommendations], Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia (in Russ.).

Goulman, D. (2013), *Emotsional'nyy intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ* [Emotional intellect. Why it can mean more than IQ], transl. from English by A. Isaeva, "Mann, Ivanov and Ferber", Moscow, Russia (in Russ.).

Ignatenkova, A. P. (2020), "Merchants of Success: The Anthropology of Pseudo-Education in Modern Russia", *Soctsal'no-gumanitarnye znaniya kak faktor izmeneniy sovremennogo obshchestva* [Social and humanitarian knowledge as a factor of changes in modern society], in Mursarsky, M.M. and others (ed.), Publishing House of Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, 251-266 (in Russ.).

Khryashcheva, N. Yu. (1990), *Delovoe obshchenie rukovoditelya* [Business communication of the manager], Leningrad organization of the Knowledge Society of the RSFSR, Leningrad, USSR (in Russ.).

Kuznetsov, I. N. (2009), *Biznes-psikhologiya* [Business Psychology], Publishing and Trade Corporation "Dashkov i K", Moscow, Russia (in Russ.).

Magura, M. I. (2001), *Sovremennye personal-tekhnologii* [Modern personnel technologies], Business School "Intel-Sintez", Moscow, Russia (in Russ.).

Miroshnichenko, A. A. (2008), *Biznes-kommunikatsii: masterstvo delovogo obshcheniya: prakticheskoe rukovodstvo* [Business Communication: Mastery of business communication: a practical guide], Knizhnyy mir, Moscow, Russia, (in Russ.).

Mishurova, I. V. (2010), *Upravlenie motivatsiyey personala* [Staff motivation management], Publishing Center MarT: Feniks, Rostov-on-Don, Russia (in Russ.).

Petrovskaya, L. A. (2007), *Obshchenie – kompetentnost' – trening: izbrannye Trudy* [Communication – competence – training: selected works], editor and compiler O.V. Solovyov, Smysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Pezeshkian, N. (2009), *Psikhosomatika i pozitivnaya psikhoterapiya* [Psychosomatics and positive psychotherapy], transl. from German, 2nd edition, Institute of Positive Psychotherapy, Moscow, Russia (in Russ.).

Sereda, A. Yu. and Pyatiletova, L. V. (2018), "Business Anthropology as a projection of

Cultural Anthropology", *Modern scientific researches and innovations*, 3, 35, available at: <https://web.snauka.ru/issues/2018/03/86011> (Accessed 3 March 2022), (in Russ.).

Shchekin, G. V. (1997), *Psihologiya raboty s lyud'mi* [Psychology of work with people], Inter-regional Academy of Personnel Management (IAPM), Kiev, Ukraine (in Russ.).

Sitnikov, A. P. (2006), *Tekhnologii sovremennogo kommunikatsionnogo konsaltinga v biznese i politike* [Technologies of modern communication consulting in business and politics], Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Moscow, Russia, (in Russ.).

Taranov, P. S. (2000), *Priemy vliyaniya na lyudey* [Ways to influence people], Fair-press, Moscow, Russia, (in Russ.).

Veryaskina, V. P. (2000), "Life and value as the basic concepts of philosophical anthropology", *Zhizn' kak cennost'* [Life as a value], in L.I. Fesenkova (ed.), Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 31-50 (in Russ.).

Volodina, N. V. (2009), *Adaptatsiya personala: rossiyskiy opyt postroyeniya kompleksnoy sistemy* [Adaptation of personnel: Russian experience in building an integrated system], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Zubkova, O. V. (2009), *Sistemnoe upravlenie promyshlennym predpriyatiem* [System management of an industrial enterprise], Siti Print, Chelyabinsk, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Суворова Елена Вячеславовна, аспирант кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; suvorovaelena1967@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Elena V. Suvorova, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; suvorovaelena1967@mail.ru